

СЕМЬЯ И ШКОЛА

журнал для родителей 7. 1974

ственного комитета Совета Министров СССР по профтехобразованию Александр Александрович Булгаков

— страница 4

О чем говорили в Тамбове на областном съезде общественности по проблемам коммунистического воспитания?

— страница 7

В отделе почты — письма читателей, ответы на их вопросы, присланные ими фотографии; очерк, в основе которого — читательское письмо

— страницы 9—13

Комсомол верен заветам Ленина. Вот уже полвека носит ВЛКСМ это самое великое и дорогое имя

— страницы 14—17

В прошлом номере вы увидели журнал в журнале «Воспитание мальчиков». А сейчас — еще два материала под этой рубрикой

— страницы 18—21

Из дневника матери одиннадцати детей Анны Абакаровны Павловой

— страница 22

«С именем бабушки у ребенка обычно слито все доброе, чем отмечены неповторимые детские годы...»

— страница 24

Профессор В. Пушкин рассказывает о работах психологов, исследующих сложное и любопытное явление человеческой психики — интуицию

— страница 26

Природную энергию, желание мальчишек действовать надо направлять. Но не так просто все делается...

— страница 28

Что дети видят в кино? Что любят и хотят видеть? Публицистические заметки Любови Кабо

— страница 32

Фотоочерк о флотилии владивостокских пионеров

— страницы 36—39

Фото Л. Носова

Рассказ южноафриканской писательницы Надин Гордимер «Встреча в пространстве»

— страница 40

В разделе «Природа» — о травах, птицах и людях

— страницы 44—46

Продолжаем публикацию «Физкультурного букваря». О солнечных и воздушных ваннах. О том, как учить ребенка плавать и грести

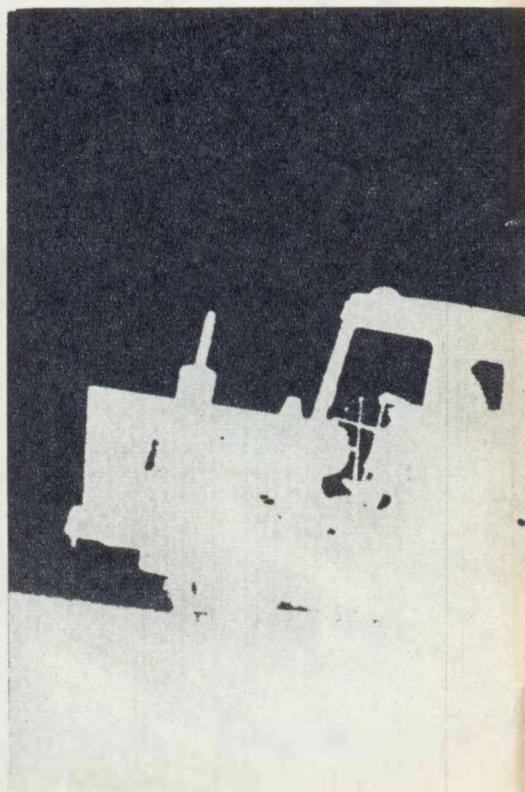
— страница 46

Рассказ Павла Пронина «Дорога»

— страница 50

См. 36—39-ю страницы

В критико-библиографическом разделе: обзор книг о спорте; новинки

— страницы 52—54

Из напечатанного

— страница 55

Рисуют дети: изображение памятников архитектуры и картин современного города — это один из самых важных видов творческой работы

— страницы 56

Пластинки: дирижирует Тосканини; новые литературно-драматические записи для детей

— страницы 58—60

Прочтите малышам

— страница 61

В свободное время вместе с детьми

— страницы 62—63

Домашний музей: «Рыболов» Василия Григорьевича Перова

— страница 64

На 1-й странице обложки фото Д. Фастовского. На 4-й странице обложки фото Л. Носова.

См. 32—35-ю страницы

Семья и школа

Ежемесячный журнал
для родителей
Академия
педагогических наук СССР
№ 7, июль 1974 года
Издается с 1946 года

Главный редактор
Л. М. Иванова

Редакционная коллегия:
П. И. Гелазония
(ответственный секретарь),
А. С. Грищенко,
В. В. Давыдов,
М. В. Жилинская,
О. М. Иванова,
И. И. Карпец,
Н. П. Кузин,
Р. А. Курбатова,
О. Н. Мамонтова
(зам. главного редактора),
Н. И. Монахов,
Б. М. Неменский,
А. И. Попов,
В. А. Рыбаков
(зав. отделом психологии),
А. Г. Хрипкова,
В. П. Щербаков

Художники
М. Верхоланцев и В. Макаров
Художественный редактор Т. Мухина
Технический редактор Л. Улатина

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.
Литературных консультаций
редакция не дает.

Издательство «Педагогика»

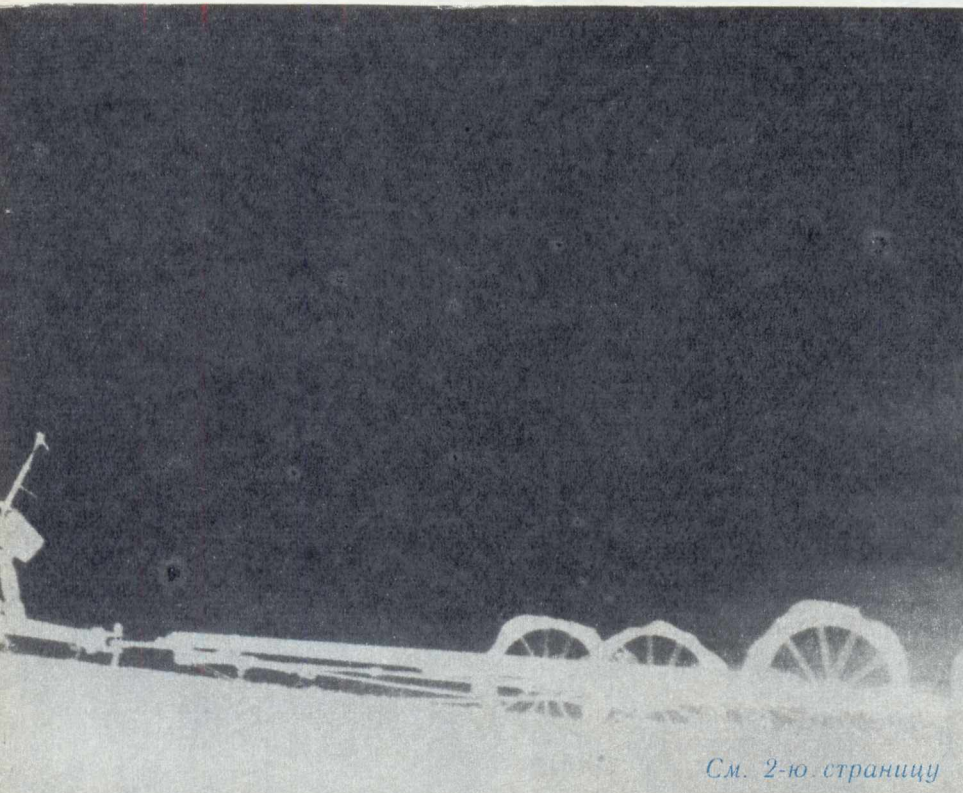
Адрес редакции:
129278 Москва, И-278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-80-09

Подписано к печати 31 мая 1974 года
А05062 Заказ 951
Тираж 1 300 000 экземпляров
Бумага 84 × 108 1/16
Условных печатных листов 7,14

Чеховский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли
город Чехов Московской области

Набор этого номера произведен
на фотонаборном автомате 2НФА
с перфоленты, изготовленной
на устройстве «Север-2»

© Издательство «Педагогика»
«Семья и школа», 1974

См. 2-ю страницу

«Вопросы трудового воспитания, правильного выбора места в жизни связаны с решением большого круга задач. И в этом отношении в нашей стране делается исключительно много. Я имею в виду и меры государственного порядка, в особенности роль нашей школы, и ту колоссальную работу, которую проводит в этом вопросе наша советская общественность. Здесь, как и в других делах, пример показывает наш героический рабочий класс. В рабочем классе зародилось новое замечательное движение — движение наставников молодых рабочих. Наставники — это кадровые рабочие, обладающие высоким мастерством, богатым жизненным опытом, и, я бы сказал, талантливые педагоги. Они по доброй воле, по призванию души учат молодежь трудолюбию, мастерству, воспитывают ее на героических традициях нашего славного рабочего класса».

«...Следует пожелать, чтобы движение наставников стало массовым, охватило все уголки страны, все заводы, фабрики, шахты, рудники, стройки, колхозы и совхозы. Это замечательное, благородное дело, товарищи. Мы призываем вас поддержать его».

*Из речи
товарища Л. И. Брежнева
на XVII съезде ВЛКСМ*

Кого любит земля

Мой сослуживец в прошлом году перед отъездом сына в совхоз возмущался: «Подумайте, им там на соломе спать придется!» Прошло лето, и он же говорит, улыбаясь победоносно: «Кто бы мог подумать, отряд моего Сашки занял первое место в соревновании. Спали они, правда, на полу, но зато мальчишка до сих пор не может забыть, как вставал раньше всех... А какие рассветы!»

Итак, все в порядке. Но великое дело — ориентация. Я думаю, наши старшие ребята возвращались бы более обогащенными, будь у нас достаточно мудрости не столько оберегать их, сколько помочь включиться в эту бурную, непохожую на школьную, взрослую жизнь пятой четверти.

...Работает в Крыму на поливных землях совхоза «Таврический» бригада Героя Социалистического Труда Владимира Семеновича Саранчи. Шефствует она над двумя школами соседнего города Армянска, и учащиеся, в порядке ответной помощи, участвуют в уборочной. Но Владимир Семенович — человек с государственным прицелом, и встречи происходят в течение всего года. Ибо: «Издали землю любить не научишь...»

Было в бригаде мнение — не слишком ли много времени уделяется школьникам? Да и в уборочную они, мол, не нужны. «Если встать пораньше, лечь попозже — и сам управишься. И деньги твои будут, и душе спокойнее: никакого тебе брака, никакой порчи».

Но бригадир исходит из выгоды не столько экономической, сколько нравственной, если можно так выразиться. Один из принципов воспитательного подхода Владимира Семеновича к подшефным — помочь каждому осознать: «Ты можешь почти то же, что взрослый. Ты нужен».

...Однажды на полевом стане во время уборки застал бригадир плачущего мальчика. Сквозь слезы тот рассказал: «Я тоже в седьмом. Так их взяли, а мне он говорит: «Ты, мальчик, много не наработаешь, какая у тебя сила, иди домой». А я все могу, что другие могут...»

«Он» — это Иван Игнатьевич, учетчик, распределяющий ребят по рабочим местам. Хороший человек, однако тут допустил ошибку. У бригадира даже сердце сжалось, когда он представил, что в этот безоблачный день испытал Витя ДЕРЕБИН, отвергнутый обществом, ожидая на полевом стане машину, которая увезет его обратно в город, ненужного, не такого, как все.

— Ладно, сынок, давай пообедаем, — Владимир Семенович обнял мальчика за плечи, повел к столо-

вой, — а потом решим, что нам делать дальше.

Во время обеда подошел он к жене Ивана Игнатьевича и сказал ей тихо:

— Надя, у меня к тебе личная просьба — уважь. Видишь, вон мальчишка сидит? Пусть с тобой поработает неделю...

— Вон тот? Господи, что ж он наработает? Нет, Владимир Семенович, пусть лучше я сама.

— Надя, личная просьба. А то ведь так от парня отмахиваться — всю веру ему подорвешь.

Через неделю улыбающаяся Надя сказала:

— Спасибо, Семенович, за хлопоты. Такой проворный. Я ведро помидоров соберу, а он — два.

Надя тоже была умная женщина и понимала, как важно дать человеку почувствовать: он необходим.

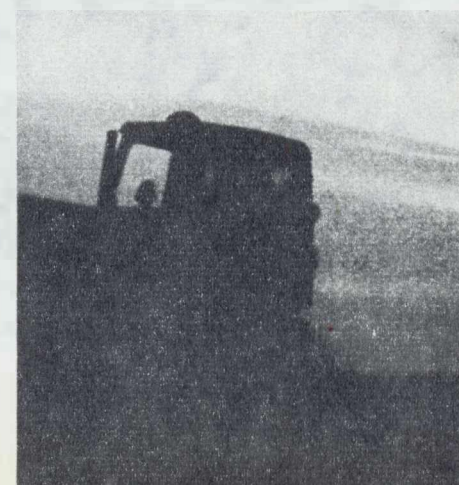
Случай с Витей, конечно, исключение. Но потребность утвердиться в позиции взрослого есть и у каждого работающего школьника. Как помочь им в этом?

Например, с помощью такой обыкновенной вещи, как платежная ведомость. Тут надо уточнить: многие школьники летом работают в бригаде Саранчи рядом с родителями. И вот иногда задается вопрос: «Зачем отдельную ведомость на ребят заводить? Пиши то, что Наташка моя заработала, в мою графу — и все. Рано ей еще свою зарплату от моей отделять».

— А почему рано, если работать не рано? — терпеливо спрашивает Владимир Семенович.

— Да просто не хочу, Семенович, чтоб она избаловалась: «Я, мол, заработала, мне и подайте». А что надо, я ей сама куплю...

Владимир Семенович другого мнения. Он считает, что именно заработанные честным и не очень-то легким трудом деньги меньше всего могут избаловать человека. Он видел, как однажды два тринадцатилетних человека, взглянув на ведомость, отплясывали тут же в коридоре бригадного домика танец победителя. Чему они радовались? Возможным тратам? Наверно, и этому. Но еще больше — ощущению собственной значимости: рядом со взрослыми за-

работками и их десятки вовсе не выглядели жалко. К тому же и дух соревнования удовлетворен.

И все-таки гласно объявленный заработок — не самое главное, хотя Владимир Семенович придает ему большое значение и строг к тому, чтоб не было расхождения между выполненной работой и полученными деньгами.

— Справедливость каждый любит, а дети особенно. Только не надо тут допускать другой ошибки: чтобы деньги заслонили самый труд, его общественную ценность. Даже когда есть нужда в большей трудовой отдаче со стороны ребят, думаю, важнее обращать их внимание не на заработок, а на возможность помочь общему серьезному делу.

Владимир Семенович Саранча хорошо понимает детей и много о них думает. О своих (у него их трое), которые выросли и сложились вот тут в бригаде. О детях других членов бригады. О школьниках из Армянска. Он много думает о том, как дети, выросшие в полном достатке, имеющие широкую возможность выбирать, будут относиться к труду, в частности к труду земледельца. Думать приходится, особенно если рядом растет город Армянск, постоянно нуждающийся в рабочей силе.

«Чтоб человек полюбил свою работу, он должен не упираться взглядом в одну грядку, а глядеть широко». Таково первое условие современного подхода к труду, по мнению бригадира. И он находит время провезти по полям совхоза своих подшефных. Смотрите, как используют воды канала. Обратите внимание, как мало людей и как много техники на полях, почти как в цехе завода. Сравните вот этот кусочек земли, сухой и бесплодной, и вот этот, политый днепровской водой. А ведь еще 10 лет назад вся земля здешних мест была бедна, никто и не думал, что можно получить на ней 54 центнера риса или по 700 центнеров кукурузы на силос...

Бригадир любит цифры и любит демонстрировать подшефным их значение. Сплошная, сизая от избытка влаги стена кукурузы означает, что соберем больше прошлогоднего, центнеров по 750. А поле, засеянное

в этом году многолетними травами по рецепту Херсонского института поливного земледелия, даст большой дополнительный доход...

Шелково кустятся, блестят на степном ветру сытые травы. Владимир Семенович не торопится вести школьников дальше. Стоит, ждет самого дорогого для себя вопроса: «А чем и почему рекомендованные многолетние травы лучше того, что росло здесь в прошлом году?»

— Правильно! — скажет бригадир. — Правильно спросил, Саша. Понимаешь широко свою задачу. Узкая твоя задача — хорошенько поработать. А широкая — понять, что сегодня наука дает земледелию.

И тут Владимир Семенович садится на своего любимого конька, ибо нет для него разговора более вдохновляющего, чем разговор о возможностях науки.

— Ребята, кто знает, что такое горчак розовый?

— Ну, дядя Володя, это каждый знает — сорняк такой, трава.

— Бедствие то было лет десять назад! Я уже сдаваться хотел, думал: не сумею победить. А ты — трава!

Все смеются. А бригадир продолжает:

— Наши женщины до самой смерти его не забудут. Только кончила полоть, разогнется, дома детей обстирает, а он опять — щетиной! Ныне совсем иное дело. Чья мамка сегодня горчак или другой какой сорняк со слезами выпалывает? Ничья? Правильно: наука помогла, дала нам гербициды.

И так хорошо выговорит «наука» — сразу видно, для него это слово пишется с большой буквы. Но не в унижение практике! Сколько надо своего ума приложить, чтобы решить: какой гербицид, в какие сроки лучше убьет горчак и не повредит посевы? Сколько должно его пойти на гектар?

— Нет, не только руками работает в наше время человек на земле. Это я тебе, Николай, точно скажу.

И восьмиклассник Николай это понимает!

Разговоры такого рода ведутся не только на бригадном поле, раскинувшимся на 900 гектаров, но и в

домашнем окружении. Лучше, чем другие, мне известен дом самого Владимира Семеновича. О нем и расскажу.

...Люда помнит, как отец поспорил с напарником по работе: на что истратить полученную премию? Андрей Борщ на свою долю хотел купить приемник, взять его в вагончик полевого стана. «По целым неделям дома нас нет, так хоть здесь музыку послушаем». А отец размышлял: «Надо мне ехать за опытом. В наше время без науки нельзя. А у кого я еще расспрошу о поливных землях, как не в узбекском «Политотделе»? — «Пусть совхоз тебе билеты покупает», — возражал Андрей. — Близкий ли свет — Узбекистан!» — «У совхоза другие дыры есть», — убеждал отец, — только на ноги становится».

Так ненароком был преподан детям урок стремления к знаниям, а заодно и урок бескорыстия. Потом были другие уроки. Семья переехала в «Таврический», куда пришла большая вода Днепра. И с первых же дней отец включил Люду в жизнь бригады. Работа была вроде легкая: показывая машинам, куда везти навоз. Однако для этого ей понадобилось освоить наизусть почвенную карту, составленную специалистами по настоянию отца. Она понимала, какой поворот в агротехнике ждет эти скудные поля — из-за днепровской воды. Отец нашел старые овчарни, а возле них никем не тронутые пласты того самого навоза, который сейчас на поля возили машины по ее указке.

Люда стала агрономом, работает тоже в «Таврическом». Кем будет Володя, пока неизвестно. Но и мимо него не проходит отцовская мысль: быть механизатором — значит не только уметь управлять трактором, но и постоянно думать о том, как на любом участке сельского хозяйства обойтись без ручного труда, как заменить его техникой и опереться на науку.

Когда Владимир Семенович переехал в совхоз «Таврический», у него, конечно, была задача: получить, скажем, зерновых не по 11, как получали здесь на суходоле до этого, а по 35 центнеров с гектара. Можно эту задачу посчитать мечтой. Но сам бригадир считал мечтой другое. Он говорил: «Посмотрите через десять лет, какая у нас красота будет! Поле не 400, а 900 гектаров. Тополя вдоль канала встанут. И дубовая роща зашумит как раз на том месте, где мы сейчас разговариваем, среди будяков».

И действительно, все получилось, как видел Владимир Семенович. Шумит на ровном степном ветру большая дубовая роща. Есть тополя вдоль канала. И есть продолжение мечты...

— Так мне важно, о чем наши дети под этими дубами будут говорить: о ценах на картошку или о книгах? Мечтаю, чтоб о книгах. По

себе знаю — хорошая книга, может человека второй раз на свет родить. А они должны быть грамотнее нас...

Видно, что в понятие «грамотность» он вмещает не только простую образованность, но и высокую нравственность, и культуру чувств.

Зная это, не скажешь: стоило ли среди всех многотрудных забот так близко к сердцу принимать Витю ДЕРЕБИНА с его ребячьим горем. Стоило ли отрывать драгоценное бригадирское время, чтобы объяснить школьникам, как ручной полив постепенно заменяли машинным, как научились обходиться без женских рук при перегрузке кукурузы из бункера в машины. И не удивись, увидев, как он выйдет на дорогу с каким-нибудь хлопчиком, когда уже темнеет: «Видел, Юрка, как небо над степью ночью поворачивается? И как звезды по воде бегут, бегут, прямо на наши поля?..»

Откуда такое у человека? Неловко спросить, да и ответить почти невозможно. Но вот как-то Владимир Семенович обронил:

— В этом году мой первый учитель поздравил меня с орденом Октябрьской Революции. Хороший учитель — Сергей Корнеевич Загребельный. До сих пор не могу забыть, как он нас учил видеть красоту во всем: и в роднике под скалой, и в тракторе, и в книге...

Вспоминал, как поднимал учитель комок земли, говорил, что сила земли не бесконечна — ее надо беречь. Но главное — это оставшееся в памяти чувство, что учитель вводит тебя в большой мир, знакомит с делом и красотой. И стало таким естественным для Владимира Семеновича продолжать его науку!

— В этом году Сергея Корнеевича пригласил к себе в гости со всем его классом, — говорит бригадир. — Покажу им нашу землю Перекопскую, и кровью, и потом, а теперь уже и Днепром политую.

...Тысячи городских ребят поехали этим летом в трудовые лагеря, принимают участие в сельскохозяйственных работах. Хочется напомнить родителям: великое дело — правильная ориентация. Пусть ваш сын или дочь поймут две стоящие перед ними задачи — помочь и узнать. Помочь — дело более простое: подмести ток, прополоть морковь, собрать помидоры, перебрать картофель. Узнать — сложнее: что из себя представляет нынешнее сельское хозяйство? Как оно связано с современной наукой и техникой? Какими его передовые люди? Каким будет его завтрашний день?

Если сын или дочь будут приглядываться, они увидят. Спросят — получат ответ. И, вернувшись домой, будут вспоминать не только летние рассветы, но и упойтельную радость труда на земле.

Е. Криштоф,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»
Крымская область

«Растет производственник нового типа, в нем все гармоничнее сочетается физический и умственный труд. Это человек с широким профессиональным кругозором и мастерством, с глубоким знанием политехнических основ современного производства, способный быстро осваивать новейшие машины и технологические процессы».

Все это в свою очередь по-новому ставит вопрос о подготовке рабочей смены. Необходимо прежде всего, чтобы основная ее масса проходила подготовку в профессионально-технических учебных заведениях с тем, чтобы еще до поступления на работу молодые люди получали специальность».

«Много замечательных имен встает в памяти, когда думаешь о славном пути советских трудовых резервов. Сегодня хочется назвать Сергея Павловича Королева и Юрия Алексеевича Гагарина. Учитель и ученик. Главный конструктор космического корабля и первый космонавт планеты. Выпускник строительной школы двадцатых годов и «ремесленник» трудной послевоенной поры. Страна, где люди, начавшие свою трудовую жизнь с подручного кровельщика и ученика литейщика, овладевают высотами знаний, прокладывают человечеству путь к звездам, — замечательная страна! В судьбах Королева и Гагарина — ярчайший пример того, какие широкие просторы и возможности открывает социализм перед человеком труда, перед нашей молодежью».

Настанет время и многие нынешние питомцы профессионально-технических училищ станут передовыми рабочими, новаторами производства, героями труда, руководителями предприятий, целых отраслей народного хозяйства».

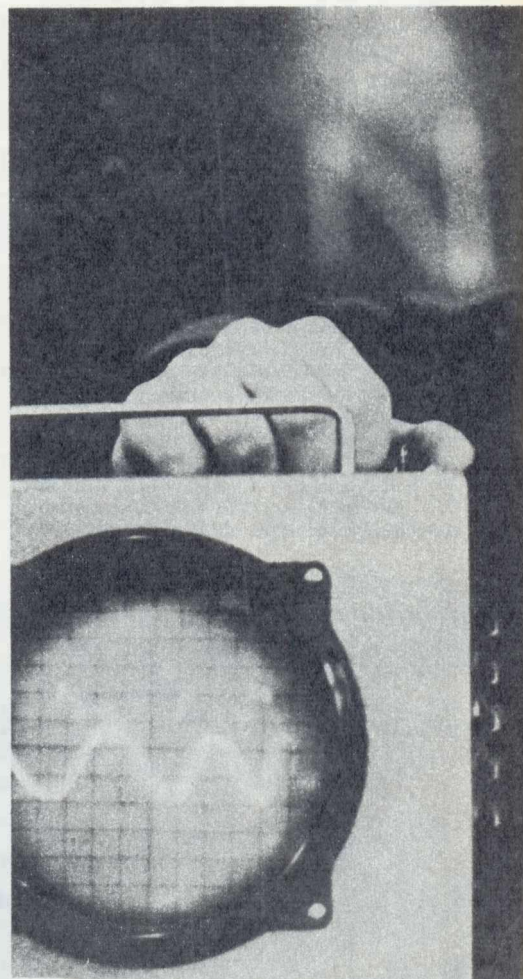
Из речи
товарища Л. И. Брежнева
на XVII съезде ВЛКСМ

Тысяча сто профессий

На вопросы
журнала «Семья и школа»
отвечает
председатель
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по профтехобразованию
Александр Александрович
Булгаков

— Расширяется ли в нынешнем году сеть профтехучилищ? Вводятся ли новые специальности? Какие профессии предлагаются сельской молодежи?

— Выступая на XVII съезде ВЛКСМ, товарищ Л. И. Брежнев дал высокую оценку развитию советской профессиональной школы, определил новые ответственные задачи по воспитанию и обучению молодого поколения рабочего класса. Профессионально-технические учебные за-

ведения должны дать такую подготовку, чтобы, поступая на работу, молодые люди уже уверенно владели специальностью. «Поэтому,— говорил Л. И. Брежнев,— непрерывно увеличивается количество этих учебных заведений. Мы сочли также необходимым значительно расширить сеть и таких профессионально-технических училищ, выпускники которых, наряду с профессией, получают общее образование».

Директивами XXIV съезда КПСС предусмотрено подготовить для всех отраслей народного хозяйства не менее 9 миллионов квалифицированных рабочих. С учетом выпуска текущего года в училищах подготовлено более 7 миллионов квалифицированных рабочих, что равно выпуску из профтехучилищ за всю восьмью пятилетку.

В настоящее время система нашего профессионально-технического образования насчитывает 5891 учебное заведение с общим контингентом более 2,8 миллиона учащихся, овладевающих 1100 профессиями. В 1974 году число профессионально-технических училищ увеличится до 6157, а контингент учащихся в них составит почти 3 миллиона человек. До 592 увеличивается число техниче-

ских училищ, где осуществляется подготовка квалифицированных рабочих из молодежи со средним образованием, а число сельских профтехучилищ достигнет 1480.

Научно-технический прогресс изменяет характер труда рабочих. Новая техника и технология требуют все более широких общих и специальных знаний, творческого их применения в процессе производства. Уже сегодня рабочий нередко управляет такими машинами, с которыми раньше мог справиться не каждый инженер. Это требует соответствующих изменений и в подготовке молодой смены рабочего класса. В училищах проводится экспериментальная работа по подготовке, например, аппаратчиков широкого профиля для химической, нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности. Уже осуществляется обучение целому ряду новых профессий, соответствующих духу времени: наладчик технологического оборудования производства радиодеталей, оператор автоматических и полуполупроводниковых линий станков и установок, наладчик станков с программным управлением, оператор прецизионной фотометодологии, монтажники элементов памяти на ферри-

тах, приядельница на пневмомеханических безверетенных машинах, оператор установки бестарного хранения сырья в хлебопекарной промышленности...

В сельских профтехучилищах это прежде всего — оператор промышленных животноводческих комплексов, мастер по технической диагностике сельскохозяйственной техники, мастер-наладчик по обслуживанию машинно-тракторного парка, мастер машинного доения, лаборант химико-бактериологического анализа, радисты-операторы, машинисты холодильных установок и т. д.

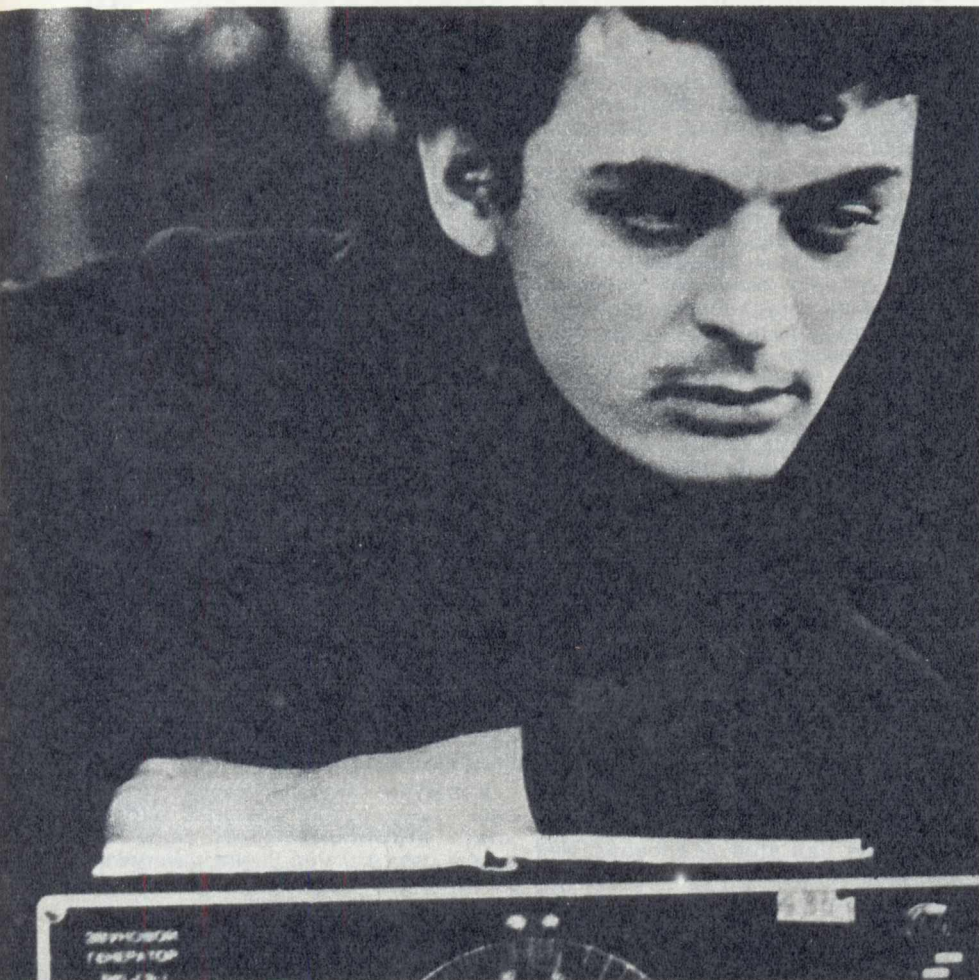
Вместе с юношами большинством из указанных профессий могут овладевать и девушки.

Особый спрос сейчас на строителей. Наша страна — огромная стройка. К существующим ударным объектам прибавляются все новые и новые. Уже сегодня среди них — грандиозное строительство Байкало-Амурской магистрали. И обучение молодежи строительным профессиям — актуальнейшая задача дня.

— Особый интерес школьников и родителей вызывают профессионально-технические училища, дающие среднее образование. Правда ли, что в них теперь поступают по конкурсу?

— Действительно, интерес к средним профессионально-техническим училищам велик, а авторитет этих учебных заведений с каждым годом растет. Достаточно сказать, что в 1973 году, в средние профтехучилища нужно было принять по плану 279,05 тысяч человек, а фактически принято 319,7 тысячи человек или на 15 процентов больше.

Столь высокий интерес к средним профтехучилищам — новому типу учебного заведения — объясняется целым рядом причин. Во-первых, средние профтехучилища признаны одной из наиболее перспективных форм осуществления всеобщего среднего образования молодежи (при сохранении ведущей роли общеобразовательной школы). Во-вторых, в таких училищах общее образование способствует повышению уровня профессиональной подготовки и наоборот. И наконец, в-третьих, здесь созданы условия для получения среднего образования той части молодежи, которая при иных обстоятельствах испытывала бы значительные затруднения в повышении своего общеобразовательного уровня. Создавая средние училища, мы стараемся, чтобы каждое из них было образцовым учебным заведением, располагало всем необходимым — хорошо оборудованными кабинетами, лабораториями, производственными мастерскими. Направляем в них лучших преподавателей и мастеров производственного обучения, привлекаем в эти училища выпускников восьмилетней школы, достойных звания молодого ра-

бочего. Это тоже определяет высокий авторитет средних профтехучилищ. Во многих случаях число ребят, желающих поступить в такие училища, превышает установленные планы приема. Тогда прием осуществляется путем конкурсного отбора по оценкам, указанным в свидетельствах об окончании восьмилетней школы, и результатам собеседования.

В 1974 году в профтехучилища, дающие и рабочую профессию и среднее образование, будет принято почти на 38 тысяч человек больше по сравнению с планом 1973 года. И таких училищ станет больше на 426. Всего у нас в стране будет 2146 средних профессиональных учебных заведений с контингентом 847,4 тысячи человек.

— Многие родители противятся желанию ребят идти в обычные ПТУ, так как опасаются, что они не сумеют совмещать изучение специальности и курс общеобразовательных предметов в вечерней школе и останутся недоучками. Что говорят об этом работники профтехучилищ?

— Прежде всего хочу заметить: повышение общеобразовательного уровня учащихся профтехучилищ со сроком обучения 1—2 года связано с определенными трудностями. Однако опыт показывает, что при правильном использовании имеющихся возможностей это вполне реально.

Установлены три формы повышения общеобразовательной подготовки учащихся профтехучилищ с двухгодичным сроком обучения:

— по единому учебному плану, предусматривающему профессионально-техническую и общеобразовательную подготовку за 9-й класс вечерней (сменной) школы рабочей молодежи;

— одновременное обучение в профтехучилищах и в вечерних (сменных) школах (очная форма обучения);

— одновременное обучение в профтехучилищах и в вечерних (сменных) школах — заочно.

Каждая из этих форм может быть выбрана самими учащимися добровольно.

Профтехучилища многое делают, чтобы создать молодежи необходимые условия для продолжения общего образования. С учащимися и родителями проводится разъяснительная работа о необходимости продолжать учение. Учебные группы профтехучилищ комплектуются из числа учащихся, желающих повысить свой общеобразовательный уровень по одной из указанных выше форм. Нередко профтехучилища и вечерняя общеобразовательная школа ведут занятия по согласованному расписанию.

— Где могут узнать о ближайших ПТУ ребята из маленьких городов? Как организуется прием в училища: в какие сроки, какие нужны доку-

менты? Каковы условия обучения в профессионально-технических учебных заведениях и льготы выпускникам?

— Нами ежегодно издаются справочники, где содержатся сведения об учебных заведениях системы профтехобразования, о специальностях, которые в них изучаются. Эти справочники направляются в школы, на предприятия, в совхозы и колхозы. О приеме в профтехучилища постоянно и подробно сообщает местная периодическая печать, радио и телевидение.

Начало занятий в городских профтехучилищах, как правило, 1 сентября, в технических и сельских профтехучилищах — 1 октября. Обычно прием заявлений заканчивается к этим срокам.

В средние профессионально-технические училища принимаются юноши и девушки после восьмого класса. Срок обучения — 3—4 года.

В технические училища со сроком обучения 1—2 года принимаются юноши и девушки, имеющие среднее образование.

В городские и сельские дневные профессионально-технические училища со сроком обучения 1—2 года принимаются юноши и девушки в возрасте не моложе 15 лет, имеющие образование в объеме восьмилетней общеобразовательной школы. Для молодежи, окончившей среднюю школу, в ПТУ могут быть созданы отдельные группы, где обучают профессии по программам технических училищ.

Выпускники средних школ в сельской местности, получившие свидетельство об успешном прохождении в школе курсов основ сельскохозяйственной техники, принимаются в особые группы сельских профтехучилищ и их филиалов с сокращенным сроком обучения для подготовки трактористов-машинистов и обеспечиваются стипендией в размере 96 рублей в месяц.

Вот о чем родителям нужно знать обязательно: при приеме молодежи для обучения профессиям, связанным с выполнением вредных, тяжелых и опасных работ, учитываются установленные законодательством о труде ограничения по состоянию здоровья, возрасту и полу.

Заявление о приеме в любое училище подается на имя директора с указанием избранной профессии. К заявлению прилагаются:

— документ об окончании средней или восьмилетней школы;

— медицинская справка;

— справка с места жительства;

— три фотокарточки (размером 3×4 сантиметра);

— направление предприятия, совхоза, колхоза или другой организации (для лиц, направляемых на обучение).

Заявления о приеме в профессионально-технические учебные заведения с приложенными документами

рассматривает приемная комиссия училища. Она беседует со всеми абитуриентами: о выборе профессии, об условиях обучения в училище и работы на производстве. Прием осуществляется путем конкурсного отбора по оценкам, указанным в документах об образовании.

Преимущественным правом при зачислении в профессионально-технические учебные заведения пользуются сироты, воспитанники детских домов, дети инвалидов I и II групп; юноши, демобилизованные из Советской Армии и Военно-Морского Флота; молодежь, направляемая в училища предприятиями, стройками и колхозами; дети работников базовых предприятий.

Обучение в училищах бесплатное. Кроме того, учащиеся городских профессионально-технических училищ обеспечиваются питанием, выходной и рабочей одеждой или стипендией, а в сельских профтехучилищах — питанием, стипендией и спецодеждой. Успевающим учащимся технических училищ выплачивается стипендия в размере от 30 до 37 рублей в месяц в зависимости от отраслей промышленности, на базе которых организованы училища. Учащимся технических училищ, имеющим отличные оценки по всем предметам, размер стипендии повышается на 25 процентов.

Всем учащимся, окончившим профессионально-технические учебные заведения, предоставляется работа на производстве по освоенной профессии. Время обучения в училище включается в непрерывный трудовой стаж.

Выпускники средних профтехучилищ, получившие диплом с отличием, при поступлении в высшие учебные заведения пользуются такими же преимуществами, как медалисты средних общеобразовательных школ и выпускники техникумов, получившие диплом с отличием.

Молодые люди со средним образованием, окончившие технические училища на отлично и работающие по своей специальности, вне конкурса зачисляются в вузы на обучение по родственной специальности без отрыва от производства при получении положительных оценок на вступительных экзаменах. Если они хотят учиться в вузах или техникумах с отрывом от производства, то поступают на общих основаниях, без стажа обязательной работы после окончания училища. Те же самые условия существуют для тех, кто имеет среднее образование и окончил на отлично городские и сельские профтехучилища.

Коммунистическая партия, Советское государство, славный рабочий класс неустанно заботятся о том, чтобы создать молодежи наилучшие условия для получения интересных и нужных профессий.

Наши училища готовы к приему нового пополнения.

Добро пожаловать!

С тамбовского слёта

Областной слет общественности по проблемам коммунистического воспитания учащихся, состоявшийся в Тамбове в начале этого года, уже четвертый. Один раз в три года после собраний на предприятиях и в хозяйствах, после районных и городских конференций съезжаются вместе несколько сот делегатов — людей различных профессий, служебных положений и возрастов. На время они забывают обо всех своих разнообразных и специфичных заботах — директор завода и председатель колхоза, секретарь горкома партии и пенсионерка-общественница находят много общего для бесед и обсуждений, для размышлений и новых планов. Они вкладывают свой ум и энергию в дело поистине общественное: воспитание подрастающего поколения; а это — широкая шестая помощь школе, участие производственных коллективов в трудовом обучении и воспитании ребят, педагогическое просвещение родителей, кружки и секции, которыми руководят общественники, летние трудовые лагеря школьников, всевозможные формы содействия семье, многочисленные родительские комитеты, советы и объединения, направляемые опытной рукой педагогов. Сумели ли тамбовчане всем миром добиться сдвигов? Да, и сдвиги есть, и успехи, но, наверное, еще больше предстоит сделать, об этом и говорили на съезде.

Сегодня мы предоставляем слово нескольким участникам съезда.

Хотим, чтобы к нам шли лучшие

*И. Антипов,
секретарь парткома завода
имени Ленина
(город Мичуринск)*

Уже много лет наш завод и средняя школа № 1 объединяют свои усилия в подготовке молодежи к жизни, к

сознательному выбору профессии. Ежегодно каждый четвертый выпускник этой школы приходит работать на наш завод. Хотим ли мы, чтоб таких ребят было больше? Конечно, но не только это. Мы хотим, чтобы к нам шли самые лучшие, способные, подготовленные, которые станут украшением рядов рабочего класса. И мы помогаем школе и семье воспитывать ребят трудолюбивыми и знающими.

С чего начинается профессиональная ориентация школьников? С широкой и разнообразной профессиональной информации. Ребята должны как можно больше знать о заводе и о разных профессиях. Наши передовики производства, ветераны и молодые рабочие проводят беседы, на уроках труда демонстрируют перед ребятами передовые приемы, рассказывают, как добились высокого профессионального мастерства. К встрече с учащимися мы всегда тщательно готовимся. Стараемся ярко и доходчиво рассказать о жизни коллектива, и не только об успехах, но и о недостатках, которые у нас есть. Это очень важно: приходя к нам, выпускники школы должны уже быть знакомы и с хорошими традициями, которые сложились на заводе, и с «узкими местами», где еще требуется приложить силы.

В прошлом году мы оборудовали в школе кабинет профессиональной ориентации и музей трудовой славы завода. Заводской инструктор-методист руководит советом профконсультантов, состоящим из ветеранов труда. Они вместе с учителями, классными руководителями ведут пропаганду и профориентацию среди учащихся школы — в форме индивидуальных, групповых и классных бесед.

В нашей системе профориентации — и экскурсии по заводу, и технические кружки для ребят, которые ведут заводские специалисты.

Однако, наверное, мы мало бы чего достигли, если бы рассказ и показ не был подкреплен непосредственным участием ребят в труде на производстве. Школьники должны попробовать свои силы в профессии, а мы — обучить их и дать рабочее место. И завод построил для школы учебно-производственные цехи: токарно-фрезерный, столярный и швейный. А сейчас оборудуем еще и электроцех. Буквально во всем стараемся создать в учебных цехах обстановку промышленного предприятия: современное оборудование, инструменты, техника безопасности, распорядок дня. Начиная с восьмого класса ребята работают в этих цехах. Сначала учатся, а потом выпускают изделия, нужные заводу.

Мы довольны нашими подшефными: ребята быстро осваивают профессию, проявляют большой интерес к новой технике, многие, став рабочими, обслуживают автоматические и поточные линии.

Помощь семье

*И. Афанасьев,
председатель колхоза
«Путь Ленина»
Жердевского района*

Какая семья нуждается в содействии со стороны общественности? Только ли так называемая неблагополучная, где нет мира и согласия, где дети без присмотра, где масса пробелов в их воспитании? Конечно, такая семья в первую очередь должна быть в поле зрения школы и общественности. Но ведь не обязательно это должно случаться по сигналу пожара и носить какой-то чрезвычайный характер. Любая нормальная семья у нас получает помощь в воспитании детей, и чем конкретнее и систематичнее эта помощь — тем лучше.

Расскажу о нашем колхозе.

Мы считаем, что дети с самого раннего возраста должны получать целенаправленное нравственное воспитание в дошкольных детских учреждениях под руководством и наблюдением специалистов. В нашем колхозе круглый год действуют детский комбинат и два детских сада. Они хорошо оборудованы, содержатся полностью за счет колхоза, имеют квалифицированных воспитателей, медработника. В летние месяцы там бывает более 150 детей.

Затем — школа. Прежде всего наше хозяйство заботится об укреплении ее материальной базы, о создании лучших условий работы преподавательского и ученического коллективов. Колхоз оказывает большую помощь всем школам, а их у нас четыре, в ремонте помещений, приобретении учебных пособий и оборудовании; в снабжении топливом и обеспечении транспортом, учителям предоставляются квартиры из колхозного жилого фонда. В 1972 году колхоз построил для Бурнакской средней школы новое двухэтажное типовое здание на 320 мест со столовой и спортзалом. Капитально отремонтировано второе здание школы, интернат, оборудован стадион, два спортзала, лыжная база. Занятия ведутся по кабинетной системе, в одну смену.

Чтобы дети не были безнадзорными, на средства колхоза созданы группы продленного дня. Летом устраиваем детские площадки. В живописном месте на берегу реки у нас расположен лагерь труда и отдыха старшекласников.

Как помочь семье в приобщении ребят к труду, в определении их жизненного пути? Частыми гостями в школе являются специалисты и передовики производства колхоза. Школьники изучают трактор и сельскохозяйственные и при окончании вместе с аттестатами получают удостоверения тракториста-машиниста. Для

практических занятий колхоз выделяет тракторы и знающих инструкторов. В 1974 году школой будет выпущено 34 тракториста-машиниста.

За молодыми механизаторами, пришедшими в наш колхоз, мы закрепляем опытных специалистов, которые по-отечески следят за новичками, передают им свои знания и опыт, учат преодолевать трудности. Для тех, кто хочет совершенствоваться, учиться дальше, есть у нас вечерняя общеобразовательная школа и учебный комбинат.

Хороший Дом культуры с коллективами художественной самодеятельности, три библиотеки, детская музыкальная школа — вот чем может колхоз помочь семье в приобщении детей к нашим духовным ценностям, искусству, культуре.

Ну а те самые неблагополучные семьи? В работе с ними важную роль играет колхозный совет содействия семье и школе и школьный родительский комитет.

Для родителей работает народный университет с факультетом педагогических знаний. Ведь нельзя воспитывать ребенка, не воспитываясь, не учась самому.

Много ли времени отдавать детям?

*В. Краснослободцев,
Герой Социалистического Труда,
заведующий
производственными мастерскими
колхоза «Дегтянский»
Сосновского района*

Многие жалуются: нет времени следить за детьми, некогда их воспитывать — вот и отбиваются от рук, хулиганят, бездельничают. Конечно, хорошо, когда есть возможность много времени проводить с детьми. А если нет такой возможности? Опустить руки, сдаться? Да и зависит ли воспитание от количества отводимого только для него времени?

У меня в семье родились и выросли 12 детей: шесть парней и шесть девочек.

Жена и я всю жизнь работаем, в весенне-летнее время — от раннего утра до ночи. Я не имел возможности совершать с детьми прогулки, играть с ними в шахматы, но я старался всегда быть для них образцом в труде и просто справедливым человеком. Никогда не унижал их достоинства. Стремился, чтобы каждый из детей умел поступать своим желанием, если оно шло в разрез с общими требованиями семьи. Иногда собирались на семейный совет, чтобы коллективно решить, что делать по поводу возникших трудностей или осложнений. И всегда старались, чтобы разговор был начистоту.

Конечно, я находил время, пусть не каждый день, поговорить с каждым ребенком о его делах. Вечерами рассказывал, как мы начинали жизнь в годы первых пятилеток, рассказывал о тяжелых годах Великой Отечественной войны. Порой вместе с детьми смотрел фильмы.

Мы с женой довольны: наши дети растут трудолюбивыми. Все они хорошо учились. Два сына пошли по моим стопам — работают механизаторами, третий сын — шофер, одна дочь — медработник, вторая — продавец, две дочери — на производстве, пятеро еще в школе.

Главное в семье — авторитет родителей. Раньше авторитет отца был непреклонным. Единственный кормилец, он всегда был прав, хотя и груб подчас. Сейчас авторитет у своих детей получит только тот отец, который воспитывает их не ремнем и угрозами, а своей добросовестной работой на производстве, уважением к матери своих детей, внимательным отношением к самим ребятам.

Мой непоседливый отряд

*О. Забавникова,
токарь завода «Метиз»*

В свободное от работы время спешу в свою родную Тулиновскую школу, где когда-то сама училась.

Работать с ребятами нелегко, многое надо знать, чтобы увлечь, заинтересовать этих непоседливых мальчишек и девочек. У меня в 4 «Б» есть тихони и забияки, послушные и ершистые, ленивые и такие, которые всегда любят быть в гуще всех дел. Приходится читать, искать, придумывать что-то интересное.

Главная работа — маршрут «В страну Знаний». Интереснее сейчас стали пионерские сборы, линейки, праздники, конкурсы, потому что все пионеры отряда принимают участие в подготовке к ним.

Любят мои ребята, когда к ним приходят в гости рабочие нашего завода, рассказывают о перспективах его развития, о своих трудовых делах. Дружеская беседа умудренного жизненным опытом рабочего заставляет школьника задуматься над своими поступками.

Сама я играю на аккордеоне, стараюсь привить ребятам любовь к музыке, разучиваю с ними песни, танцы. Вожу свой отряд в походы по области, ребята с интересом изучают свой край. Порой не всегда удается мне найти общий язык с мальчишками. Они ведь народ пытливый. Им хочется побегать, поиграть в футбол, хоккей. Здесь мне помогают комсомольцы завода Геннадий Коннов и Анатолий Фролов, которые ведут занятия в клубах «Золотая шайба» и «Кожаный мяч». Экскурсии на завод, походы, соревнования, совме-

стный труд больше сближают и самих ребят, и меня с ними, чем беседа в классе. И как приятно видеть, что ребята с нетерпением ждут меня, что я им нужна...

Витамин внимания

*Л. Эйвин,
общественница*

Их несколько — таких подростковых клубов — при домоуправлении № 1 Ленинского района г. Тамбова. Все они на плечах общественников. Хотим мы, чтобы были в них главным образом подростки. Самый сложный это народ. С любым подростком нелегко, а уж с безнадзорным, хулиганистым — и слов нет. А ведь мотивы его поведения очень сложны. Трудный подросток порой делает недозволенное лишь потому, что хочет произвести впечатление, обратить на себя внимание. Это — своеобразное тяготение к уважению, попытка самоутвердиться. Значит — если не хватает человеку внимания и уважения, надо дать ему этот витамин, может, и выправится парень...

Я руковожу подростковым клубом «Ровесник». Всего членов клуба — семьдесят восемь, встречаемся и занимаемся в специальном помещении — двухкомнатной квартире.

У нас несколько кружков: радиотехнический, фото, «Юный архитектор», «Умелые руки», хоровой, драматический, секции хоккеистов и футболистов и т. д. Руководят ими студенты пединститута, специалисты-родители и пенсионеры-общественники. Проводятся лекции, беседы, встречи с интересными людьми. Стараемся привить ребятам любовь к труду, книге, пробудить любознательность, научить правильно себя вести дома, в школе, на улице, в общественных местах.

Если бы вы видели ребят при открытии клуба: старших они вообще не признавали и называли на «ты», а теперь, если надо что взять, спросят разрешения, провинятся в чем-то — говорят «простите, этого больше не будет». Конечно, это мелочи, но, может, с них-то все хорошее и начинается? Некоторым нелегко было расстаться со своими привычками, так их хорошему обращению учат сами же ребята. А вообще парнишки хорошие, талантливые.

Есть у нас и свои маленькие успехи: раньше шестеро мальчиков состояли на учете в детской комнате милиции, сейчас пятеро с учета сняты. Кое-кого мы сумели убедить вернуться в школу.

Выходных дней в клубе нет. Ребята с удовольствием проводят внеурочное время в «Ровеснике». Такие клубы нужны. И когда строится новый микрорайон, нужно обязательно выделять помещение для подростковых клубов.

Не только отметки

В школе в первую очередь хвалят тех учеников, которые хорошо учатся, имеют высокие оценки. Казалось бы, все правильно: основной труд — учение, и здесь ребята проявляют себя с лучшей стороны. Но всегда ли отличник — пример, тот, на кого следует равняться? Как дается учеба такому мальчику или девочке? Может, без особых усилий и интереса? В школе ученик на хорошем счету. А дома? Оказывается, груб и пренебрегает трудом. Хуже всего, когда, обрадованные успехами своего ребенка в школе, родители считают, что с воспитанием все в порядке. А уж о помощи по дому не может быть и речи.

Тоня училась в школе на круглые пятерки. На родительских собраниях отец и мать сидели именниками. Дочери твердили одно: «Твое дело — хорошо учиться». Во время летних каникул класс помогал колхозу заготавливать корма для скота, пропалывать посевы. А Тоню родители не пустили. Так бывало часто.

После окончания школы девушка поступила в медучилище, но окончить его не смогла. Привыкнув жить на всем готовом, не справилась с трудностями, с которыми столкнулась, уехав от родителей. Повседневным занятиям предпочла приятное времяпрепровождение. Ей не было и семнадцати, когда вышла замуж. Но к хлопотам и заботам семейной жизни Тоня не была готова. Семья распалась. Сына Тоня отправила к родителям, сама устроилась в городе. Работала контролером в автобусном управлении, продавцом. Но нигде долго не задерживалась, все искала места полегче.

Михаил тоже учился хорошо. Но мало кто, к сожалению, знал, что за стенами школы был он груб, дома ничего не делал. Но родителей это не волновало. За отличные оценки отец каждую неделю давал сыну деньги, тот тратил их бесконтрольно. После школы Михаил поступил в сельскохозяйственный техникум. В родной колхоз вернулся механиком. И тут все поняли, что он не умеет трудиться. Не захотел Михаил «копаться в грязи», бросил работу, стал гулять с друзьями, пить.

А вот если ребенок с детства приучен к труду, любит труд, то можно безошибочно сказать, что растет полезный для общества человек. У Виктора Николаенко учеба действительно была настоящим трудом. Мать научила его любить крестьянскую работу, родную землю. Виктор избрал профессию хлебороба. Он один из лучших трактористов. Его уважают товарищи, Виктор умеет ценить дружбу, сам никого не оставит в бе-

де. За добросовестный труд Виктора Николаенко недавно наградили орденом «Знак Почета».

И про Мишу Шинкарева тоже можно сказать, что от родителей перенял он старание и усердие к работе. Парень успешно окончил школу, поступил в сельское профтехучилище. Сначала был трактористом, потом бригадиром. Одновременно учился в вечерней школе, закончил институт. Михаил один из уважаемых людей в коллективе.

Мне часто приходится бывать в семье семиклассника Коли Шакина. Трудно сказать, чего не умеет делать этот парень. И скот напоит, и воды принесет, и печь сам истопит может. Все успевает Коля и с большой охотой выполняет поручения дома, в школе, в совхозе. Мудро и правильно ведут Колю к самостоятельной жизни отец Владимир Никитич и мать Александра Лавриновна.

С. Странадко,
учитель
Брянская область

Фотографии прислали
З. Бондаренко (г. Балаково)
Б. Романов (Москва)

Дом дружных

Звонок слышен везде, во всех уголках двухэтажного здания. Ребята направляются в клуб на вечерний огонек. Что будет сегодня? Все рассаживаются по местам. Малыши, как всегда, уселись на коврике. Выходит ответственная дежурная.

— Добрый вечер, — дружно отвечает зал на приветствие.

— С чего начнем? — спрашивает ведущая.

— С плохого, — раздируются голоса. Ребята предпочитают хорошее оставить на конец, чтобы уйти с веселым настроением. Кто провинился, честно признаются в своих проступках. Вот Исимхан затеял сегодня в школе драку, а Сережа не пошел на пение, Фалес обидел девочку, Рома, Сережа получили двойки. Огорчения одного — общие огорчения. Ребята сравнивают: кто нарушает дисциплину, тот и в учении отстает...

И вот уже дежурная объявляет: — Переходим к хорошему. — Все оживились, заерзали. — Теперь вместе с нами будут жить Зоя, Вова и Аня Шагаевы из Кутаиси.

На сцену выходят трое ребят. Их знакомят «с законами большой и дружной семьи: учиться, трудиться и крепко дружить». Новички хором подтверждают: «Согласны!»

— Кто получил пятерки? Кто получил четверки?

Ого! Поднимаются 30 человек.

Что же еще?

Появились новые кролики в живом уголке, зацвели деревья в саду...

Увидев бумагу в руках директора, ребята насторожились, а потом дружно захолопали. Хвалебный отзыв о бывшей воспитательнице детского дома прислали из ПТУ № 39 хлебозавода города Гори.

Пора на ужин. В столовой хозяйничают дежурные. Старшие ребята-шефы идут к малышам готовить их ко сну.

Е. Косова,
директор детского дома
г. Гори

Мои сыновья

Всего нас четверо: отец, старший сын Олег, младший Владик и я, единственная женщина в семье. Живем дружно, вместе нам хорошо и весело. Когда наступает весна (а у нас большое подсобное хозяйство, огород, скот), все свободное время проводим на огороде: сеем, полем, поливаем. Летом по очереди ездим в дом отдыха, вначале с младшим, потом со старшим сынишкой.

Осенью убираем урожай. Копаем картошку, прибираем огород. И опять все вместе! Зимой — «передышка», но мы не сидим без дела. Папа у нас заядлый книголюб. Владика пять лет, он посещает наш совхозный сад. С ним мы за зиму познакомились с буквами и цифрами. Он очень подвижный, и усидеть полчаса за каким-либо занятием ему трудно. Но мы стараемся!

Олег — серьезный девятилетний мужчина. Он учится очень хорошо. Четверки — по рисованию, пению и литовскому языку, остальные — пятерки. Дома вымыть пол, посуду, вытряхнуть дорожки или пройтись по ним пылесосом ему ничего не стоит!

Папа работает сварщиком. Он не разделяет труд на «мужской» и «женский». Глядя на отца, дети во всем помогают мне.

Я — зверовод в зверосовхозе. Работаю много. И если бы дома мне не помогли, то, наверное, было бы очень тяжело. Случается, выходные дни у нас не совпадают. А если вместе в воскресенье, столько радости! Вчетвером ездим в лес на лошади. Разыскиваем следы зайцев, лисы. Детям раздолье и нам. Бегаем, играем вместе с ребятами. Домой возвращаемся усталые, но счастливые.

Иногда слышу от своих приятелей: вам бы девочку. Мы с мужем переглядываемся и улыбаемся. Считаю, что девочка ближе к матери, а у меня сыновья делятся со мной всем. Своего Олега вижу по лицу. Если у него неприятности или огорчения, спрашиваю, что случилось. Сын рассказывает, даже если и сам бывает виноват. И когда разговор окончен, его кривые глазенки сверкают, лицо светлеет.

Д. Макарова
Каунасский район Литовской ССР

Р. Абдрахманову (г. Соль-Илецк): Сборно-разборные плавательные бассейны выпускает и монтирует экспериментально-производственное предприятие № 1 Центрального Совета Освода РСФСР. Заказ можно послать по адресу: Москва, улица Большая Академическая, 22, корпус 10.

Р. Сурковой (Московская область): Развитие собранности дошкольника может помочь игра. Например, на одевание отводится 15 минут. Уложился мальчик во времени (как звонят часы), получает красный кружок. Синий — немного опоздал, белый — совсем не успел. Постепенно мальчик приучится делать все быстро, не отвлекаясь.

С. Араксиной (Читинская область): Отделения астрономии существуют при механико-математических факультетах некоторых университетов. Точные сведения даются в справочнике для поступающих в высшие учебные заведения СССР.

Тане Скуриной (г. Новокузнецк): Тебя привлекла жизнь артистки. С которой ты прочла в книге, и ты захотела последовать ее примеру. Но вряд ли это достаточно зрелое решение. Для начала нужно попробовать себя в каком-нибудь самостоятельном коллективе.

Е. Воробьеву (г. Темиртау): Редакция принимает фотоснимки на глянцевого бумажке. Размер 13×18 сантиметров. В конверт обязательно вложите плотную прокладку, чтобы работы не помялись.

С. Ермолаевой (г. Ереван): Списки литературы для внеклассного чтения можно получить в школе, есть они и в детских библиотеках.

Е. Тутыкиной (Кировская область): Электронно-музыкальный инструмент «Фаэми» бывает в продаже в крупных универсальных магазинах. Центральная база Посылторга заказов не принимает. Обратитесь в областное управление торговли, вам укажут магазины, в которые поступает «Фаэми».

Осторожно: цветы

Нашей дочери три года. Во время прогулок я ей разрешаю рвать полевые цветы, рассказываю про них. Садовые же цветы она не рвет, так как я объяснила ей, что их посадили для всех, чтобы было красиво.

Мой муж считает, что вообще не нужно ничего рвать, так как этим мы наносим ущерб природе.

Кто из нас прав? Как воспитывать в ребенке чувство красоты и вместе с тем не вредить природе?

П. Голованова
г. Каменск-Уральский
Свердловской области

Мы решили предоставить слово биологу Константину Николаевичу Благосклонову. Читатели «Семьи и школы» хорошо знают его по выступлениям в журнале на темы охраны природы.

— Вопрос, заданный читательницей, очень важен и очень сложен. Важен потому, что служит хорошим примером противоречий, возникающих при решении любых частных вопросов охраны природы. Сложен потому, что на него нельзя дать ни однозначного, ни категоричного ответа.

На пригородных территориях происходит как бы бессознательный искусственный отбор красиво цветущих растений. Потребность в цветах очень велика, она превышает способности некоторых видов растений

Фотографии прислали
А. Красильников (г. Тейково)
А. Хусниев (г. Наманган)

к естественному возобновлению. Результат ясно виден: полевых цветов вблизи городов, особенно крупных, нет. Ехать за ними горожанам приходится за 20—30, а то и за сотню километров.

А вот несколько случаев «организованного» уничтожения цветов. В городе Ломоносове экскурсия школьников остановилась у братской могилы погибших защитников знаменитого «Ораниенбаумского пятка». Вокруг памятника была поляна, вся желтая от цветущих кулавок. И вот подана мысль: украсить памятник цветами. Сорок пар детских рук начали выполнять задание. Охалка цветов украсила памятник, но вокруг него была уже опустошенная, вытопанная, изуродованная поляна...

Пионеры Свердловской области играли в такую игру: все собирают по букету одного вида цветов и становятся в круг. Один раздает по цветку из своего букета всем и рассказывает, что он знает о нем, затем то же делает следующий и все остальные. Таким образом у каждого собирается букет разных цветов. После игры их выбросят...

Из всех растений в пригородах больше всего достается от отдыхающих, купающихся, туристов кувшинка — белой водяной лилии. Этот чудесной красоты цветок, если сорвать его в жару, и минуты не держится

в воздухе — закрывается, вянет и быстро высыхает. Кувшинка отступила от городов дальше всех других цветов. И все же никто почти не считает за преступление нарвать — купаясь или плавая на лодке — лилий с тем, чтобы бросить их сразу же. (Даже по телевизору показали в одном многосерийном телефильме, как герой нарвал охалку кувшинок и высыпал на загоравшую здесь же девушку). Лилия требует срочной защиты в зонах отдыха — теперь, вернее, уже восстановления.

Бесконтрольному уничтожению растений способствует и неправильный подход к составлению гербариев (такое задание получают на лето школьники, изучающие природоведение или ботанику). Верно поступают те учителя, которые стремятся ограничить энтузиазм ребят сбором не более чем двух-трех растений одного семейства или даже одного растения определенного вида.

Международный союз по охране природы выпустил «Красную книгу» — перечень исчезающих животных, требующих ради их спасения немедленной и строжайшей охраны. Советскими ботаниками составляется подобная книга и для растений нашей страны. Оказалось, что положение с растениями не менее тревожно, чем с животными. В список растений Советского Союза, требующих в том или ином виде охраны, вошло около 5 тысяч видов, из них 600 видов признаны исчезающими, абсолютная охрана которых стала необходимостью. Эти цифры оказались несколько неожиданными. К тому же все это преимущественно важные для человека растения, среди них много лекарственных, есть и красиво цветущие. А ведь список исчезающих растений составлен достаточно скупой, например, кувшинка, о которой говорилось выше, не вошла в него, поскольку она уничтожена только в окрестностях городов.

Считается, что мы имеем право принести из леса, с луга цветы для украшения своей квартиры. Одна

москвичка, задержанная при выходе из Центрального парка культуры и отдыха с огромным букетом из веток деревьев и кустарников с желтыми осенними листьями, сказала, что она любит природу и должна кусочек ее иметь у себя дома. А если у нас возникнет желание украсить квартиру букетом из вершинных побегов можжевельника, кстати, они очень красивы с урожаем черных и зеленых ягод? Пример не придуман, такое желание действительно возникло и было осуществлено лыжниками, которые однажды встретились мне в пригородной электричке с букетами можжевельника. А это одно из самых медленно растущих и долговечных деревьев наших лесов.

Там, где цветы сохранились на лугах в изобилии, собирать их, конечно, можно. Но — разумно.

Во-первых, не надо рвать цветы. Стебель у многолетников бывает очень прочным; обрывается обычно корень у его основания. Рассмотрите обрыв: корневая шейка вместе с заложившимися почками будущего года оказалась сорванной. Персиколлистый колокольчик в наших лесах — самый крупный, самый нежный, самый красивый. У него всегда обрывается именно корень, и вблизи больших городов этот цветок стал уже редок. Значит, если срезать (или косить), а не срывать цветы, то вред от сбора многократно уменьшится. Нужно брать с собой в загородную поездку ножницы или нож, чтобы срезать цветы в поле. Для детей это одно уже будет демонстрацией продуманного отношения к сохранению растений.

Во-вторых, важна умеренность. У нас, от щедрости русской природы, принято собирать и ставить в комнате букеты солидные, бывает, толще веника. И это считают красивым. Но попробуйте сами составить букет, например, из двух васильков и одной ромашки и убедитесь, что он смотрится лучше, чем огромный букет из тех же цветов. Итак, советую срезать всего несколько растений (может быть, с небольшим запасом) для составления разных комбинаций цветов.

Он перестал улыбаться...

Молодые супруги, занятые изобличением друг друга, совсем забыли, что их четырехлетний сын, притихший на коврик возле кубиков, слышит все эти громогласные речи. А может быть, и не забыли, а просто уверены, что ребенок «ничего не понимает»... И до ребенка ли тут, когда идет такая борьба за последнее слово. За кем оно останется?

И вдруг это последнее слово остается как раз за малышом. Он толкает ногой только что возведенное сооружение из кубиков и кричит:

— Все люди плохие!

Выкрик ребенка произвел оглушительное впечатление на молодого отца. Он сразу опомнился.

— Значит, пока мы спускали с языка всех этих жаб и скорпионов, он, бедняга, проделывал изнурительную душевную работу — пытался понять, кто прав. Ловил интонации, поочередно склонялся то на сторону мамы, то на сторону папы... И в конце концов пришел в полное отчаяние — решил, что хороших вообще нет. И это непосильное для крохи бремя взвалили на него мы, родители.

Я вспомнила этот случай в знакомом семействе, направляясь в командировку по читательскому письму, потому что в письме речь тоже шла о ребенке, чья душа подвергается большой опасности.

Передо мной сидит женщина, мать одиннадцатилетнего мальчика. Мы стараемся вести беседу. Но это плохо удается, потому что женщину — будем называть ее просто Мать — обуревают гнев. Гневно, запальчиво излагает она хорошо отстоявшуюся, многократно повторенную систему обвинений против того, кто «разбил

ее жизнь» и кого она своей материнской властью фактически (несмотря на все судебные решения и вопреки им) лишила отцовства, против человека, которого ее сын «не хочет видеть».

Перед Матерью лежит увесистая целлофановая папка с бумагами. Заметно, что Мать уже очень привыкла к этому наглядному пособию, сопровождающему ее в хождениях, связанных с конфликтом. Она безошибочно достает из папки именно ту бумагу, которая нужна к данному месту ее обвинительной речи. Мелькают названия учреждений и организаций. Месткомы и суды. Народный контроль и районная поликлиника. Бракоразводные документы и соседские показания. Нескончаемая многогранная квартирообменная тяжба. Какие-то спорные подушки при разделе имущества... И все это на таком накале вражды, что слушатель должен сделать над собой некоторое усилие, чтобы вернуться к реальности.

А реальность такова: шесть лет тому назад молодой инженер (будем в дальнейшем называть его просто Отец) тяжело заболел. Теперь человек цветущего возраста, хорошего образования, энергичного деятельного характера сидит в инвалидной коляске, с почти неподвижными руками, с онемевшими ногами и к тому же слепнувший. И в течение долгих шести лет оставившая его жена отчаянно сопротивляется его желанию увидеть, услышать своего единственного сына, живущего на одной из соседних улиц. Хоть раз в месяц, хоть на полчаса...

Правда, события десятилетней или восьмилетней давности, так запальчиво изложенные Матерью, так тщательно документированные бумагами из целлофановой папки, выглядят совсем иначе в изложении Отца и его шестидесятилетней матери. (Будем в дальнейшем называть ее с позиции молодой Матери — Свекровь). Но ведь совсем не это для нас важно. Ведь нас привело сюда вовсе не желание определить правых и виноватых в конфликте бывших супругов. Для нас важно одно — душевный мир их одиннадцатилетнего сына, безжалостно втянутого старшими в тиски этого нераспутываемого тугого узла.

Хорошо, давайте подавим в себе чувство, вызываемое в нас инвалидной коляской, и примем — условно — как стопроцентную правду все рассказанное Матерью об истории этого злосчастного брака. Допустим: да, этот человек, пока был здоров, был очень плохим мужем. Он грубил, оскорблял, неправильно обменивал жилплощадь и проявил чудовищную несправедливость при разделе подушек... Все так. Но достаточно ли всего этого, чтобы лишить безногого слепнувшего человека встречи с единственным ребенком, а в ребенке этом годами взращивать безразличие к чужому страданию. Да не к чужому, а к родному, кровному, отцовскому!

...Когда жена декабриста Волконского вынуждена была оставить своего новорожденного сына, чтобы следовать в Сибирь за осужденным на каторгу мужем, она провела последнюю ночь у колыбели в мучительных размышлениях о том, как оценит такой поступок ее сын, став взрослым. Эти терзания молоденькой матери передал Некрасов в «Русских женщинах»:

Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!
Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным
отцом?»

И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь.
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье
навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

В том случае, о котором идет у нас сейчас речь, Мать как бы совсем не задается вопросом, как расценит ее позицию в отношении Отца ее Мальчик, когда он станет взрослым.

Нелепо было бы отрицать, что Мать любит своего Мальчика. Она души в нем не чает, она любит его, что называется, безумно, безоглядно. Вот именно — безоглядно! Не оглядываясь назад, не заглядывая вперед, не пытаясь предвидеть и учесть последствия всего происходящего в распавшейся семье.

Она твердо убеждена в союзнической верности сына, в их совместном

неумолимом противостоянии «врагу», скованному параличом.

— Да, суд постановил, что Мальчик должен ходить туда... Но я ведь не могу тащить его насильно... А он не хочет...

Сегодня Мальчик действительно этого не хочет. Но ведь, вернее всего, настанет такой день, когда он захочет. И этот день не за горами. Еще два-три года, и Мальчик вступит в подростковую пору. И тогда он обязательно должен вспомнить, что у него есть Отец. Подросший мальчик, может быть, впервые поймет тогда меру отцовских страданий, а поняв, откликнется на них. Но что подумает он в этот момент, переломный от детства к юности, о своей Матери, об ее неумении прощать обиды, принимать великодушные решения?

Но это ведь только предположение. Один из возможных вариантов. А другой? Он еще хуже, чем первый.

Не исключено, что такого перелома в отношении Мальчика к Отцу и не произойдет. Постоянное отталкивание от отцовской боли может натренировать Мальчика в жестокости, может погасить в нем способность сострадания.

А такое опустошение в душе растущего человека не будет ведь избирательно направлено только на Отца. Нет, в один горячий день Мать увидит, что и ее боли и тревоги отражаются в глазах сына тем же безразличием, с каким он сейчас отказывается навестить своего несчастного Отца.

Просто поразительно, насколько озлобление против бывшего мужа может заставить взгляд Матери, скрывая от нее опасности, стоящие на пути нравственного развития ее Мальчика!

Такая же ослепленность Матери проявляется и в другой «огневой точке». Свекровь... Ведь задача Матери не только в том, чтобы сын забыл отца, но и в том, чтобы внук забыл бабушку. Немало за недолгие его годы пришлось ему выслушать разоблачений по поводу «той бабушки», чей ужасный образ должен противостоять «этой бабушке», отдающей Мальчику всю жизнь.

И опять поражает недалекость, неумение заглянуть на несколько лет вперед и представить себе последствия собственного поведе-

ния. Кажется, нетрудно бы Матери сообразить, что через девять-десять лет она сама станет Свекровью и тогда... Да, Мальчик несколько не удивится, если его будущая жена станет во враждебную позицию к его матери. Не удивится и не заступится. Ведь всем своим опытом он подготовлен к тому, что иначе и быть не может... Ведь это Свекровь... «Та бабушка»!

— Сейчас мы его найдем,— сказала учительница, вводя меня во время большой перемены в просторный зал, где прогуливались, смеялись и пошаливали ребята всех возрастов. Но кажется, я уже сама узнала его. Вот этот, да?

Я узнала Мальчика потому, что он отличался от всех ребят, хоть и был одет в обычную школьную форму: он не улыбался. Бледное лицо, серьезный не по возрасту взгляд...

В школе история Мальчика и родительского единоборства вокруг него известна уже не первый год. Нет такого человека — от директора до пионервожатой, — кто не пытался бы воздействовать на Мать, склоняя ее к большей терпимости, и на самого Мальчика, ставя ему в пример пионеров-тимуровцев, ухаживающих за чужими больными и престарелыми. Тщетно!

Но я все-таки решаюсь добавить и свой голос.

— Знаешь, — говорю я, — у папы все хуже со зрением. А ты все откладываешь встречу. Вот будет горе-то, если он уже не сможет увидеть тебя, когда ты наконец к нему соберешься...

Молчание. Замкнутое лицо кажется в этот момент совсем взрослым.

— Ваша пионервожатая живет рядом с твоим папой, — продолжаю я, — она согласна зайти туда вместе с тобой...

— Не пойду!

Может быть, я поступаю неправильно, затеяв этот разговор? Может быть, это и есть то самое «травмирование ребенка», на которое так жалуется Мать? Но кто сказал, что наши дети должны расти, не ведая, что в жизни существует не только радость, но и горе? Кто сказал, что напомнить одиннадцатилетнему человеку об его сыновнем долге — это «травмирование» его психики? И

что за человека мы вырастим, если будем оберегать его от всякого впечатления, способного закалить душу, вызвать благодетельное волнение, порыв к добру? Ведь мы хотим вырастить человека, гражданина, борца со злом...

— Подумай только, Мальчик, — говорю я, — какая темная, какая узкая жизнь у такого больного! И главное — чего ему ждать? Ведь каждому человеку обязательно надо, чтобы было чего ждать. Вот и он... Ждет сына...

И тут вместо упорного «Не пойду!» я слышу:

— Только не сегодня...

Я еще не успеваю обрадоваться, а он уже спохватился и опять твердит:

— Не пойду...

Но по щекам его бегут слезы...

Значит, где-то подспудно чувство к отцу еще тлеет. Но оно наталкивается на некоторый обет верности, молчаливо данный Матери. Сейчас в сместившихся понятиях Мальчика каждый шаг навстречу Отцу — это предательство по отношению к Матери. Сквозь жалость, сквозь боль, сжав зубы, твердит он свое «не пойду», как человек, связанный круговой порукой, считающий нечестным изменить ей.

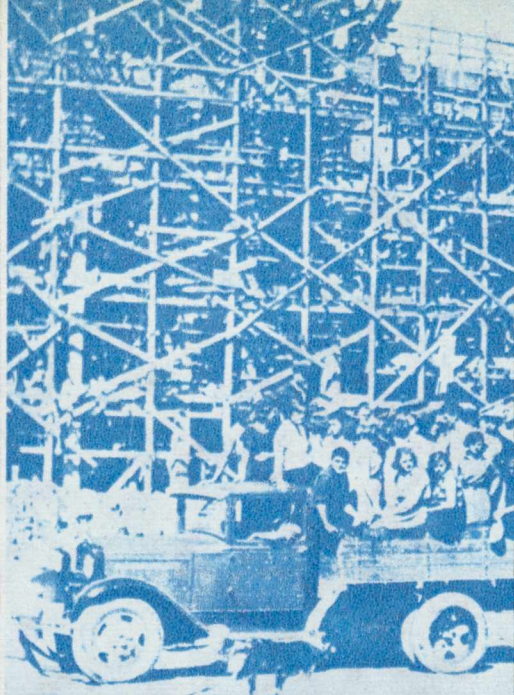
Идут месяцы, годы... Длится поединок между бывшими супругами. Кто только не выступал в роли секундантов этой дуэли. Суды — народные и товарищеские. Отделы народного образования — районные и городской.

А Мальчик тем временем перестал улыбаться...

Е. Аксенова,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»

Марш ударных бригад

В июле 1924 года Коммунистический союз молодежи принял самое великое и дорогое имя — имя В. И. Ленина.

Обращаясь к старшим товарищам — коммунистам, Центральный Комитет РКСМ писал в 1924 году: «Продолжатели дела Ленина могут спокойно рассчитывать на непоколебимую твердость и преданность всей комсомольской молодежи. Никогда, ни на одну минуту мы не забудем того, чему учил нас Ленин».

Так и было все эти 50 лет. Заветы Ленина — учиться коммунизму, ежедневно решать практически ту или иную задачу общего труда, быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин, — стали программой жизни комсомола.

Сменяли друг друга поколения, а замечательный задор и целеустремленность, трудолюбие и мужество, беззаветная коммунистическая убежденность молодых сердец оставались неизменны. Сознание своей ответственности перед обществом рождало юных ударников индустриализации, энтузиастов колхозного строя, молодогвардейцев и Матросовых, покорителей целины и зачинателей Братскгэсстроя. Сейчас в комсомоле 34 миллиона членов. Их энергия и помыслы отдаются КамАЗу, Саяно-Шушенской ГЭС, Байкало-Амурской магистрали, овладению основами и вершинами науки и культуры.

«И сегодня, обозревая пройденный комсомолом путь, его славные дела, мы имеем все основания сказать, что он с величайшим достоинством носит высокое имя Ленинского союза

Марш ударных бригад

молодежи». — так высоко оценил работу ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Он назвал комсомол олицетворением вечной молодости нашей Родины.

50 лет — дата историческая. Чувствовать себя причастным к этому празднику имеет право и восьмиклассник, только что получивший комсомольский билет с изображением шести орденов — наград ВЛКСМ; и седовласый ветеран, чей билет имел двузначный номер; и вчерашний выпускник ПТУ; и его умудренный жизненным опытом наставник; и молоденькая учительница; и ее мать-работница, носившая в 30-е годы красную косынку ударницы. Потому что все они выросли или растут в комсомольской семье. Так давайте сегодня мы, как в хорошей дружной семье, вместе заглянем в наш семейный комсомольский альбом. Вспомним. Сравним. Задумаемся.

Здесь использованы фотоматериалы выставки «Заветам Ленина верны», открывшейся в Москве к XVII съезду ВЛКСМ.

Даже в далекую тундру пробираются студенческие строительные отряды... (фото С. Петрухина). На предыдущих страницах: геодезисты геологической экспедиции Саянской ГЭС на Енисее (фото В. Сакка); молодые строители Комсомольска-на-Амуре проезжают по улицам города после завершения строительства основных заводов и жилья, 1934 год

каких-то полтора часа становится хорошим солдатом. В жизни такого не бывает. Превращение слабovolного парня в выдержанного, дисциплинированного, неумелого — в ловкого, у которого все горит в руках, проходит сложно, а порой, не скрою, и болезненно.

В армии после побудки солдат должен мигом заправить койку, привести себя в порядок. А если он дома привык подолгу валяться в кровати и от мягкой подушки его с трудом отрывают мать и бабушка, разве такому это будет легко?

Как-то в «Комсомольской правде» я обратил внимание на письмо некоего Володи из Киева. Володя писал: «Здравствуйте! Мне — шестнадцать. Я буду самым обыкновенным, посредственным, серым обывателем. Да что там буду. Я уже такой. Знаю, что цель жизни — принести людям счастье. Чем больше ты сам знаешь, можешь, тем больше пользы принесешь и другим. Отсюда какой вывод? Учиться. А я не могу учиться — лень. Не могу заставить себя сесть за стол, уткнувшись носом в книги. Безволие? Знаю, но ничего с собой поделать не могу».

А теперь попробуйте того же Володю представить в армейских условиях. Трудно придется не только ему самому, но и командиру, под началом которого окажется этот Володя или похожий на него молодой человек. Много сил придется затратить офицерам, чтобы заново «перекрыть» характер этого юноши, его привычки, его вкусы, его «хочу» и «не хочу», «могу» и «не могу». Но, согласитесь, без такой ломки и не обойтись. Армии, народу нужен воин, которому вручается оружие, вручается с верой, что в нужный час он умело и отважно выполнит приказ.

Встает естественный вопрос: должна ли семья, в которой растет мальчишка, готовить его к армейской службе? Несомненно, должна, хотя на вопрос, как готовить, односложно не ответишь. Может быть, кто-то ждет, что я сразу стану говорить о пользе физической тренировки. Но мне хочется поговорить о другом — о взаимоотношениях, установившихся с мальчиком в семье, о тоне, которым он разговаривает с отцом и матерью и которым они привыкли разговаривать с сыном.

Знаю многих родителей, воспитательские идеи которых укладываются в короткую формулу: «Чтобы с первого слова!» Мальчикам еще добавляют: «В армии тебе не будут повторять два раза». (А то еще и припугнут: «Вот там тебя, лентяя, прищучат»). Годы работы с суворовцами и воспитание собственных детей позволяют мне сделать вывод: дисциплинированность, готовность выполнить распоряжение старших — это результат многих воспитательных стараний. Именно многих. Уже не отчитывают ли с утра до ночи моего соседа Мишу? Но, видите,

упреки и нотации ему, как стенке горюх, — отскакивают, не оставляя следа. Впрочем, это не совсем верно, кое-что остается, потому что в воспитании ничего не проходит бесследно. Остается привычка к родительскому гневу и крику, вырабатывается стойкое сопротивление такому воспитанию. Понимаете: отец и мать беспрерывно вызывают к сознанию сына, а сознание как раз и остается незатронутым. Парень как бы изолируется от надоевших выговоров и постепенно теряет контакт с родителями.

Помню, в Суворовском училище я произнес на уроке: «Что же такое литература?» И тут же слышу добавление: «И как с нею бороться?..» Не скрою, мне очень хотелось отчитать остряка, но я сделал паузу и, как будто ничего не случилось, повторил: «Что такое литература, как с нею бороться... и чем она отличается от других видов искусства?»

Мальчишки засмеялись, повернулись в сторону остряка: дескать, один ноль не в твою пользу. Урок прошел нормально. Это, может быть, сотое доказательство в моей практике, что спокойный ровный тон, чувство юмора более действенны, нежели нудные поучения.

Ошибаются те, кто полагает, будто бы авторитет отца определяется одним только этим именем, кровным родством с сыном. Позволю себе заметить, что и этот авторитет приходится зарабатывать. Спросите: чем? Да многим. Знаниями, умениями, искренним вниманием к запросам сына, желанием вместе с ним что-то построить, чему-то порадоваться. Если такой связи нет, даже самые справедливые слова отца сын не воспримет с полным вниманием.

Часто, видя, как сын гоняет во дворе шайбу или мяч, родители недовольно ворчат: «Бегай по двору, вместо того чтобы посидеть над книжкой». Конечно, об уроках порой приходится напоминать нашим детям, но запрещать сыну игры с товарищами никак нельзя. Мальчишка полон энергии. Он испытывает потребность в движении, ему нужно соревнование со сверстниками. Уверен, что кроме таких стихийных игр необходимы и регулярные занятия физической культурой.

В армии есть такой методический прием в обучении. Его суть можно выразить в словах: «Делай, как я!» А ну, говорит командир, вот так, как я, согни колени, наклони корпус, оттолкнись палками и — за мной. Первый раз юноша катится на лыжах с крутизны с боязнью, а потом, преодолев чувство страха, — с удовольствием.

Вот так, наверное, надо и в семье. Можно сколько угодно говорить сыну о том, как важно ценить время, не болтаться попусту, но ничего не подействует, если сознательно и настойчиво не показывать ему на самых обыденных бытовых примерах, как умеют распоряжаться вре-

«Сын учится прилично, и жалоб никаких нет. Любит читать. Но я часто думаю, что очень трудно ему придется в армии. Он не то что ленив, но неповоротлив. Несколько раз надо ему сказать, до крика приходится доходить, чтобы сделал что просят. Вот эта наша трудность в воспитании».
(К. Зотов, г. Белгород).

Меньше опеки

Он шагает по улице с независимым видом. Пальто расстегнуто, шапка сдвинута на правое ухо, на воротнике космы волос — дань сегодняшней моде. Он чувствует себя представителем сильного мужского «племени»: на девочек смотрит презрительно и, чтобы поугадать их, заманивается портфелем.

Так выглядит мой сосед по дому семиклассник Миша. Мне, человеку знакомому, он небрежно бросает: «Здравствуйте!» — и торопливо проходит мимо.

Мать Миши жалуется: «Не слушается, грубит, ленился». Есть в семье и мужская рука — отец, но и к отцу Миша относится свысока. Когда тот возвращается навеселе, Миша, смеясь, говорит: «Мам, готовь антрекот, отцу закусить надо!» Женщина кричит в сердцах: «Опять выпил! Сын бездельником растет, а тебе горя мало!»

— Ничего, до армии недалеко осталось. Пойдет служить, там из него дурь быстро выбьют!

Надеждой на армию живет не только отец Миши, но и другие родители. Конечно, наша армия — надежная школа для юношей, но успешно пройти эту школу не так уж и просто. Только в кино под аккомпанемент веселой музыки неорганизованный Иван Бровкин за

менем отец и мать. Важно, чтобы человек почувствовал удовольствие от своей собранности, точности, обязательности. Тогда все это органически войдет в характер, станет чертой личности.

Заниматься сыном — вовсе не значит все время быть с ним. Закон настоящего мужского воспитания: меньше опеки, больше самостоятельности. Пусть с раннего детства и в вашем сыне проглядывают мужские черты характера, умение отвечать за свои действия, умение ставить перед собой цель и идти к ней. Именно с раннего детства, потому что соседи моего Мишку в семье слишком долго не принимали всерьез. Никаких моральных, да и физических задач перед ним не ставили. А потом он вырос и сам поставил перед отцом с матерью задачу. Очень трудную...

Конечно, поощряя самостоятельность, никак нельзя забывать о контроле — он очень нужен, чтобы приучить мальчика к исполнительности, самодисциплине. Обещал — приди точно в назначенное время, не опаздывая; дал слово — сдерживай; записался в кружок — не пропускай занятий: хочешь стать значкистом ГТО — тренируйся настойчиво. Именно так, ответственно, и должен поступать настоящий мужчина!

А еще у настоящего мужчины должно быть развито чувство покровительства. Вот мать, смеясь, рассказывает отцу: «Наш-то сегодня Наташка портфель нес. Кавалер сплывший!» Можно с уверенностью сказать: помочь девочке мальчик больше не решится. Мужское достоинство надо уважать, любая бестактность может отвадить от добрых поступков.

Однажды на вечер художественной самодеятельности к нам в Суворовское пригласили девочек из соседней школы. Как мальчишки готовились к этому вечеру! На брюках стрелки: тронь рукой — обрежешься! Гимнастерки отутюжены, ботинки блестят. И вот суворовец со знакомой девочкой поднимается в актовый зал, а навстречу ему воспитатель:

— Вы сегодня дежурный по классу?

— Я!

— Прежде чем встречать своих знакомых, надо было навести порядок в классе, — строго замечает воспитатель. Этих слов было достаточно, чтобы подросток смутился. Его унизили перед девочкой. Я знаю: он долго демонстрировал воспитателю свое неуважение...

Видимо, родителям надо постоянно обдумывать результаты своего воздействия на сына. Не получилось — понять почему, по какой причине. Именно такой анализ и рождает тот опыт, который позволяет успешно воспитывать сыновей настоящими мужчинами, верными и умелыми защитниками Родины.

Полковник П. Бученков,

19 *заслуженный учитель школы РСФСР*

Записки бывшего мальчишки
Улица И Я

Педагогика моей матери

Я помню тихие вечера, багряные отсветы заката, нежный тополиный пух, неистовый бег с битой в руке, когда, словно от стаи волков, неслись мы, спасаясь от незавидной доли водить в «попе-догоняле».

Странно, но впервые всерьез я подумал о влиянии на меня улицы, когда попытался детально представить влияние, которое имела на меня мать.

Нас было у нее восемь: четыре сына, четыре дочери. Порядок, дисциплину в семье моя матушка (отец рано умер) держать умела. В любую минуту она могла сказать, где любой из ее детей. Так повелось, что, выбегая из дома хоть ненадолго, каждый из нас кричал: «Мам, я...» — и далее следовала информация о цели, месте и предельном сроке отлучки. И почему-то это не затрудняло, не осложняло нашего ребячьего существования. Говорила ли нам мать, что так нужно? Даже не припомню. Мальчишкой я был убежден, что делал так исключительно по собственной инициативе.

Про нас говорили, что мы уродились удачливые. Восемь братьев и сестер-погодков в одной школе, лучшие ученики в своих классах — явление заметное. Почтение к матери со стороны учителей было велико. Далеко не богатого здоровья, она успевала без шума и суеты не только обшить, обстирать, накормить нас, но, когда выпадал снег, вместе с нами шла строить снежную гору.

Нет, жизнь наша вовсе не походила на идиллию. Спокойная, рассудительная, ласковая мать периодически обрушивала на нас ураганы гнева. Поводом служили сущие, по нашему мнению, пустяки. Но у матери была своя логика. Однажды во время отлучки мамы старший брат мобилизовал нас на генеральную уборку. К появлению матери все сияло: кастрюли, стены, наши физиономии. А мама вдруг спросила: «Корова накормлена?» Только тут мы услышали рев голодной скотины. Привычки искать среди нас правого и виноватого у матери не было.

Провинность одного служила поводом для всеобщей «бани». Атмосфера накалялась. Потом наступала тишина. Мы боялись. Не за себя... Не было случая, чтобы мать хоть пальцем тронула кого-нибудь. Страшно было за мать. Казалось, человек не может выдержать такого. Мы чувствовали себя самыми последними негодяями: мы «довели» маму!

Говорят: плохи те родители, которые руководствуются в воспитании не разумом, а чувствами. Не знаю. Не помню случая, чтобы чисто воспитательная мера или разговор предпринимались матерью бесстрастно, чтобы в основе этого не лежало ясно выраженное, каждому понятное чувство. Между прочим, это совершенно исключало возможность предугадать, когда и как поступит с тобой мать. И пожалуй, именно этот фактор неожиданности и эмоциональности обеспечивал решающий эффект.

Однако это одно едва ли позволило бы матери успешно направлять каждого из нас — ей удалось в организации семьи создать то, что сейчас именуется саморегулирующей системой. К примеру, нас в учении никто не контролировал. Уроки мы делали все в одно время, за одним столом. Мысль о том, какими глазами я буду смотреть в глаза сестрам и братьям, если получу двойку (мать могла даже и не узнать об этом), имела для меня решающее значение.

Довольно часто в речах матери мелькали имена мальчишек и девочек, которых ни один педагог не стал бы выставлять как пример для подражания. А мать ухитрялась рассмотреть в них какие-то привлекательные черты.

...Брат надевал башмаки. Заело шнурок. Он со зла дернул. Шнурок оборвался. Мать вроде бы ничего не заметила. Но во время очередной «бани» упоминается соседский Санька, от которого, как нам известно, учителя стоном стонут. А мать в красках повествует, как на ее глазах надевал этот Санька тесноватые ему сапоги, как терпеливо десяток раз перевертывал портянки, но все-таки надел сапоги и довольный ушел, а не портил жизнь своей матери безобразными выходками.

Когда попрекают хорошим учеником, пай-мальчишкой — это оскорбляет. Чувствуешь, что и в самом деле неспособен тянуть, как он. И тебе не только не хочется следовать указанному примеру, но появляется еще и неприязнь к поучающему. Но когда тебе доказывают, что ты хуже самого «плохого»... Сложно описать, что поднимается тут в душе. Уязвленное самолюбие одновременно с ощущением, что мать в чем-то глубоко права. И задумываешься над тем, что люди не обязательно бывают только «такими» или только «сякни», они разные, сложные, не всегда понятные и даже в самом «пло-

хом» человеке могут быть симпатичные черты, вот почему мать и ставила его нам в пример.

Этот странный, увлекательный мир

Мне думается, запас житейских знаний мог бы быть гораздо более скудным, если бы не улица. Ну ни с какой стати, встречаясь с ним лишь в школе, я не мог считать Ваню Румянцева особенным человеком. А вот что было однажды. Шли мы домой из школы компанией. Кто-то кому-то невзначай наступил на ногу. Известно, как у мальчишек: сообразить, что к чему, просто нет привычки, мгновенно срабатывают эмоции. Наскочили друг на друга как петухи. А Румянцев бросился к ним, обхватил, обнял за плечи: «Ребята, не надо!» Остаток дороги мы шли, согретые непривычным, неожиданным теплом, сблизившим нас.

Недалеко от нашего поселка была деревня. Мы, поселковые, вообще-то мало общались с деревенскими, но приятель у меня там был, молчаливый Юрка Аверкин. Многие считали его тупым, неспособным ни на какую выдумку. А я с этим не был согласен.

...Юрка сидел на обрубке бревна, еще более мрачный, чем всегда. Перед ним валялась горка подорожников. Кивнув на эту целебную траву, которой мы лечили любые ссадины и болячки, он попросил: «Положи на спину!» И задрал рубаху. Я ужаснулся: вся спина была в сине-красных рубцах. Когда она стала похожа на копну только что скошенного сена, мой пациент блаженно сощурился и принялся рассказывать. Во всем оказалась виноватой... школьная наука. Учительница рассказала нам про цирк, про лошадей, которые танцуют и кланяются публике. Юрка решил выучить кланяться своего гнедого и выучил-таки, а потом с удовольствием демонстрировал успехи ребятам. Однажды, когда Юркин отец выехал за ворота, какой-то шутник крикнул заветную команду. Конь застопорил. Ничего не подозревавший наездник перелетел через конскую голову... Слушать обо всем этом было ужасно смешно. И мне казалось, что Юрка придумал эту историю. Вот только исполосованная спина — ее Юрка не придумал.

Мои многочисленные уличные знакомые не только нравились или не нравились мне. Они удивляли, ставали передо мной загадкой. Окончательно убедился я в этом, когда, наконец, казалось бы, обрел друга.

...Его звали Андреем Охтиным. Он пришел к нам в школу в середине года, был старше нас. Я и подумать не смел, что Охтин может обратить на меня внимание. Но однажды он сказал: «Я считал, что тихони — подлизы и ябеды. А ты ничего».

Я узнал, что Охтин пишет стихи, посылает их в газеты и получает от-

туда ответы. Однажды он показал мне финку. В кожаном чехле, с красной ручкой, на которой было написано красивым почерком. «От рабочих завода...» И дальше шли фамилия, имя и отчество известного революционера, проживавшего недалеко от нас на даче. «Он мне подарил!» — сказал Охтин. И я не удивился: почему бы не подарить нож такому замечательному парню.

Как-то женщина на станции попросила нас дотащить до ее дома вещи. Андрей волок на плече тяжеленную корзину, оставив мне пустяковую сумочку. Плату разделили поровну. Посоветовал: «Отдай матери!» На свои купил пряников и поделился по-братски.

Я очень гордился Андреем. Вокруг все в один голос твердили, что с таким товарищем мне ничего не страшно. Правда, нельзя было сказать, что опасности часто меня подстерегали. С «хулиганами» у меня были обычные человеческие отношения. Как-то в узеньком переулке набрел на меня Фатя, известный всем в поселке дебошир. Вдруг остановился, посмотрел мне в глаза и протянул руку. В его покатых плечах силача, в повороте головы, вдавленной в плечи, я увидел что-то стеснительное, как будто Фатя боялся, что я вдруг откажусь от рукопожатия. Я ухватился за массивную длань. Не издав ни звука, Фатя прошествовал дальше.

...Я случайно присел возле компании, расположившейся сыграть в расшибалку. Мальчишка из параллельного класса вдруг уставился на меня, словно впервые увидел, и изрек: «Силен!» Оказывается, я всех поразил, полгода болел, а потом приходил в класс лишь для того, чтобы написать контрольную, ответить за четверть, и получал хорошие отметки. «Директорша про него на уроке рассказывала...» Все молчали и смотрели на меня. Я съезжилсь под этими взглядами. А в душе все пело от счастья.

Однажды Андрей вызвал меня из дома и сообщил, что надо спрятать «одну вещь». Вещь оказалась длинным, довольно тяжелым свертком. Я отвел Андрея в сарай. Поскольку я не лез посмотреть, что там, то считал, что ничего не знаю и вообще ни при чем. Так повторялось трижды.

Потом Андрей пришел ко мне с Шаровым, парнем, как я знал, отчаянной смелости. И мы пошли гулять. На окраинах поселка на дорожках лежали нетронутые опавшие листья. За заборами — наглухо заколоченные на зиму дачи. Остановившись возле одной из них, Охтин сказал мне:

— Стой здесь. Увидишь кого — свистни...

Перемахнув через забор, ребята скрылись за углом дачи.

Послышался резкий звук отдираемых досок.

Тут уж я все понял. И запанико-

вал. Казалось, любой случайный прохожий мгновенно сообразит, зачем я здесь, и схватит за шиворот. Но убежать я не мог... Бросить приятеля — это было не по законам мальчишеской дружбы и чести.

Ребята появились довольно быстро, с оттопыренными на груди пальто, и, дав изрядного крюку по лесу, мы расстались уже на другой стороне поселка...

Никаких последующих объяснений с Охтиным у меня не было, но мы отделились друг от друга. Меня мучило сознание, что я участвовал в отвратительном деле. А еще больше — понимание того, что Охтин считал меня безмозглой марионеткой. Да что — считал! Я и был какое-то время этой марионеткой. Теперь мне стало понятно, что за свертки прятал Андрей и откуда у него красивый нож. И все во мне возмутилось. И себя я ругал: не мог вовремя догадаться...

Выходит, лучше ограждать ребенка от влияния улицы? Ведь я, считавшийся примерным, благонаправленным мальчиком, наделал достаточно, чтобы, по крайней мере, поставить меня на учет в детской комнате милиции.

Да, нужно обезопасить ребенка от дурного влияния улицы — такое влияние может быть, я не отрицаю. Но не запретами, унижительной слежкой, строгим «непусканием» во двор. Это или не поможет, или даст обратные результаты (запретный плод сладок), или удастся формально, но на самом деле лишит ребенка многого, что могло бы быть ему полезно: свободных контактов со сверстниками. Мы полагаем, что ребенок только балуется на улице. А он тем временем, хотя и не совсем на наш манер, не очень понятным нам образом, занимается серьезнейшей работой — познает жизнь.

Значит, ограждать не запретами. А чем же? Поможет только воспитанная в ребенке нравственная сила, способность противиться дурному, преодолеть плохое влияние, его мужественная самостоятельность и разумность.

...Достаточно было крикнуть: «Мам, я...» И вольная воля, хоть на час, хоть на день. Понимала ли мать, что мы подвергались какой-то «уличной» опасности? Или была уверена, что все заложенное в нас в нашей большой дружной семье сработает и спасет нас в нужный момент?

А. Яковлев

Сначала я познакомилась с Анной Абакаровой Павловой заочно. В своем письме, очень большом, Анна Абакаровна о себе лишь упомянула. А письмо было посвящено чужому человеку, тревоге за чужую молодую судьбу. И несмотря на это, а быть может, именно благодаря этому, я узнала о Павловой главное: удивительно высокий строй души.

А когда я приехала в Ленинград встретиться с Анной Павловой, выяснилось, что они мать одиннадцати детей.

Анна Абакаровна и ее муж — коренные ленинградцы. С Выборгской стороны, Оба работают кочегарами: так им легче справляться — подменять друг друга на работе и дома. Трудилась Анна всегда на редкость добросовестно, без скидок на свою многодетность. Рабочая честь, рабочее достоинство у нее развиты чрезвычайно.

Худенькая, на вид слабая, до странности спокойная. На первый взгляд непостижимо — откуда уж силы берутся? Узнав ее лучше, понимаешь: ее физическая неутомимость от неисчерпаемых душевных сил, любви, веры.

«...Я верю, непоколебимо верю в людей. Сама я ни за что не преодолела бы свои трудности, сама я жива бы не была, если бы меня не выручали, мне не помогли бы люди», — написала мне Анна Абакаровна.

...Отдельную трехкомнатную квартиру Павловы получили, когда детей стало семеро. В ней живут и сейчас. Им дали бы большую, но они сами пока не хотят уезжать из своего микрорайона. В детском саду хорошие воспитатели. Интернат, где последний год учатся два старших сына, за углом; в свободную минуту могут забежать домой. От семьи не отрываются.

Для Павловых эти соображения — главные: что важнее для воспитания детей? К скромности бытовой обстановки Павловы привыкли. Без духовных ценностей, душевного согласия и единения не могут.

Изю дня в день долгие годы умудряется Анна Абакаровна вести дневниковые записи.

Записей о детях, зарисовок у нее столько, что они могут сформироваться в интересную книгу. А пока хочется, отобрав хоть несколько отрывков из ее дневников, дать представление о нравственной атмосфере и буднях этой семьи, о том, как в каждом своего ребенка Анна Павлова всматривается, вслушивается, какие черты ценит в своих детях, что умеет в них подметить, открыть и поддержать.

Чтобы читателю легче было ориентироваться, назову имена детей и их нынешний возраст: Лейли — 19 лет, Вячеслав (Слава, Вячек) — 17, Сережа — 15, Аннушка — 13, Ваня — 11, Света — 10, Вера — 9, Антон — 7, Миша — 4, года, Надя — 2, Маня — год.

Э. Малых

Мы — Павловы

Как тарелки плыли в Кронштадт

Вячеку 6 лет, Сереже — 4 года. Мама чистит картошку. А Вячек моет посуду в большом тазу. Моет и рассказывает сам себе:

— Это море, большое-большое. По морю плывут тарелки. Плывут, плывут и вот так качаются на волнах...

— Вячек, не расплескивай воду.

— Ладно, на море будут маленькие волны, — соглашается сын. — Вот так они тихонько плыли, плыли... в Кронштадт. Приплыли, а Кронштадт вдруг очень рассердился: «Почему вы такие грязные, неумытые?! Кашу ели, кисель ели, а рот кто будет вытирать, дядя?!»

— Вячек, что ты там кричишь? — спрашивает Сергей, занятый постройкой дома из кубиков.

— Я не кричу. Это Кронштадт сердится. Мама, вылей грязную воду, мне тяжело, никак не поднять... А теперь налей чистую и теплую, холодной водой плохо полоскать посуду.

— Я тоже хочу полоскать посуду, — заявляет Сергей. — Я тоже хочу... Кронштадт сердится.

— Кронштадт не сердится, когда тарелки чистые, — важно поясняет Вячек.

— Рукава закатывай, — напутствует мама.

И снова посуда плывет в Кронштадт, только с большим шумом, чем прежде.

— Вот плывут тарелки по волнам: «Мы помылись, мы помылись!»

Когда мама кончила чистить картошку, на ящике, предназначенном специально для этой цели, блестящей горой высилась аккуратно перевернутая посуда. Несмотря на путешествие в Кронштадт, она была так чисто вымыта, что маме даже не пришлось перемывать ее.

Такая девочка

Сереже 6 лет.

Я слушаю, не оборачиваясь, чтобы не спугнуть.

Сережа целует сестренкино голое пузо, маленькие ее, еще нехоженые ножки и приговаривает с нежностью:

— Ты моя Верунька! Маленькая моя Верунька! Ну у кого еще есть такая девочка? Ты у меня самая-

самая лучшая. Ни у кого на свете нет такой девочки!

Я не оборачиваюсь, боюсь спугнуть. Сережа никому не подражает, он сам так почувствовал. Я никогда не говорю, что Вера у нас лучше всех и ни у кого на свете нет такой. Я-то уже давно поняла, что у каждой мамы есть такая девочка или такой мальчик.

Рисунки

Аннушка долго, до шести лет, не рисовала. Зато потом как принялась за рисование!

Мне очень нравятся рисунки Аннушки. Например, рисунок: «А у нас одна девочка боялась прививок». Всего две фигуры — девочка и шприц. Шприц со стороны поршня не закончен, и поэтому страх своими огромными глазами может видеть этот шприц вырастающим до невероятных размеров. Игла с тончайшим концом торчит наискосок вверх, и конец слегка изогнут в сторону девочки, еще страшнее!

Девочка ростом чуть побольше шприца. Ее тело состоит из палок и огуречка. Но и такое примитивное тело выражает непомерный страх. Оно валится куда-то вбок, ноги подгибаются, руки хватаются за воздух. Густые волосы всклокочены и встают дыбом. В округлившись глазах ужас. Рот скривился, сейчас девочка заревет...

Швабра и цветы

Ваня все силится быть «хорошим». Знаете ли, как это трудно? Все же он старается. Вот пришел из детского сада. Оглянулся: пол не метен. А веник вчера окончательно доломали.

— Мама, веник нужно купить.

— Знаю. Некогда было.

Посмотрел в окно, на улице совсем уже стемнело. Сегодня веник покупать поздно.

Пошел в чулан, достал швабру без палки, не новую, но еще пригодную. Кто припрятал эту швабру, не знаю... Стоит, думает, швабру в руках вертит.

Пошел, взял в углу на кухне другую старую швабру, совершенно лысую, но с хорошей палкой. Осмотрел — и бодрым шагом в чулан, достал из инструментального ящика клещи, молоток, отвертку... Отвернул шурупы, лысую швабру сбил, насадил на палку хорошую.

Сопит, трудится. Гвоздем швабру расчесывает.

— Все! Ура! Победа!

Мчится и несет мне швабру, как букет цветов.

По правде говоря, я рада этой швабре больше, чем букету цветов. Ведь сам, по собственному почину!

— Победа!

— Погоди. А инструмент, что, посреди пола должен валяться?

— Ой, я совсем забыл про инструмент! Я сейчас!

- Все убрал?
- Все.
- А как швабра?
- Метет!
- Вот теперь победа!

родительский опыт

Из тетради «Руки»

...Идем из кино. С нами Светка. Вообще мы считаем, что Светка еще не доросла до кино. До кино начинаю дорастать после пяти. Но Светке не в таком уже далеком будущем исполнится пять. И ее взяли сегодня с собой не столько ввиду будущего пятилетия, сколько под влиянием горячих заверений, что она будет сидеть хорошо и не станет среди сеанса проситься домой. Обещание она сдержала, хоть это было и нелегко. Крихтела, вертелась, вздыхала, но крепилась. Может быть, благодаря тому, что смотрела хорошую детскую картину. Но это все отступление.

Я хотела рассказать не про то, как смотрели кино, а про то, как шли из кинотеатра «Ленинград» к станции метро «Чернышевская». Погода оказалась промозглая. Старшие поживались и ускорили шаги. Я держала Светку за руку, и она заметила, что я без перчаток. Она стянула рукавичку с другой руки, проверила, не озябла ли моя рука. Я была тронута. А Светка сняла и вторую рукавичку и обеими теплыми лапками постаралась обхватить мою руку, чтобы согреть. Мы, старшие, шли, обсуждали фильм, и Светка бодро трусила возле меня, хотя ей и неудобно было держаться двумя руками. Еще долго надо расти Светкиным ладошкам, чтобы они могли согреть мамину руку. А она, все стараясь согреть, прижалась нежной щекой к моей руке, шершавой и холодной. Мы уже подходили к «Чернышевской», а Светка, прижимаясь к грубой, замерзшей руке, все не могла ее согреть.

И тогда она горячо поцеловала эту руку. До самого сердца достала.

Мы шли и обсуждали хороший фильм. Мы шли большие, и никто из старших ребят не обращал внимания на маленькую Светку. А у нее после фильма, который она весь-весь просмотрела молодецким, уж не осталось сил еще и обсуждать. И пока другие шумно обсуждали, Светка под шумок любила маму.

Как достать до Луны

Возвращаюсь с работы в темноте. У самого дома вижу: бредут с площадки две печальные фигуры: Света и Ваня.

- Вы откуда это так поздно?
- Гуляли с Антошей.
- А где же он?
- Потерялся...
- А Вера где?
- Антошу искать пошла.
- Куда же она пошла?
- Да не знаем...

Вбегаю в комнату, включаю свет. Антон, полураздетый, мирно спит. Румяный. Выбегаю на улицу.

— Света! Ваня! Дома Антон. Пошли скорее Веру искать!

Возле детского сада, вдалеке, на пустынной и темной дороге, замечаю маленькую светлую фигурку.

Догоняю ее. Вера спокойно, неторопливо шествует по дороге. Одна, в темноте!

— Ах, это вы! — поворачивается она к нам, будто была совершенно уверена, что мы сейчас придем за ней. — Я искала-искала, нигде Антоши не видно!

— Нашелся он, дома. Спит! И тебе давно пора. Пошли, Верочка, домой.

— Нет, еще погуляем! Здесь красиво. Вот посмотрите, что там...

Там, над детским садом, над самой крышей, висит оранжевая луна. И вдруг:

— Мама, возьми меня на ручки...

— В честь чего это?

— Нет, ты только подними меня, я хочу до луны дотронуться.

Светка и Ванька, голова к голове, хихикают.

— Пожалуйста, могу тебя поднять, — поднимаю ее и несу. Она тянется рукой к оранжевому шару, но шар незаметно отодвигается на крышу соседнего дома...

Паук в лаптях

Ваня принес в ящике с травой зеленую гусеницу, большую и толстую, с рогом на хвосте, с удивительными косыми сиреневыми полосками на спине.

Следом Вера принесла жужелицу.

— Мама, это кто?

— Жужелица. Жук такой.

— Жужулица? А что, жук — папа, а жужулица его мама?

Аннушка начала рисовать и вдруг с визгом вскочила: из-под бумаги, шевеля мохнатыми лапами, появился огромный паук-крестовик.

— Мама, таракан! — завопила Аннушка.

На помощь подоспел Славик.

— Это не таракан! Это просто крестовик. Я его принес, чтобы он мне паутину в рамке сплел. И вообще, пусть он у нас живет, за ним

наблюдать интересно. Ты только посмотри, Аннушка, какие у него лапки! — умиленно говорит Славик, поднося Аннушке на ладони паука.

— Не хочу... — пятаются Аннушка.

— Да ты не бойся! Видишь, я его глажу по спине. Потрогай, какой он бархатный!

— Мама, боюсь!

— Да он не кусается! Вот видишь... Ой! — кричит вдруг Слава, отдергивая руку. Паук тяжело шлепается на пол. Славик бережно подбирает паука. — Ушибся, дурачина ты этакий? Он не кусается, у него и зубов-то нет. Просто он умеет щипаться. Ущипнул меня за ладонь! Я от него не ждал! Он же у меня уже совсем дрессированный был.

— Чем же он щиплется? — с опаской интересуется Аннушка.

— Да у него такие есть челюсти, вроде подгребалок... Нет, что тут у него, мама? Вот видишь, зацапалки такие, чтобы муху удерживать...

Ночью случайно замечаю, что по моей подушке спокойно шествует толстая полосатая гусеница с рогом на хвосте. Да что подлаешь, не скажешь ведь: «Не смей носить домой эту гадость!»

А через несколько дней, торопясь утром в школу, Славик просит:

— Мама, ты уж тут накорми этого, моего, в лаптях... — и, схватив портфель, выскакивает на лестницу.

И мама, радуясь, что хоть никто не видит, ловит муху и несет ее, отчаянно протестующую, пауку.

— На, ешь, голубчик.

Мишина «собственность»

Каждый вечер Миша красуется в пижаме «с собачками». Охотно объясняет всем, что пижаму ему подарила тетя Нина, которая в Москве живет. Вечером Миша стоит посреди комнаты во всей красе, а Надя ходит вокруг и с большим удовольствием, показывая пальчиком на каждую собачку, за каждую собачку лает. А когда все собачки представлены, Надя обязательно говорит, что на пижаме нет кошки, и тонким-тонким голоском показывает, как мяукает кошка, которой нет на пижаме. А когда Антон бывает чем-нибудь огорчен и расстроен и Миша хочет его утешить, то, испробовав разные способы утешения, он говорит: «Ну ладно уж, тогда надевай мою пижаму с собачками!» И Антон, действительно, забывает тут же свое «горе», напяливает пижаму, которая ему мала... Но это несущественная деталь. Антон, очень довольный, расхаживает в коротенькой пижаме, а еще больше доволен Миша — удалось все же ему сделать доброе дело.

Анна Павлова

Это тёплое слово: бабушка...

С именем бабушки у ребенка обычно слито все доброе, чем отмечены неповторимые детские годы — уют в доме и вечерняя сказка, веселые затеи и вкусный пирожок, ласковые руки и утешающее слово, исцеляющее ребячьи горести... Там, где в доме бабушка, детство полно теплоты, обретает особую прелесть.

В наше время, когда каждая молодая женщина стремится к производственному труду и активному участию в общественной жизни, бабушка подчас чуть ли не главный воспитатель в семье и первый помощник детского сада. Ведь она более всего располагает временем, отведенным на «домашнюю педагогику». Но все зависит от отношения отца и матери к старикам. Если ребенок видит, какой заботой они окружены, да и его самого вовлекают в эту заботу, такое отношение становится его собственным. И тогда родители ребенка могут рассчитывать: их старость будет так же счастлива и уважаема.

К сожалению, не все родители это понимают. И нам, воспитателям,

приходится нередко поправлять их, добиваясь изменения семейных отношений...

...В погожий день группа детского сада вышла гулять в парк. Столпившись вокруг воспитательницы, малыши рассматривают интересную находку. Вдруг Вадик, поглядев в сторону, крикнул: «Вон моя бабка идет!» Приблизившись к ребятам, бабушка поинтересовалась, что они нашли. «А ничего мы не нашли!» — дерзит внук, отталкивая бабушку. Испытывая неловкость за внука, она обратилась к воспитательнице: «Иду из магазина и вижу, кажется, наш детский сад гуляет. Дай, думаю, посмотрю, что они там интересное разглядывают».

Она уже собралась уйти, но воспитательница ее задержала: «Пожалуйста, посидите с нами. Отдохните, посмотрите на нашу находку...» И вот уже, подхватив доброжелательный тон педагога, дети окружили женщину, наперебой стали рассказывать, как они нашли ежа. Лишь внук, стоя в стороне, ворчал: «Зачем пришла? Кто звал?»

Когда бабушка поднялась, воспитательница предложила: «Давайте, ребята, проводим Александру Петровну. Поможем ей нести покупки». Теперь уже Вадик шел рядом с бабушкой, держа ее за руку, а в другой руке нес сверток. В конце аллеи женщина поблагодарила малышей за помощь и, сложив свертки в сумку, попрощалась.

«Хорошо, что помогли, — сказали детям воспитательница. — Вадик тоже, наверное, дома помогает ей?» Мальчик смутился: «Мама говорит: сама управится. Мы все на работе, а ей все равно целый день нечего делать!»

«А вы, ребята, как считаете, помогать или нет? — спросила воспитательница. — У кого есть бабушка?» Со всех сторон посыпалось: «У меня!» — «И у меня!» — «Я свою бабушку бабусей зову. Я люблю ее!» — «А мне папа говорит: бабушка — главная в доме, потому что она старше всех».

Маленький эпизод из жизни группы, а сколько таит он в себе! Напрасно мать Вадика сетует, что сын

груб и непослушен: она сама подает ему пример неуважительного отношения к собственной матери.

Побывав в семье Вадика, воспитательница многое поняла. Отец покрикивает на всех, командует, а с тетей даже дерзок и высокомерен. Мама Вадика оправдывалась: «Мать не хочу обижать и мужу не хочу перечить... Когда мама заболела, взяла ее из деревни сюда. Она человек болезненный, скучает по родным краям, вспоминает лес, реку, хозяйство и... плачет. А мужа это раздражает. Ей ведь что нужно — его теплое слово. Вмешиваюсь — не помогает, только масла в огонь подливаю». Воспитательница убеждала мать в необходимости изменить отношение мальчика к бабушке, пробудить добрые чувства к ней. Но одним убеждением не ограничилась.

Узнав, что бабушка — мастерица рассказывать сказки, пригласили ее в детский сад. Как были довольны малыши! Подарили ей альбом с рисунками. На первой странице — рисунок ее внука. Александра Петровна помогала обшивать кукол, и дети с радостью встречали ее. По-другому стал относиться к ней и Вадик. И вот наконец в дневнике воспитательницы появляется запись: «Сегодня Вадик рассказал: «Папа положил мне целое блюдо клубники. А бабушке не дал. Я сказал: «А бабушке клубнику?» Папа молчал, а я опять: «А бабушке?» Тогда папа сказал: «Бабушка захочет, так и сама возьмет». А я говорю: «Бабушка хочет, дай и ей, папа, клубнику». Папа положил бабушке тоже целое блюдо, и мы с ней ели вместе. И мама с папой тоже ели...»

Воспитатель постоянно ищет случая сделать детей либо соучастниками, либо хотя бы свидетелями хорошего отношения к пожилым и старым людям.

Митю утром привели в сад в необычайном виде: рейтузы, сапожки и руки были испачканы. А мордашка сияла радостью! «Вот», — сказал Митя, протягивая завернутые в газету три яблока. «Извините его, пожалуйста, за такой вид. Митя сам все расскажет. Опаздываю!» — взглянув на часы, отец ушел.

И мальчик рассказал: на автобусной остановке пожилая женщина рассыпала яблоки. А он помог ей собрать их. «Она сказала «спасибо» и дала мне эти яблоки. Я не хотел брать, но она сказала: «Возьми, это из моего сада». Папа велел, чтобы я угостил всех ребят».

После завтрака воспитательница разделила яблоки на 26 малюсеньких частей, положила на тарелку, и Митя обнес ребят. Воспитательница объявила: «Сегодня Митя поступил так, как поступил бы каждый из вас в таком случае. Эти яблоки подарены за добрый поступок». Конечно, «угощение» получилось симво-

личным, но доставило оно детям радости больше, чем обильный праздничный стол! Они как бы приобщились к доброму поступку товарища...

Бабушка Катюши, забирая ее из детского сада, каждый раз перекладывает часть своих покупок в маленькую сумочку и дает ее нести внучке. Та с удовольствием выполняет трудовое поручение. Воспитательница попросила бабушку поделиться с родителями своим маленьким опытом, и вскоре в родительском уголке появилась ее заметка. А чтобы и другие дети «догадались» помогать старшим, воспитательница привела им в пример Катюшу, показала сумочку, в которой она носит бабушкины покупки. Все дети захотели делать так же.

Готовность помогать старому человеку важно учить ребенка не только на примере собственных бабушек и дедушек. Иначе сложится неприятная двуличность: чутко к «своим», черств к «чужим». Детей надо повсеместно и постоянно «упражнять» в человечности.

Однажды, возвращаясь из леса, дети увидели пожилую женщину, сгребавшую сено. Небо затянуло тучи, и она торопилась. «Дождя, пожалуй, ей одной не управиться», — сказала как бы между прочим воспитательница. «Давайте поможем!» — подхватили ребята. И вот уже один за другим охапками носят душистое сено. «Ай да помощники!» — обрадовалась женщина. Едва все было закончено и дети успели укрыться под навес, хлынул ливень. «Если бы не вы, не успела бы собрать. Спасибо вам!» — сказала женщина. «А у нас так принято — выручать в беде», — ответила воспитательница. — Правда, ребята?» Дети радостно закивали головами: конечно, у нас так принято.

...Дедушка Гены ребята бездумно называли «слепой дед», а Славину бабушку — «хромоножка». Но прозвища сразу были забыты, когда воспитательница рассказала им: дедушка ослеп, спасая наш горящий танк в боях под Минском, а бабушка Настя в блокадном Ленинграде делала на заводе снаряды для фронта и застудила ноги. Помочь ребенку увидеть в близком человеке героя, патриота, достойного труженика — значит заронить в детскую душу зерно гражданственности.

...Как-то Марина рассказала: «Вчера дедушка достал свои ордена и медали — он наденет их на праздник. Дедушка Петя на фронте был». По приглашению детского сада Петр Афанасьевич побывал в гостях у старших ребят. С живейшим интересом слушали они его рассказ о том, как воевали советские бойцы, как освобождали пленных. Благоговейно рассматривали дети награды. «Никогда не думал, что ребяташки могут такое воспринять», — заметил Маринин дедушка. — Я даже внучке

ничего не рассказывал, полагал, не дойдет до нее».

В семью Алика приехала погостить бабушка, бывшая партизанка. Однажды, когда она привела Алика в сад, воспитательница попросила ее: «Расскажите о себе ребятам». И вот с затаенным дыханием смотрят дети на «настоящую разведчицу», слушают ее рассказ, похожий на сказку.

«Когда отец и брат ушли на фронт воевать против фашистов, мы с мамой остались одни. Однажды ночью слышим тревожный стук. Соседка говорит: «Фашисты близко, бежать в лес надо, там свои, партизаны». Распрощалась я с мамой, заплакала: увидимся ли? Я была ростом невелика, худенькая. Начальник отряда дядя Сережа сказал: «Уж больно мала наша новая партизанка». Но я и мои ровесники помогали отряду чем могли: посуду мыли, картофель чистили, воду носили, штопали, шили и стирали, сухие ветки для костра запасали. Собирали в лесу грибы, ягоды, орехи. И однажды начальник дал нам первое боевое поручение: пробраться в деревню Иваничи и узнать, где именно стоят фашистские танки и сколько их. А чтобы не было подозрения, дали нам лукошки из бересты, будто ягоды собираем. Вернулись поздно вечером. Задание было выполнено! Начала я постоянно ходить в разведку с ребятами. Идешь по лесу, ступаешь тихо, как кошка, чтобы враг не услышал. Бывало, разойдемся в разные стороны, и дух замирает: темнота, тишина — жутко! Но я вспоминала, что я партизанка, и мне становилось стыдно, что боюсь... Дальше шла уже смелее и увереннее. «Ты же боец, тебе доверили...» — твердила я себе.

Окружив Анну Игнатьевну, дети рассматривали медаль на ее груди. Потом они долго играли в партизанский отряд, девочки поочередно изображали Аннушку-разведчицу.

...В поселке Лесном у поворота улицы Гагарина на фоне елового леса стоит обелиск: советский солдат держит на руках маленькую девочку, прижавшуюся к его могучему плечу. У памятника часто можно видеть детишек. Они приносят сюда гирлянды из пушистой ели, выращенные ими цветы.

Дети просят прочесть высеченные на мраморной доске слова: «Вечная память воинам-землякам, погибшим в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. От жителей поселка Лесной». Воспитательница читает имена погибших — многие из них хорошо знакомы детям: это родные Настя Сумаковой, Марины Крутелевой, Сережи Гусарова, Алеши и Тани Терехиных и многих других детей. В фигуре солдата видится каждому «свой дедушка». Фотография которого с благоговением хранится среди семейных реликвий.

Л. Островская, М. Рубцова

Профессор В. Пушкин,
доктор психологических наук

Загадки интуиции

Интуиция — одно из сложных научных понятий. И в то же время — одно из привычных слов в нашем обиходе. «Интуиция мне подсказывает, что на этом пути вы не найдете правильного решения», — говорит научный руководитель аспиранту. «У этого футболиста отличная игровая интуиция», — замечает спортивный комментатор. И даже: «Интуитивно чувствую, что уж в этом лесу есть грибы».

К области интуиции относят все, что не укладывается в рамки строгого логического рассуждения, что открывается как бы вдруг, «по наитию». На самом же деле, если подойти к понятию интуиции с реальной точки зрения, оно означает довольно простой факт, хорошо известный любому. Когда возникает проблема, каждый из нас далеко не всегда использует длинную цепочку логических рассуждений. Гораздо чаще мы стремимся как бы окинуть одним взглядом условия задачи и сразу найти существенные связи между ними.

Интуитивные процессы не являются чем-то редким и удивительным. Это все случаи, когда решение возникает не как конечное звено цепочки постепенных рассуждений, а в результате быстрой оценки ситуации.

Когда к интуиции пытаются подойти психологи, они рассматривают ее в двух планах. С одной стороны, исследуется, как возникает решение той или иной задачи, условия которой задаются обычно наглядно. Здесь одним из популярных примеров является решение шахматных задач. С другой стороны, с понятием интуиции в психологии связано представление о бессознательной мыслительной деятельности.

Именно это наиболее сложное и загадочное в проблеме интуиции. Действительно: как могут осуществляться мыслительные операции, не осознаваемые тем человеком, в голове которого эти операции происходят? Да и могут ли вообще быть такие мыслительные действия? Ведь возникает какое-то странное противоречие: я думаю о чем-то, сам не зная, что я думаю именно об

этом. Но разве могу я думать и вместе с тем не знать, что я думаю? Обычно каждый из нас способен четко и определенно проконтролировать ход своих размышлений при решении той или иной проблемы.

Но это противоречие кажется непреодолимым лишь для поверхностного, житейского взгляда.

Современные научные данные, безусловно, позволяют утверждать, что неосознаваемые процессы мысли действительно существуют. Более того, именно эти «таинственные» процессы составляют основу продуктивного, или творческого мышления и уж, во всяком случае, являются его важнейшим звеном. Очевидно, в творческой деятельности есть период бессознательной переработки информации. Об этом свидетельствуют прежде всего факты из истории науки.

Очень показателен случай с Д. И. Менделеевым, который после долгих и безуспешных попыток построить классификацию химических элементов увидел свою знаменитую периодическую систему во сне. Если процесс творчества, процесс создания нового мог продолжаться во сне, то можно утверждать, что процесс этот во многих своих очень важных звеньях осуществлялся вне сознания и произвольной деятельности самого ученого.

То же самое можно сказать и о знаменитом французском математике Анри Пуанкаре. На протяжении многих дней он никак не мог решить стоявшую перед ним математическую проблему. Неудача вынудила его даже прекратить попытки и отправиться в небольшое путешествие. И вот однажды, когда он во время этой поездки сидел в омнибусе, решение совершенно неожиданно для него самого вдруг возникло в его голове. Когда он впоследствии проверил результат, оказалось, что это было то самое единственно верное решение, которое он так долго искал.

Это — очень яркий пример неосознаваемой мыслительной деятельности. Деятельность эта разворачивалась в то время, когда Пуанкаре отвлекся и занялся, казалось бы,

совсем другими делами. Если бы мы стали отрицать существование интуитивного пути познания, внезапное возникновение такого решения можно было бы объяснить только чудом.

Разумеется, этот процесс сам по себе, без предварительной активной умственной работы не мог бы привести к открытию. Ученый настойчиво и целенаправленно пытался решить проблему. Эти попытки, при всей внешней безуспешности, конечно, не пропали даром. В ходе их исследователь получал все больше информации о задаче и ее условиях, все глубже проникал в суть проблемы. Без этого предварительного сбора информации интуитивный, бессознательный процесс не мог бы начаться, а значит, не могло бы возникнуть и решение.

Но человек не властен приказывать своему мозгу найти решение к определенному часу определенного дня. И все же нельзя дожидаться «наития». Современная наука стремится научиться управлять интуитивным процессом. А для этого прежде всего надо раскрыть его природу.

Расскажем про опыты научного сотрудника Института общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР Г. В. Щавириной.

Опыты проводились с больными, страдающими различными поражениями коры больших полушарий. У одних больных была поражена лобная кора, у других — кора в теменной области.

Больным, а также представителям контрольной группы здоровых испытуемых, предлагалось решать довольно простые задачи на пространственное перемещение предметов. Пять фишек разместили на шести клетках. Требовалось, последовательно перемещая фишки на свободную клетку, привести их к некоторому заданному расположению. Например, предлагается расположить

2 3 5

1 4,

а требуется получить расположение

1 2 3

4 5.

В исходной ситуации, так же как и в конечной, свободной должна оставаться нижняя левая клетка.

При анализе результатов опытов оказалось возможным сделать выводы, которые на первый взгляд могли бы показаться странными и удивительными. Оказалось, что больные, страдающие поражением нижне-лобных областей, совсем плохо справлялись с предлагаемыми задачами. Они даже решали задачу глазами, не перемещая фишек.

Удивительное здесь в том, что такие больные в некоторых других ситуациях оказывались совершенно беспомощными: они забывали имена самых близких людей, не понимали, где они находятся и что с ними происходит. И именно они оказались

способными решать ситуации игры «5» не хуже, а в некоторых случаях даже лучше здоровых людей.

По-другому вели себя больные с поражением теменной области. Они совсем не могли решать задачи игры «5», даже не понимали, что от них требуется, хотя зрение было у них в полном порядке и они отчетливо могли видеть каждую фишку, ее расположение, ее очертания. А ведь у этих больных полностью сохранялось сознание, они знали, где находятся в данный момент, нормально ориентировались во времени. Следовательно, поведение теменных больных подтвердило автономность работы мозговых отделов, управляющих мыслительными процессами.

Читатель здесь может задать вопрос: а какое, собственно, отношение имеют эти исследования к тайнам интуиции? Ведь здесь прослеживалось решение простых задач, а нам нужно выяснить природу глубоко скрытых процессов, происходящих при решении задач высокой сложности, задач творческих.

Да, в описанных опытах больные и здоровые люди занимались лишь простыми перемещениями фишек. И все-таки с помощью этого метода удалось обнаружить нечто, непосредственно связанное с природой неосознаваемой, интуитивной деятельности. Удалось выяснить, что в коре больших полушарий существует инстанция, или блок, управляющий поведением человека как целостной личности, и блок, который осуществляет собственно познавательную функцию. Суть этой функции в установлении отношений между сторонами, из которых состоит проблемная ситуация. Первоначально проблема предстает перед человеком в виде «набора» разрозненных условий, однако в ходе решения отдельные элементы связываются друг с другом с точки зрения поставленной цели.

Если говорить об игре «5», то сначала человек воспринимает каждую фишку отдельно, разрозненно. После решения расположение фишек превращается в некоторое целое, в единую систему. Вот именно этим и занимаються, по-видимому, определенные клетки коры больших полушарий, расположенные в теменной области мозга. Вот почему больной с теменными поражениями не может не только решить задачу игры «5», но и понять ее.

Итак, в коре мозга существуют два блока, один из которых непосредственно связан с мышлением, другой управляет поведением человеческой личности. Если далее уточнять функции этих блоков, можно сказать, что в блоке, так сказать, личностном отображаются задачи и цели, которые возникают перед человеком. Эти задачи передаются в блок собственно познавательный, где и происходит значительная часть решения проблемы. Как показывают исследова-

ния, этот процесс, происходящий в клетках теменной коры, может при определенных условиях происходить обособленно. И это понятно: едва ли было бы целесообразно вышней инстанции осуществлять непрерывный контроль за каждым шагом, каждым звеном черновой работы познания.

Вот теперь можно подвести итог и высказать некоторое предположение, что же такое сознательная и что такое бессознательная мыслительная деятельность. Сознательная мыслительная деятельность происходит, когда одновременно, синхронно работают оба этих блока — блок установления отношений и высший блок, регулирующий целостное поведение личности.

Если же блоки работают раздельно, то возможна мыслительная деятельность, которая не осознается человеком.

Разумеется, это положение о взаимоотношении сознательных и бессознательных процессов мышления пока лишь дается как гипотеза. Но гипотеза эта удовлетворительно объясняет некоторые моменты в творческом мышлении.

Можно ли из этих данных сделать педагогические выводы, в частности выводы о возможностях формирования мышления школьников? Да, можно.

Хорошо известно, например, что зрительная или слуховая функции человека могут быть развиты в самой высокой степени. Рассказывают о красильщике, который был способен различать сорок оттенков обыкновенного черного цвета. Известны сталевары, которые по малейшим цветовым оттенкам способны оценить качество стали и т. д. Такого рода способности возникают как результат постоянной активной «тренировки» участков, ответственных за зрение или слух.

Если же в мозговой коре существуют специальные клетки, «заведующие» интуицией, то, значит, и эти клетки могут быть целенаправленно развиты.

В детском возрасте интуитивные механизмы развиваются в игре. Ведь сама игра представляет собой не что иное, как построение моделей окружающего мира и работу с этими моделями (возьмите, к примеру, то, как дети строят город или организуют игру в больницу). При этом в игре предметы что-то значат не сами по себе, а в зависимости от того, какое назначение им придано ребенком.

И потому-то детская игра — первая форма тренировки механизмов интуиции. И чем больше ребенок устанавливает отношений, тем интенсивнее будут развиваться соответствующие участки мозга.

Исследования В. В. Давыдова и Д. Б. Эльконина показали, что простые наглядные отношения между предметами, которые дети сами устанавливали, могут служить основой

для формирования весьма абстрактных математических понятий. Одно из таких фундаментальных понятий — понятие числа. Ребенку дают две палочки — большую и маленькую. Большую нужно измерить, маленькая же выполняет роль мерки. Надо, чтобы каждое откладывание мерки ребенок отмечал каким-нибудь предметом, например кубиком. В результате получается кучка кубиков, которые легко пересчитать. Понятие числа и формируется у детей в ходе установления таких многократных отношений между меркой и измеряемым.

Тренировка детей в установлении отношений между одними объектами приводит к тому, что дети начинают лучше видеть отношения и в других областях. Они начинают вообще лучше решать задачи на сообразительность.

Конечно же, тренировка умения видеть предметы и явления в их взаимоотношениях, «схватывать» их как целостную динамическую систему — лишь один из многих путей развития умственных сил ребенка. Но и этот путь заслуживает пристального внимания.

Здесь у читателя может возникнуть вопрос: нужна ли такая специальная тренировка? Ведь ребенок учится устанавливать отношения на каждом шагу своей жизни. Играя, общаясь с родителями, товарищами, он должен видеть связи и отношения между предметами окружающего мира.

Это, конечно, верно. Однако, анализируя внутренний мир ребенка (дошкольника или младшего школьника), наблюдая за его мышлением, за тем, как он решает задачи, без труда можно заметить следующее. На сравнительно ранних возрастных этапах внимание детей поглощают прежде всего предметы, которые ребенка окружают и с которыми он соприкасается и действует. Именно поэтому дети сравнительно ранних возрастов нередко поражают взрослых своей исключительной наблюдательностью, способностью замечать в вещах и людях различные их признаки и свойства.

Совсем другое дело — отношения

между вещами. Ведь они не так бросаются в глаза, как цвет, форма, пространственное положение и другие свойства, которые могут быть «схвачены» зрением и слухом. Способность видеть и распознавать их возникает у ребенка гораздо позднее, чем умение замечать внешние свойства самих вещей.

Отсюда не трудно понять, что многие отношения между предметами, даже те, которые могут быть установлены наглядно, нередко остаются скрытыми от ребенка. И эта неспособность увидеть связи между предметами обедняет его интеллект.

Было выяснено, что дети одного возраста, ученики первого и второго классов, совсем неодинаково способны устанавливать отношения между вещами, когда вещи эти находятся у них перед глазами.

Эксперимент проводился следующим образом. На карточках записывались такие отношения, как «находиться рядом», «находиться над», «находиться под», «быть больше», «быть меньше» и т. д. После того как смысл карточек был понят и записан, ребенку давалась картинка, изображающая какую-нибудь знакомую ему ситуацию — комнату, детскую площадку, класс и т. д. Задача состояла в том, чтобы ребенок набрал карточки тех отношений, которые он увидел между предметами на картинке. Одни дети ограничивались парными связыванием объектов типа стол — стул, стол — пол, стол — люстра и т. д. Другие пытались построить систему отношений того или иного предмета. В указанном примере они стол ставили в центр, а вокруг него располагали люстру, пол, стул и т. д. и связывали их соответствующими отношениями «быть под», «быть над», «находиться рядом».

Интересно было также и то, что дети, которые манипулировали с большим количеством карточек, не ограничивались парными связями, а пытались строить системы отношений, обнаруживали повышенный уровень мышления. Правда, они далеко не всегда были отличниками по всем предметам — нередко они обнаруживали неравномерность в учебе.

Целенаправленно тренировать интеллектуальную интуицию не только можно, но и необходимо. Эта целенаправленная тренировка способности устанавливать отношения может проводиться не только в школе, но и на каждом шагу в домашней обстановке. Полезно, если родители начнут указывать ребенку на связь между вещами, обращать его внимание на сам факт существования такой связи, смещать его внимание, его «умственный взор» с предметов на отношения между ними. Такая тренировка будет способствовать повышению уровня мышления детей, подготавливает их к той мыслительной нагрузке, которая их ждет в современном мире.

Всем вместе — другое дело!

Присматриваясь к нашим ребятам во дворе, я часто задумываюсь над явлением, которое можно определить понятием — мальчишество.

Оно звучит отрицательно, когда говорят, скажем, о поведении великовозрастного человека. Но тут речь о мальчишеских годах и о том, что для них естественно.

Вот они бросают палки в консервную банку, имитируя игру в городки. Вот забралась на крышу автомобильного гаража и гоняются друг за другом, рискуя слететь на землю. Двое идут по верхушке забора, балансируя руками. Третий по водосточной трубе добрался до высокого окна и беседует с высунувшимся из него хозяином квартиры, таким же мальчишкой. У них постоянная потребность в движении. Может, крепнущие мышцы требуют силовой нагрузки? Или это древний инстинкт, повелевающий мужчине быть смелым, ловким?

Все это мы, боясь за них, считаем шалостями, пресекаем их, жалуемся, что они глухи к нашим запретам.

Весенний вечер. Мальчишки разводят костер, сжигают в нем срезанные сухие ветви. Рады, что могут отговориться: они, мол, помогают поддерживать санитарию во дворе. Но от любования ярким пламенем переходят к экспериментам: что будет с голубем, если его подпалить? А кошка сможет перепрыгнуть через костер?

Скажут: жестокость, садизм. Нет, скорее это пока — от эмоциональной незрелости, от бездумности, от неумения контролировать вспыхнувшее вдруг желание.

Вывод самый простой, самый известный: природную энергию, желание действовать надо направлять. Но не так просто все делается...

...Встречаю трех, очень важных, очень деловых. Они при погонах. Объясняют: «Погоны дал участковый. Мы дежурим, следим за порядком на участке. Помойку потушили. Гвозди из дерева вытащили. Завтра встаем в четыре утра!» — «Зачем в такую рань?» — «Так ведь дежурить надо!» Встречаю ребят на следующий день. «Ну как, встали вовремя?» — «Без оживления: «Не пустили. Не в чем было дежурить. Бабушка погоны споролла...»

У них бывают взрывы коллективной деловитости. Раздобыли фанеру и сооружают теннисный стол. Взмахи топора, визг пилы, стук молот-

ков и, глядишь, к вечеру стол готов. Вокруг стола стихийный ребячий клуб. Но вот прошел летний ливень, фанера набухла, покорежилась. Ребята — в контору ЖЭКа: помогите. А начальник раздраженно отмахнулся: «Какие еще там столы? И, кстати, откуда стащили фанеру?» Не стало стола. И клуба нет.

Резвые ноги несут их на площадку детского сада. Вечером там один сторож. Но вот взорвалась тишина. Вихрем пронеслась с площадки мальчишечья ватага. Сторож кричит, ругается: «Поймаю — уши оторву!» Бежавший впереди Юрка Розов — я его хорошо знаю — вдруг остановился и с остервенением стал молотить по газону палкой, сбивая головки ромашек. «Что ты! Опомнись!..» — крикнула я, наблюдая эту картину. — «Ведь это для малышей...» — «А зачем он дерется? — с злыми слезами ответил Юрка. — Мы только с крыши прыгали в песок. А ему что, жалко?!»

...Я как председатель домкома занимаюсь озеленением. Многие молодые деревца стали у нас гибнуть. Нужно было срочно пересаживать их. Среди жильцов охотников поработать не оказалось, и я позвала Юру Бахурина, Женю Борисова, Сашу Кондратьева, чтобы помогли мне привезти машину посадочного материала. Подошли еще некоторые ребята, но многие, копнув пару раз лопатой, бросали. Мои помощники, глядя на них, поостыли: «А что мы — одни!»

Вот эта фраза и заставила меня задуматься. Выходит, мальчишки не прочь поработать, но — не в одиночку. Вот если всем вместе — другое дело! Перечитывая как-то А. С. Макаренку, я встретила у него такую фразу: «Я бы на месте директора школы организовал в домах бригады из школьников. Обходил бы их раз в месяц. Бригады рапортовали бы мне о положении работы во дворе». Я и предложила мальчишкам: «Давайте организуем в нашем дворе бригаду по спасению посадок. Выберем штаб, а все, что сделали и кто работал, будем записывать в дневник». Эффект превзошел мои ожидания! Все захотели работать в бригаде.

Самый волнующий момент наступил тогда, когда я достала чистую тетрадь и мы записали в нее: «10 августа. Окопали 5 деревьев, срезали сухие сучья, принесли 18 ведер торфа. Работали: Лавринов, Иванов,

Что сегодня будем делать? Обсудили, приняли решение — дружно за работу! (На верхнем снимке среди ребят — автор статьи Валентина Ивановна Куприянова)

...А зимой готовили «Чапаева»
(фото справа в центре)

ли сценку из фильма «Чапаев», но она состояла из двух-трех фраз.

Решив им помочь, я написала, на основе фильма и романа Фурманова, инсценировку на 30—35 минут. За два года мы ставили ее восемь раз и участвовало в ней свыше пятидесяти мальчишек. Все у нас было честь по чести — с декорациями, всякими военными атрибутами и полевым телефоном. Чапаев был в бурке, комиссар с трубкой, бойцы вооружены до зубов. Ребята исполняли песни, которые пелись в Чапаевской дивизии. Компания Левки Козлова по ходу инсценировки плясала «Яблочко». Петя по телефону вызывал «командиров». Чапаев показывал сцену с картошкой. Была стрельба за сценой, топот копыт и т. д.

Педагоги, видевшие инсценировку, хвалили и удивлялись тому, как слабые в школе ученики без запинок произносят свой текст. А одна актриса, член жюри школьной самодеятельности, говорила: «Зачем вам играть Чапаева? Это — сложный образ, вам его не раскрыть. Есть ведь много прекрасных детских пьес. Но... откуда вы набрали такую массу мальчишек?!»

Я не могла согласиться с актрисой. Именно образ Чапаева был тем «духовным хлебом», который более всего нужен этим грубоватым, озорным подросткам.

Приближался Ленинский субботник. В домах производился ремонт. И мы решили рискнуть — поручить бригаде имени Гагарина покрасить лестничные клетки. Для руководства работой выделили двух маляров, обеспечили бригаду краской и необходимым инструментом. Над этой работой уже никто не смеялся. Мальчики отлично покрасили стены трех подъездов, провели филенку, разрисовали дорожку с первого по пятый этаж. Были покрашены перила, двери квартир и даже пожарная лестница, ведущая на чердак. Желаящих красить было много. Приходилось дежурить в подъезде, чтобы сдерживать натиск жаждущих. Всего отработало 36 ребят с первого по десятый класс. Были, конечно, издержки: кое-где закапали пол, кто измазал одежду, что вызвало недовольство родителей. Но «отдача» была огромной. Два года подъезды стояли нетронутыми. Ни черточки, ни царапины на стенах! Мальчики гордились своей работой и охотно показывали ее всем, кто интересовался.

...Я не имею возможности рассказать обо всем. Были у нас и периоды подъема и времена спада, были и «рецидивы» мальчишеского анархизма. Не упомянула я еще о том, что в бригадах немало девочек. Но о них не рассказываю, потому что именно мальчишки составляли главную трудность и педагогический интерес.

В. Куприянова,
детский врач
Москва

Павлов, Кезен, Хицун, Филимонов, Назарова. Бригадир Лавринов».

С тех пор «бригадный метод» действовал безотказно.

За осень было организовано до десяти бригад, охвативших более двухсот ребят нашего жилмассива. К зиме все деревья были подготовлены, большинство посадок спасено.

Конечно, не все проходило гладко. Вот запись из дневника бригады «Горн»: «Разравнивали клумбы, носили песок. Подходили взрослые ребята и смеялись над нами. Особенно издевался рыжий Валерка». Володя Васильев на мой вопрос — почему не работал, с горечью воскликнул: «Да ведь смеются, Валентина Ивановна».

Наступили холода и самый крепкий наш коллектив — бригада имени Гагарина уже из сорока ребят — высыпала с клюшками на обледеневший асфальт. Затем перешли на затяннутую льдом лужу на пустыре и неоднократно чистили ее, пока она не скрылась под метровым слоем снега. К этому времени школа стала заливать каток на стадионе. Бригада — туда. Всю зиму наши гагаринцы поддерживали большой каток в полном порядке. Зима была снежная, дворники не успевали убирать снег, и тутгодились ребячьи руки. А еще они построили во дворе снежную крепость с «подземными ходами», со «штабом», над которым поднимался красный флаг, и развернули военную игру.

Вечерами ребята забегали в детскую комнату 147-го домоуправления, где в это время девочки готовились к новогоднему концерту. Я пробовала из мальчишек создать хор, подготовить декламаторов, чтобы включить их в программу. Но ничего не вышло — они разбегались после первой репетиции. В то же время некоторые не прочь были выступить с собственными номерами. Одни копировали Райкина и исполняли разные комические сценки. Другие под руководством Левки Козлова упорно демонстрировали танец «Яблочко». Они же изобража-

Вова, 4 года

— Чем вы сегодня в саду занимались?

— Кушали, гуляли...

— А занятия у вас были?

— Было. Карандашное.

Смотрит «Клуб кинопутешествий»:

— А каракатица такая черная — всю воду закарაკатила.

Он же, 6 лет

— Не хочу мороженого: у меня и так пасмурно в носу.

— Приз — это кусочек от сюрприза...

Ваня, 4 года

— Мама, посиди со мной, а то мне приснится страшный сон.

— А ты перевернись на другой бок.

— А вдруг он тоже перевернется?

Петя, 5 лет

Прохожий несет маленькую собачку:

— Смотри, папа! Транзисторная собачка!

Андрей, 4 года

Первый раз увидел курицу. Как затопает, как закричит:

— Ку-ка-ре-ку!

— Ты зачем так кричишь?

— А я ее боюсь.

Дима, 4 года

Увидел костер, который дедушка развел на огороде:

— Дедушка, а где ты его подключил?

Света и Оля, 5 лет

— Зачем самолет оставляет след, когда летит?

— Чтобы не забыть дорогу обратно.

Оксана, 5 лет

— Оксана, скушай ложечку за маму...

Оксана сердито:

— Мама придет и сама за себя кушает.

Проснулась на рассвете:

— Мама, на улице уже утрет.

Записали наши читатели: А. Костюк (Донецкая область), И. Смаржевская (Москва), Б. Дамбовский (Латвийская ССР), Г. Горбунова (Якутская АССР), М. Кучинская (г. Норильск), Т. Добровольская (Витебская область), Хайловы (г. Казань).

Что такое детский кинематограф?

«Я смотрю все кина!» Так называлась публикация И. Левшиной, научного сотрудника Академии педнаук, в журнале «Советский экран» за 1974 год. Автор размышляет о высказываниях юных зрителей, присланных ими в ответ на ежегодную анкету журнала. Размышлений этих приводить я сейчас не буду, достаточно и этого вот лихого высказывания.

«Я смотрю все кина!» Представляете вы себе этого мальчишку? Мне кажется, я его представляю. Вот на экране будут искать «что-то железное», — мальчик будет сочувствовать и волноваться, даже не понимая, что именно ищут и зачем. На экране начнется драка — мальчик оживится: вот это дело! На экране целуются — тощища, буза! На экране рассуждают и спорят, со скучными взрослыми это бывает, — мальчик все перетерпит, он человек закаленный. Перетерпит — и вырвется-таки на оперативный простор: к быстро развивающемуся действию, к эффектным поворотам сюжета. Он будет смотреть «Фантомаса» четырнадцать раз, «Великолепную семерку» — двенадцать, «Неуловимых мстителей» — восемь. Будет сочувственно оборачиваться в своем кресле и успокаивать ахающих: «Убейт, не бойтесь. Останется жив». Совсем неплохой мальчик, готовый, как видим, к доброму согласию с миром. Бедный мальчик, не успевающий поработать душевно. Словно все подряд жующий: леденцы, селедку, кислую капусту, шоколад. Ни в чем не успевающий разобраться толком; высокое искусство, если уж доводится ему с ним

Кино и дети

Любовь Кабо

Из книги «Кино и дети», которая выходит в серии «Педагогический факультет» в издательстве «Знание»

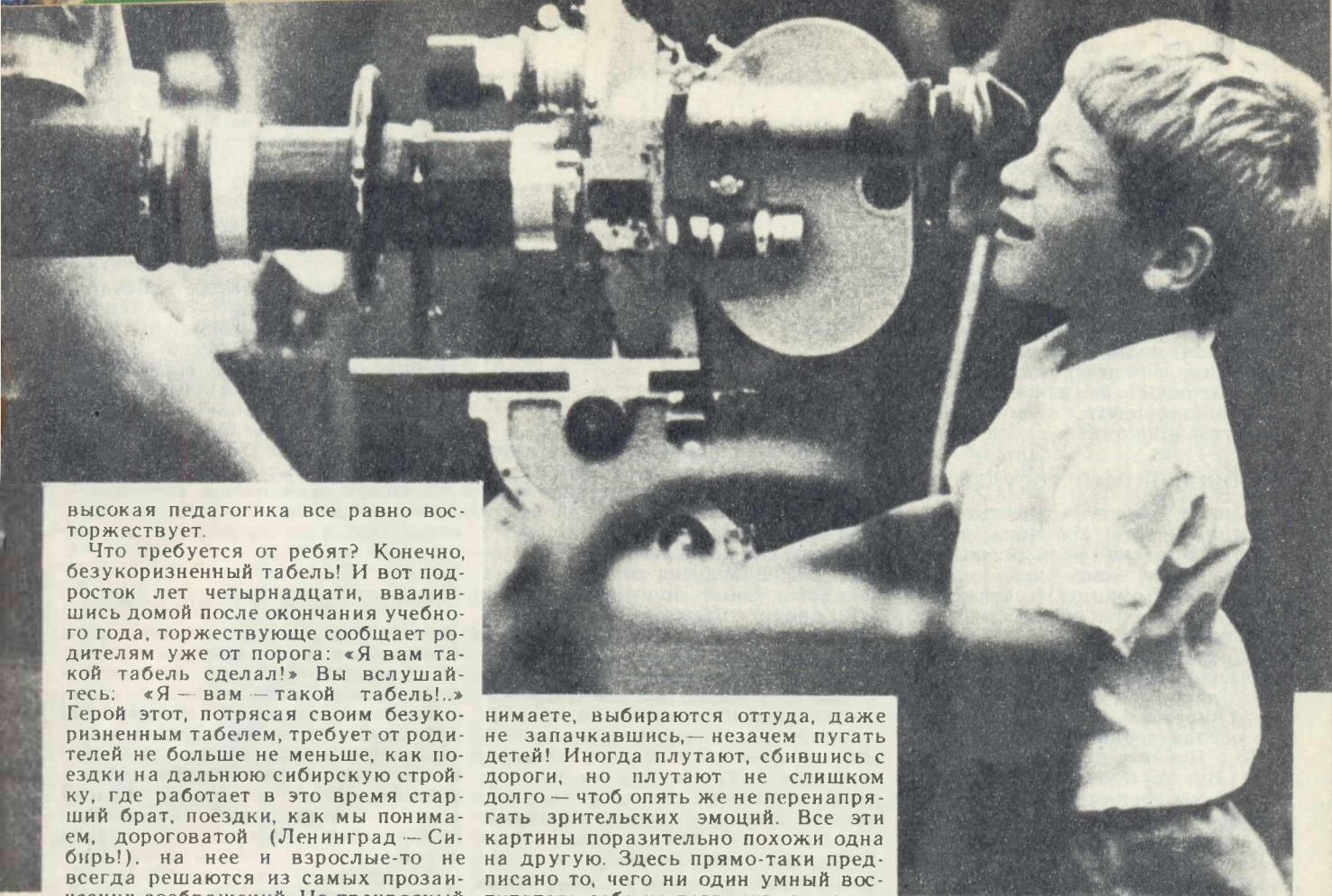
столкнуться, летит над его головой, не задевая душевных его глубин.

Вот об этом я и хотела бы подумать — вместе с читателем. Поразмышлять с ним вместе, какую пользу мы, взрослые, могли бы при соприкосновении с кино принести собственным детям?

«Как ты разговариваешь с младшим товарищем?»

Что такое детский кинематограф?

Первая точка зрения проста, как мануфактурный метр: это картины о детях и для детей. Один взмах метром — возраст малышей, два взмаха — раз, два! — подростковый. Три взмаха — раз, два, три! — беспокойный юношеский возраст. И в картинах соответственно являют себя — умиленные дети, благонаправленные подростки, благомыслящие юноши. Конечно, они не всегда так хороши, как хотелось бы, но что-то извне вмешивается — то ли обстоятельства так сложатся, то ли коллектив товарищей окажется мудр и чуток, то ли положительный пример промаячит перед доверчивыми глазами. — расстанемся мы с героями с чувством абсолютного спокойствия за будущую их судьбу. И хоть поступки героев вовсе не всегда были выверены с точки зрения высокой педагогики.

высокая педагогика все равно восторжествует.

Что требуется от ребят? Конечно, безукоризненный табель! И вот подросток лет четырнадцати, ввалившись домой после окончания учебного года, торжествующе сообщает родителям уже от порога: «Я вам такой табель сделал!» Вы вслушайтесь: «Я — вам — такой табель!» Герой этот, потрясая своим безукоризненным табелем, требует от родителей не больше не меньше, как поездки на дальнюю сибирскую стройку, где работает в это время старший брат, поездки, как мы понимаем, дороговатой (Ленинград — Сибирь!), на нее и взрослые-то не всегда решаются из самых прозаических соображений. Но прекрасный табель — это прекрасный табель, и герой добивается-таки этой дальней поездки.

Что он делает на стройке прежде всего? Прежде всего он проникает к легендарному начальнику строительства. Когда-то герой наш на отрядном собрании делал про этого человека доклад. И ошарашенные подобным фактом взрослые водят мальчишку по строительству, показывают ему уникальную электростанцию и грандиозную плотину, не скупятся на объяснения, бросив все свои прочие дела, которых, как мы понимаем, немало. И чем дольше мы за этим следим, тем больше нам становится не по себе: уж слишком не принужденно, как нечто само собой разумеющееся, принимает этот мальчишка внимание взрослых. Ах да, мы и забыли совсем: безукоризненный табель!.. Но не кажется ли вам, что эта детская картина оборачивается воинствующим ребячьим эгоцентризмом?..

Множество фильмов посвящено движению юных следопытов. Вот они идут по холмистым степям Молдавии и предгорьям Памира, пересекают песчаные прибалтийские дюны, прыгают по скалам черноморского побережья. Иногда срываются в болото — так, как в фильме «Их было четверо», — но, как вы по-

нимаете, выбираются оттуда, даже не запачкавшись, — незачем пугать детей! Иногда плутают, сбившись с дороги, но плутают не слишком долго — чтоб опять же не перенапрягать зрительских эмоций. Все эти картины поразительно похожи одна на другую. Здесь прямо-таки предписано то, чего ни один умный воспитатель себе не позволит: присесть на корточки, говорить елеинным сюсюкающим голоском...

В одной картине речь шла о пионерском лагере, и в лагере этом был объявлен День самоуправления. Все ли знают, что это такое? Это день, когда вся полнота власти в лагере принадлежит ребятам, взрослые же от руководства отстраняются напроочь. Из взрослых формируется так называемый сводный отряд, который только на то и годится, чтоб показать образец дисциплины. Так сказать, пионерский «Юрьев день» — взрослые в этот день целиком во власти подростков.

Очень интересны были в этой картине взрослые. Здесь и пионервожатая, привыкшая разговаривать с ребятами только на языке окриков и угроз: «Забыл, что тебе в этом году переходить в комсомол? Как стоишь? Как смеешь возражать?» «Подобные дни самоуправления проводятся всюду, и нечего умничать!» — как ни забавно, эта реплика принадлежит ей же. Здесь и начальник лагеря, исповедующий педагогику леденцов и скурпризов. Это он в поте лица поволокет в горы обходными путями ящик с водой и конфетами, чтоб, спрятавшись в скалах, невзначай обрадовать изнемогших от дальнего перехода ребят. Это он будет всех ревностней вытягиваться в строю и

ревниво подчиняться, по-матерински трепещущий за ребят и радующийся каждому их шагу. И был здесь еще один вожатый, отзывчивый и строгий, живущий с ребятами душа в душу и пользующийся у них заслуженным авторитетом. Так что педагогическая часть лагеря была представлена весьма разнообразно и обещала многое. Сколько усматривалось конфликтов, выхваченных пряником из жизни, какой намечался интересный разговор — о педагогике формальной и педагогике истинной, о вернейших путях к ребячьему сердцу. Превосходный начинался фильм!

Не выдержали, свернули. Вдруг испугались: это же для детей! И живые фигуры взрослых отодвинулись, отошли в тень. И ребята, живые, лукавые, вполне современные ребята превратились в подобие манекенщиков, украшающих витрины «Детского мира». Эдакие безликие, благонаправные дети, из которых не запоминается ни один. Только и запомнилось, как миловидная девочка, тряну-т тугими косичками, сказала кому-то из ребят: «Как ты разговариваешь с младшим товарищем?» В обычном детском разговоре сказала, не с высокой трибуны.

Как они разговаривают по прихоти режиссеров и сценаристов, бед-

ные ребята из детских фильмов! «Эта злополучная шпаклевка!» — восклицает в неподдельном отчаянии героиня фильма «Юлька»: ничто, кроме «злополучной шпаклевки», ее, ученицу ПТУ, не интересует всерьез. «Можно ли любить и быть передовиком производства?» — с тревогой спрашивает герой другого фильма. «И это говорит председатель совета отряда!» — в ужасе восклицает третий, опять-таки не на собрании, просто так, на морском берегу.

Вот и хочется спросить кинематографистов, подвизающихся в области специально детского кино: дорогие товарищи, как, в конце концов, вы разговариваете с вашими младшими товарищами?..

Сообщающиеся сосуды

Мне могут сказать: непростительная тенденциозность! Мы знаем в области детского кино великолепные достижения. Мы знаем такие кинокартины, как «Друг мой, Колька!», как «Звонят, откройте двери!», как «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Знаем фильмы Р. Быкова, И. Фрезы и других мастеров. Знаем, что есть классика детского кинематографа, вовсе незачем все оглулом чернить!

Но в том-то и дело, что есть классика! Вот эти произведения, которыми все мы гордимся, и говорят нам о том, что это такое, в сущности, — истинный детский кинематограф!

И вот вторая точка зрения.

О чем говорит замечательная картина «Друг мой, Колька!» — да и одноименная пьеса драматурга А. Хмелика? О столкновении живой подростковой души и равнодушного формализма. Все это и нашло свое отражение в бесхитростном рассказе о судьбе очень нелегкого подростка, всеми своими поступками выламывающегося из системы нудного говорения, являвшегося бичом нашей школы в конце сороковых — начале пятидесятых годов. И все это было видно, как взрослым, так и юным зрителям.

Что интересно взрослым и что интересно детям? За немногим исключением — одно и то же.

Кому не известно, как дети ощущают — с точностью самого точного прибора — фальшь и притворство? Они превосходно ощущают и это — фальшь и притворство кинематографа. Даже самые всеядные из них. И даже самые всеядные ощущают уважение к себе, серьезный разговор на равных.

Что такое истинный детский кинематограф? Да тот, который не приседает на корточки, не умиляется, а серьезно и просто общается с детьми в жизни взрослых и, наоборот, взрослых — к жизни детей. Кинематограф, который отчетливо понимает главное: никакой особенной, дистиллированной детской жизни нет. Есть жизнь придуманная и жизнь настоя-

щая, полнокровная, в которой равно участвуют и взрослые, и дети. С разной степенью понимания, конечно, — это неизбежно, — но с равной степенью самоотдачи.

Что такое взрослые, что такое дети? Сообщающиеся сосуды.

...Есть такой болгарский фильм «Во дворе играют дети». Три новеллы, очень неравнозначные: из жизни малыша, из жизни младшего школьника, из жизни подростка постарше. Очень по-разному все эти три новеллы получились.

Кто там прекрасен — это малыш. Вот он стоит в стороне у стенки и наблюдает, как папа и папин товарищ монтируют детскую железную дорогу. Папа и дядя всерьез увлечены, они елозят по полу, что-то у них, к их отчаянию, не получается, потом — бурный восторг! — получается, потом — не получается опять. У малыша, отодвинутого в сторону, копится праведный гнев. Не в силах совладать с ним, он подходит к грандиозному строителству и что-то там движением ноги разрушает. «Ох, какой ты! — в негодовании восклицает папа. — Для тебя же стараемся!» Он искренне убежден, что старался для малыша. Но мы-то видели — его неподдельная увлеченность к малышу не имела ни малейшего отношения.

Мы разделяем негодование малыша: увлечение взрослых было так заразительно. Но и папу способны понять тоже: папа — тоже человек. Сообщающиеся сосуды!..

Привет от крокодила Гены!

Помню, стояли мы на сцене, перед экраном, — группа московских гостей в одном из крупнейших кинотеатров Алма-Аты. Было это перед детским сеансом, громадный зал был заполнен детьми до краев. Стояли и взволнованно смеялись, потому что прямо на нас с любопытством, с доверием, с благодарностью, которую мы, право же, ничем не заслужили, смотрели прекраснейшие в мире глаза. Каждое наше слово встречалось дружными аплодисментами. «Привет от московских ребят!» — говорили мы. «Привет от девочки Нас-

ти!» — говорила автор сценария «Ох, уж эта Настя!» В. Спирина. «Привет от воспитанников Шкиды!» — говорил режиссер фильма «Республика Шкид» Г. Полока. Вышел художник-мультипликатор Н. Серебряков: «Привет от крокодила Гены!» Если бы был в зале сейсмограф — уж он бы показал! Зал взорвался шквалом аплодисментов.

А теперь скажите вы, взрослые, — вы не любите так называемые мультики? Очень ли вы далеко ушли от своих ребят?

Скучно быть Бармалеем!

Но я отвлеклась. А говорим мы, в общем-то, о вещах простых: или кино интересно — и тогда уже оно интересно всем, или никакое оно не искусство и не интересно никому — ни взрослым, ни детям. Кое-кто говорит: «Что такое детский кинематограф? Это кинематограф очень хороший». Или так говорят: «Такой же, как и для взрослых, только еще лучше». Вот это вторая точка зрения и есть.

Видели вы картину «Айболит-66» Ролана Быкова? Каждого, кто смотрит этот фильм, увлекает прежде всего самая атмосфера непринужденной игры, в которую его втягивают. Вот расстилают по полу море, вот направляют из шланга так называемый дождь: хочешь — верь во всю эту условность, не хочешь — не верь, хочешь — играй, не хочешь — не играй, тебе же хуже... Дирижер оркестра с трудом сдерживает рыдания, предчувствуя нелегкую судьбу Айболита.

Для кого этот фильм? Конечно, для детей. Айболитом они бредят, Бармалей, если можно так выразиться, их любимый злодей. Как они будут смеяться, следя за его злоключениями, как будут радоваться наивности обезьянки и добродушию собаки Аввы! Фантазия их будет напряжена до предела, яркие краски лягут в душу навсегда, как ощущение праздника; все, над чем фильм смеется, и все, чему он радуется, станет их насмешкой и их добротой. Поймут они основную мысль фильма: бессилие зла и красоту отзывчивого человеческого сердца? Еще как поймут! Они поймут главное: очень скучно быть Бармалеем — как он жалок в своей бессильной злости, как никем не любим и никому не нужен!

Ну а взрослые? Может, фильм и для них тоже?

Вряд ли дети поймут этого сдерживающего рыдания дирижера — он так изысканно и утонченно сыгран! Это — для взрослых. Это взрослым радостна условность предложенной игры — для детей она естественна. Это взрослые улыбнутся песенке «Нормальные герои всегда идут в обход» — это про взрослых. И взрослым так приятно думать о том, что быть человеконенавистником попросту скучно!

В чем же секрет этого фильма? В том, что он хороший. И смотрят его с одинаковым удовольствием и взрослые, и дети.

Детская киноклассика раскрывает ребятам окно в мир взрослых, раскрывает взрослым окно в мир детей.

О чем рассказывает фильм «Звонят, откройте дверь!»? Хорошие люди вовсе не броски, надо уметь их видеть — вот о чем он говорит. Они очень интересны, эти ничем, казалось бы, не примечательные взрослые люди, вроде маленького, скромного трубача, пришедшего на пионерский сбор и исполняющего там пионерские сигналы своего детства! А сами взрослые — не стоит ли им приглядеться внимательнее к миру детей: детям так неинтересно все, что идет от представляемый казенных, им так удивительно все, что идет от непредсказуемых впечатлений окружающей жизни: нечаянные встречи, несчастливая влюбленность, верное товарищество! Очень трудно пересказывать хорошие фильмы. О чем этот — «Звонят, откройте дверь!»? Просто — о жизни.

Или «Доживем до понедельника». Для кого этот фильм? Для ребят, которые глубже проникнут в мир взрослых и разберутся в нем, утверждают сознательно свой инстинктивный выбор между интеллигентностью и ограниченностью? Или для взрослых? Пусть лишний раз обернутся взрослые, чтоб взглянуть заинтересованно и доброжелательно на этот журавлик, взмывающий к небесам, — на недетскую взыскательность и достоинство неспокойной и чистой мальчишеской души.

Рассказать можно всё

Вы спросите: а что дети поймут во взрослых фильмах? Не бойтесь за них: самое главное — поймут. Что и не поймут — додумают в свое время. Какой фильм ребятами любим особенно? Тот самый, который и мы когда-то больше всего любили, — не «Чапаев» ли?

«Чапаева» они понимают? Смейтесь, когда бойцы, побросав оружие, ныряют в реку в поисках его, а сам Чапаев поясняет новичку-комиссару: «Купаются, жарко». Замирают, заслышав зловещий барабан капле-левской атаки. И в третий, и в двадцать третий раз — все равно замирают и все равно ликуют, когда появляется, наконец, Чапаев в своей развевающейся за плечами бурке. И в третий, и в двадцать третий раз,

расширив глаза в горестном недоумении, смотрят на сомкнувшуюся водную гладь, — может, оно все-таки произойдет, чудо?

Понимают все. А между тем разве так уж доходчив для них комизм вопроса, который задает из толпы крестьян какой-то дотошный дед: «А ты, Василь Иванович, за кого, — за большевиков или за коммунистов?» И так ли уж просто все то, что происходит поначалу между легендарным комдивом и пришлым человеком, новичком, присланным для политического, идейного руководства? Ребята не всегда сумеют должным образом оценить выдержку Клычкова, его безукоризненный такт? Экая беда! Оценят когда-нибудь.

Вы за них не бойтесь, за ребят, самое главное до них дойдет. А что и не дойдет — додумается в свое время.

Вы, наверное, смеялись, глядя картину «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»? Наверное, смеялись. Потому что это действительно смешно — видение Кости Буочкина: убитая горем бабушка (буквально: убитая — горем), похоронная процессия, изогнутая в просительным знаком, грозный плакат «Кто убил свою бабушку?». Вы смеялись, когда мальчишки, обжигшись крапивой, лежали на дорожках лагеря и голос испуганной медсестры зазвучал вдруг тревожной сиреной. А смеялись ли вы тому, что гипсовые пионеры в этом лагере — где начальником товарищ Дынин — почти вовсе вытеснили настоящих? Возможно, смеялись тоже.

Обратите внимание на то, как сатира на всяческие недостатки наши ненавязчиво, незаметно входит в художественную ткань самых что ни на есть детских фильмов. И все, как мы уже говорили, понятно: и в тех фильмах, которые мы уже перечисляли, и в этом. Мы еще и еще раз повторяем: рассказать, в сущности, можно все. Надо только форму найти. Находим же мы форму — хотим или не хотим, а находим, — отвечая ребятам на их бесчисленные «почему», пытаюсь порой объяснить все не для них предназначенные, но

проникающие тем не менее в их душу различные впечатления дворовой или уличной жизни. Или школьной. Или собственной нашей, домашней.

Помните, кстати, эпизод, когда товарищ Дынин при демонстрации кинофильма книжкой заслонял кинопроектор в тех непозволительных местах, когда Фанфан-Тюльпан целовал на экране очередную красотку? Зачем Дынин делал это? Ребятам, захваченным приключениями киногероя, вся его так называемая личная жизнь была все равно без надобности, они равнодушно пропустили ее, торопились дальше, к бессмертному мальчишескому «как стрельнет, ка-ак даст...». Запретительные меры беспомощны, они только одного и добиваются: акцентируют внимание ребят, заставляют попусту насторожиться.

Две баллады

Так что дело, на наш взгляд, не в том, что смотреть и о чем рассказывать. Вопрос в том, как рассказывать и как смотреть.

«Балладу о солдате» мне лично довелось смотреть дважды. В первый раз это была взрослая аудитория. В зале царил атмосфера, которая сопутствует встрече с высоким искусством: взволнованная, благоговейная. Взрослые то и дело принимались плакать: слишком многое поднималось в душе. Короче: царил атмосфера чистоты и серьезности. Была премьера — и по окончании ее съемочной группе устроили овацию. Кое-кто не хлопал: спешил остаться один, спрятать глаза.

И второй раз смотрела с классом, в котором была руководителем, с очень нелегкими подростками 14—15 лет. Вела их, как на праздник, в ближайший к школе кинозал. Знала твердо: трудно подобрать фильм более возвышающий и чистый, — именно это моим ребятам было нужно, как воздух.

Ох как это было тяжело! В зале, набитом какой-то, да простят мне это слово, шпаной, с начала и до конца сеанса царили жеребьяе реготанье, смех, пошлые шуточки. Милые мои ребята недоуменно пожимали плечами: «Вы нам так говорили...»

Если б я могла все повернуть вспять, посадить их в тот зал, где тихо плакали взволнованные люди, — как много получили бы они от этого, казалось бы, сугубо взрослого фильма!

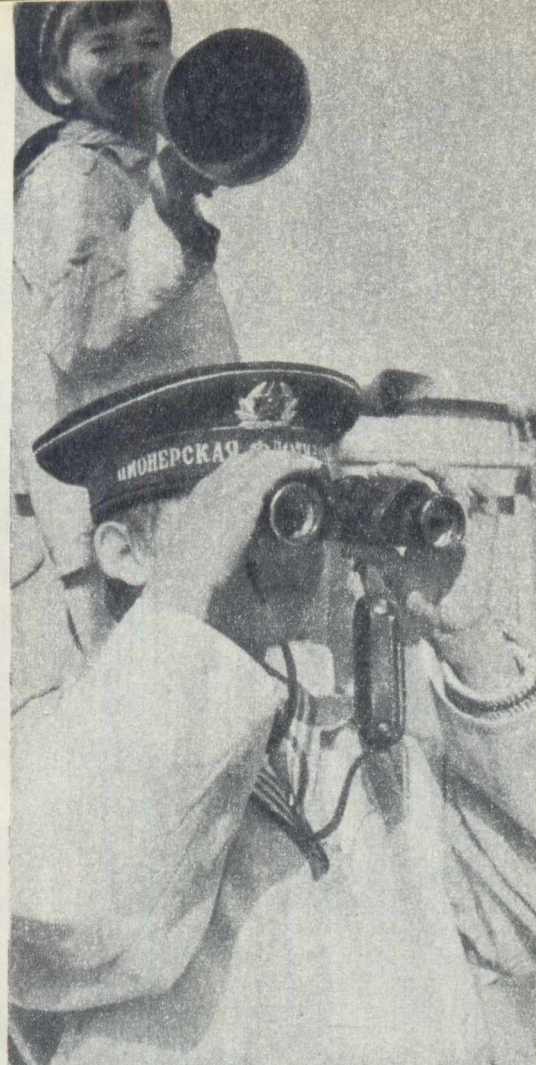

Фото А. Грохана

Где интересно

Юные моряки на фотографиях — не курсанты, не юнги. Это школьники. Они учатся в обычных школах Владивостока.

Мореплавание — дело серьезное; малышей во флотилию не принимают. У каждого за плечами должны быть как минимум пять классов образования и не менее тринадцати прожитых лет.

Это не единственное условие — нужно еще и хорошо учиться. И, представьте, флотилия, отнимая много времени, не мешает, а, наоборот, помогает школьным занятиям. И не потому, что двоечников могут отстранить от участия в плавании и ребята боятся такого наказания. Скорее всего другое: занятия во флотилии дисциплинируют ум и волю, и те школьные задания, которые мальчик растягивал на три-четыре часа вялой домашней работы, теперь выполняются быстро и четко...

Сейчас в пионерской флотилии Краснознаменного Тихоокеанского флота сто двадцать школьников. В распоряжении ребят, помимо лабораторий и учебных кабинетов, два настоящих корабля.

Когда флотилия выходит в море, с ребятами отправляются взрослые, но они плывут на судах на всякий случай — вдруг шторм застанет или авария какая. Управляют же кораблями сами ребята.

На мостике капитан, рулевой, сигнальщик, в машинном отделении мотористы, в радиорубке радисты, на палубе боцман со своей командой...

Ребята по очереди осваивают несколько корабельных профессий, а начинается все с умения драить палубу. Вот когда пройдешь азы мореплавания, научишься многим полезным делам, тогда поднимешься на капитанский мостик и отдашь команду приказ: «Полный вперед! Так держать!» И послушный твоей воле корабль пойдет в открытое море.

А пока, новичок, драй палубу!

Мы спросили ребят, зачем им все

это — море, походы? Они ответили: чтобы узнать, что там дальше впереди, за горизонтом. Они ответили, что их влечет романтика, и мы спросили, что значит, по их мнению, это слово. И они сказали, что романтика — это когда человеку хорошо, когда ему интересно жить.

Нам понравился ответ.

Ребятам интересно жить.

Хорошо, когда рядом есть море и твои корабли в нем.

Ну, а если нет моря?

Значит, есть лес, а там лоси, зайцы, белки... Ты можешь стать их другом.

А если нет леса?

Значит, есть поле, трактор, пшеница, цветы, кони...

А если нет поля?

Значит, вокруг дома, заводы, спортплощадки, детские клубы, очень много людей...

Где бы ни жили люди, надо жить интересно — это и есть романтика. Так говорят моряки.

Г. Шахвердиев

Где интересно

Надин Гордимер — крупная южно-африканская писательница прогрессивного направления. Она написала пять романов, два из которых записаны у нее на родине, и пять сборников рассказов. Новеллы Н. Гордимер публиковались в нашей периодической печати.

Рассказ, который вы сейчас прочтете, взят из сборника Н. Гордимер «Спутники Ливингстона» (1972 год), вышедшем в Лондоне. Многие новеллы этого сборника, как и все творчество писательницы, направлены против расизма, а также разоблачают ложные ценности буржуазного общества с его фальшью и погоней за наживой.

Герой рассказа «Встреча в пространстве» американский мальчик Мэтт, — казалось бы, живая реклама счастливого детства в «обществе потребления»: у него и дорогие фотоаппараты, и транзистор, и миниатюрный магнитофон. А по сути дела — это несчастный, обездоленный ребенок, не знающий родительской любви. Ему только десять, а он уже заражен духом чистогана, погоня за сенсацией — такая серийная заготовка будущего бизнесмена. За фасадом материального благополучия читатель без труда увидит ужасающую бездуховность маленького американца и задумается над его судьбой.

Надин Гордимер

Встреча в пространстве

Рассказ

Каждое утро Клайва посылали в булочную, и французские ребятишки внезапно возникали откуда-то из сумрака стен и шли за ним по пятам. Понять, о чем они говорят между собой, он не мог, но почему пересмеиваются — догадывался: ведь он чужак. Всякий раз, выходя из дому, он ждал: вот сейчас ему станет жутко и в то же время как-то противно оттого, что они идут за ним следом. В булочную они заходить не решались. Скорее всего запрещал булочник, ведь сразу видно, что они бедные, а бедные дети воруют, это Клайву было известно — вот хоть бы черные ребятишки там, дома, в Южной Африке. На родине он не бывал в булочной ни разу: хлеб доставлял рассыльный-африканец на трехколесной тележке, спереди на ней закреплен такой ящик, от него грохот на всю улицу; африканец проносил хлеб через задний двор, держа его над головой и увертываясь от лающих собак, и клал на кухонный

стол две булки и буханку черного.

Но здесь, во Франции, говорили родители, одно из развлечений — делать покупки самим в лавчушках, что прячутся в расщелинах горбатых улиц. Родители заставляли Клайва снова и снова повторять французские слова, которые он должен сказать в булочной, но он все равно ничего не говорил, просто показывал пальцем: мне вон это, а потом протягивал на ладони монетку.

Иногда одновременно с компанией мальчишек, которые всякий раз за ним увязывались, появлялся еще один: громко поздоровавшись с остальными через улицу на их языке, пройдет с ними немножко, поболтает, но сразу видно было, что он не из них. Хотя на нем были такие же бумажные шорты и парусиновые туфли, как у других, он был весь обвешан разными штуковинами в кожаных футлярах — фотоаппарат и еще какие-то две... А потом он повадился в булочную. Станет рядом с Клайвом и, вскинув голову с блестящей каштановой гривой, обводит взглядом знатока выставленные на прилавке торты, а сам по-свойски болтает о чем-то с продавщицей, — наверное, об этих самых тортах. Он неожиданно возник и в других местах. Как-то Клайв увидел его в самом начале подземного перехода: мальчишка стоял, привалясь к сырой стене. Другой раз он высочил из обшарпанного розового домика, перед которым стояли высокие, как из арабских сказок, горшки — похоже было, что он следил за Клайвом из окна. А еще как-то на виду у Клайва прошелся, покачивая для равновесия руками, по гребню стены, под которой была площадка, где булочник с другими мужчинами гонял под вечер тяжелые шары. Наконец он появился возле виллы, где отдыхала семья Клайва; уселся на крылечке дома напротив и принялся что-то налаживать внутри фотоаппарата.

— Англичанин? — спросил он Клайва.

— Да... Не совсем... Нет. То есть говорю я по-английски, но я из Южной Африки.

— Из Африки? Из самой Африки приехал? Это же чертова даль!

— Всего часов пятнадцать, около того. Мы на реактиве летели. У нас, правда, вышло немного дольше — понимаешь, в одном двигателе что-то заело, и пришлось среди ночи три часа просидеть в Кане. Ох и жарко же там! А мы видели настоящего верблюда, прямо около нас ходил.

Клайв вдруг умолк. В его семье считали, что рассказывать слишком длинно — тоску на людей нагонять.

— Я тоже много чего повидал интересного. Предки раскатывают вокруг шарика и часто берут меня с собой. Осенью вернусь домой, покажу немного в школу Лабуда. Африка, а? Фан-тастика! Может, выберемся туда как-нибудь. Слушай, ты в этих проклятых «Полароидах» что-нибудь мерекашешь? У меня заколодило. А я тебя снял раза два, могу показать. Снимаю втихаря, чтоб люди не видели. Повсюду тут хожу, щелкаю. У меня еще один аппарат есть — «Минокс», но я все больше «Полароидом» — проявляет прямо сам, тут же: щелкнул кого-нибудь — и, пожалуйста, сразу отдашь человеку фото для потехи.

— А в другом футляре у тебя что?

— Маг. Я и тебя записал. Повсюду записываю — и в баре Зизи, и на площади, а люди и понятия не имеют: понимаешь, у меня микрофончик маленький-маленький, «жучок». Фа-тастика!

— А вон в этом что?

Серебристой волшебной палочкой выпрыгнула антенна.

— Транзистор, что же еще! Мой любимый транзистор. Знаешь, что я сейчас слушал? «Помогите!» Там у вас, в Африке, биттлов любят?

— Мы их в Лондоне слушали — их самих, на концерте. Брат, сестра и я. Сестра купила пластинку «Помогите!», но здесь нам не на чем ее проиграть.

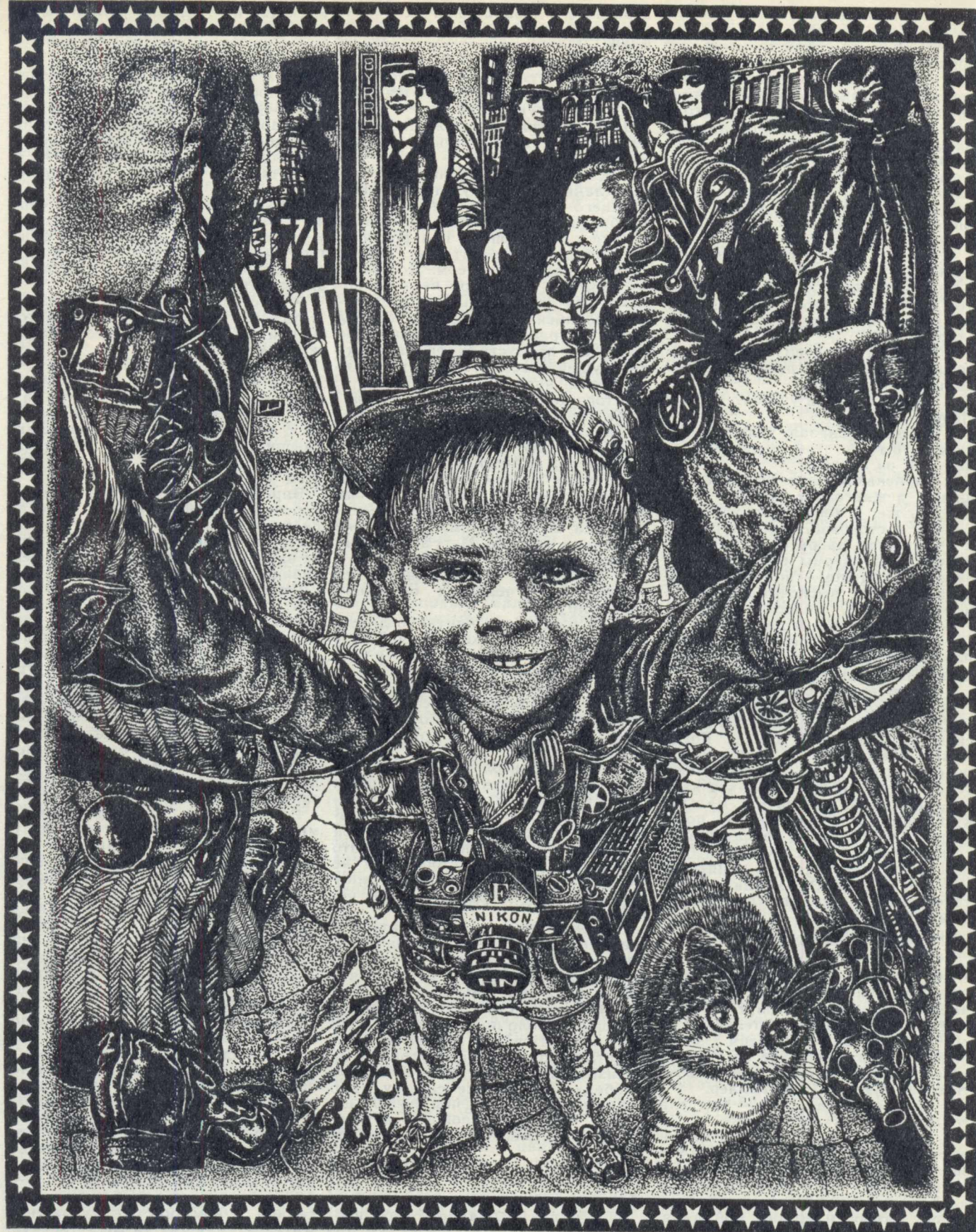
— Надо же, везет некоторым! Видели живых биттлов! Я волосы отпускаю, чтобы как у них, обратил внимание? Эй, слушай, я притащу к вам маленький проигрыватель, пусть сестренка послушает «Помогите!»

— А когда ты можешь прийти?

— Когда скажешь. Я такой: одна нога здесь, другая там. Сейчас, правда, надо тащиться на урок французского, черт бы его взял, а в двенадцать заскочить домой — эта старушенция, мадам Бланш, должна покормить меня обедом, прежде чем смеется. Зато потом мне лафа, гуляй сколько влезет.

— Тогда давай сразу после обеда. Часа в два. Жду тебя здесь. А не мог бы ты прихватить снимки — ну те, где я?

Клайв опрометью бросился через дворик, толкнул затянутую металли-

ческой сеткой дверь, и она с треском захлопнулась за ним.

— Эй, тут есть один мальчик, говорит по-английски! Сейчас мы с ним болтали. Настоящий американец, выговор американский-разамериканский, вот услышите. А чего у него только нет! Вы бы видели: фотоаппарат «Полароид» — он меня щелкал сколько раз, а я и не знал, и еще «жучок», это маленький такой магнитофончик, записываешь людей, а они и не знают, и еще транзистор. крохотный совсем, в жизни такого не видел!

— Значит, нашел себе приятеля. Слава богу, — сказала мать.

Она нарезала для салата зеленый перец и протянула Клайву ломтик на кончике ножа, но он даже не заметил.

— Он ездит по всему свету, только иногда приезжает домой, немножко походит в школу.

— Да ну, а где он учится? В Нью-Йорке?

— Не знаю. Сказал, учиться в Лабуде, что-то в этом роде. «Лабуда», так он сказал.

— Глупенький, это не название школы, а жаргонное словцо.

Здесь же, в комнате, служившей кухней и столовой, была душевая, и выдвигная дверь ее, замаскированная под дверцы буфета, вдруг заходила ходуном — кому-то не терпелось оттуда выскочить. Рывок — и показалась голова сестры.

— Кого ты себе нашел? Кого?

— Мы сможем послушать твою пластинку, Джен, он принесет проигрыватель. Он американец.

— А лет ему сколько?

— Сколько и мне. Около того.

Отец читал «Утреннюю Ниццу», сидя у обеденного стола. Когда Клайв вбежал, отец, шутки ради, подставил ему ногу, — впрочем, безуспешно; ему подумалось, что надо бы еще как-то проявить к мальчику интерес, и, словно желая показать, что он все время прислушивался к разговору, он спросил:

— А как зовут твоего приятеля?

— Ой, не знаю. Он американец, ну, такой, знаешь — ходит с тремя кожаными футлярами. Да он сегодня после обеда к нам придет.

А вот Дженни — она была уже большая — конечно же, сразу спросила американца, как его зовут. И ответ получила весьма обстоятельный:

— Ну вообще-то меня зовут Мэтт — это сокращенное от Мэттью, второго моего имени. А полностью — Николас Мэттью Рутс Келлер.

— Келлер-младший? — поддела его Дженни. — Келлер-третий?

— Ну почему же! Просто отца зовут Доналд Рутс Келлер. А меня называли в честь деда по матери. Ух, и семьяща же у нее — сила. Ее братья наполучали в войну целых пять орденов. Самый младший мой дядя, Род — так у него дырка в спине, где ребра, рука входит. Моя рука, не

взрослого, — добавил он и сжал в кулак маленькую, худую, загорелую кисть. — На сколько еще у меня должна вырасти рука? Раза в полтора, а? Ну чтоб кулак был большой, как у настоящего мужчины? — И он поднес руку к руке Клайва.

Двое десятилетних с жадным интересом смили кулаки: у кого больше.

— К твоему кулаку впридачу кулак Клайва — вот и будет Кулак Настоящего Мужчины, Удальца и Храбреца. Наша фирма высылает кулаки почтой, оптом и в розницу. Не забудьте вырезать из газеты купон с нашим адресом. Достаточно вложить в конверт верх от коробки или разборчивый образец вашей подписи, — насмешливо сказал Марк, старший брат Клайва. Но мальчики пропустили его издевку мимо ушей, а может, просто не поняли, что он над ними потешается.

С того дня, когда новая пластинка биттлов впервые была прослушана на его проигрывателе, Мэтт зачастил на виллу. Они снова и снова ставили эту пластинку в просторной беседке на заднем дворе (до того, как крестьянский домик, где они остановились, стал «виллой», беседка была свинарником). Когда же пластинка надоела, Мэтт записал их голоса.

— Наговорите мне чего-нибудь по-африкански! — попросил он своих новых друзей.

Марк выдал ему какую-то дикую мешанину: несколько застрявших у него в памяти зулусских слов и боевой клич, каким воины приветствуют вождя, всякие предупреждения с добрых знаков и ругательства на африкаанс. Мэтт слушал очень серьезно: напряженно сощурил глаза, прижал кончик языка к небу — совсем как орнитолог, которому удалось записать пение редких птиц.

— Ух, сила! Вот спасибо! Фантастика! Войдет в мой документальный фильм. Кое-что сниму отцовской камерой — думаю, он даст кое-что нащелкаю втихаря, чтоб люди не знали, что их снимают. Сейчас пишу сценарий. Это у нас, знаете ли, семейное.

Он уже успел им рассказать, что отец его пишет книгу (точнее говоря — несколько книг, отдельно про каждую страну, где они побывали), а мать ему помогает.

— Работают строго по графику — начинают около полудня и сидят до часу ночи. Поэтому мне велят спать из дому рано утром и не показываться, пока они не встанут к обеду. Потому же самому надо уходить из дому и под вечер: им нужно, чтоб было спокойно и тихо. Чтоб им не мешали спать и работать.

Дженни сказала отцу:

— А видел ты, какие у него шорты? Из мадрасского ситца, ты про него нам читал. При стирке получа-

ются цветные подтеки. Купил бы ты нам здесь такие!

— Пап, а транзистор у него — чудо!

Марк сидел босой, он упер большие плоские ступни в каменные плиты двора и задрал подбородок, подставляя лицо солнцу — словно там, дома, оно не светило ему круглый год; впрочем, купался он не в солнечных лучах, а в лучах Франции.

— Н-да, ох и портят же они своих детей, ужас! Вот вам яркий пример: фотоаппарат за пятьдесят фунтов — для него игрушка. А когда они вырастают, им уже нечего больше желать.

— Несчастный ребенок, — сказала мать. — Из дому его гонят, шатаются по улицам, обвешанный всеми этими жалкими цацками.

— Ну уж прямо, жалкие цацки! — Клайв вздернул плечи с подчеркнутым возмущением, развел руками. — Клайв, из деревни я никуда тебе с ним отлучаться не разрешаю, слышишь? Гуляйте только по деревне, — изо дня в день повторял ему отец.

Впрочем, Клайв не отлучался из деревни и вместе с семьей не поехал ни в музей на Антибском мысу, ни в керамические мастерские Валлори, не захотел посмотреть даже дворец, казино и аквариум в Монте-Карло.

Горная деревушка — в чьих улочках так же легко было запутаться, как в длинной и беспорядочной хронологии Европы, была в их безраздельном владении, его и Мэтта. Они без устали ходили по деревне с утра до вечера с одной заветной целью: надо было выныривать из-за угла, незаметно перебегать улицы, а под вечер, когда площадь заполнялась народом, появляться словно из-под земли то тут, то там и шнырять среди людей — но так, чтобы это не бросалось в глаза.

Рот Мэтта не закрывался ни на минуту: то он доверительно полусмеетом говорил с Клайвом по-английски, потом вдруг голос его весело взмывал — это он приветствовал кого-нибудь по-французски, а здоровался Мэтт с каждым встречным; потом опять переходил на понятный лишь им двоим английский, и снова они по-заговорщически сближали головы. Но даже когда голос Мэтта понижался до шепота, его круглые темные глаза с чуть опущенными уголками — это от сосредоточенных морщинок, уже наметившихся над точеным носом, — так и бегали, не упуская ни одного чело- века, попадавшего по пути. Здоровался он не только с местными, но и с приезжими, которых видел впервые. То подойдет к туристской паре, то к водопроводчику, поднимающему крышку люка, и с каждым заводит оживленный разговор.

Бывало и так, что, когда они под- ходили к кому-нибудь из местных жителей, сидящих на жестком стуле у дверей своего дома, тот вставал

и захопывал за собой дверь при первой же попытке Мэтта вступить с ним в разговор.

Старухи в перекрученных черных чулках, длинных передниках и широкополых черных шляпах — обычно они кучкой сидели на площади и лущили бобы для летнего ресторана «Ше Риан» — отворачивали коричневые, складчатые, словно греческий орех, лица и начинали шипеть, как гусыни, ощеривая беззубые рты, стоило только Мэтту к ним приблизиться.

Клайв теперь тоже повсюду таскал за собой свой аппарат, но снимал исключительно кошек. Мэтт пообещал устроить так, чтобы Клайв смог снять карлика — обыкновенного здешнего жителя, а не лилипута из цирка, — он жарил на вертеле баранину в одном из рестораничков, где ее готовили по какому-то особому местному рецепту; но при этом Мэтт объявил: чтобы стать настоящим, большим фотографом, Клайву не хватает характера; ему и в самом деле становилось неловко, стыдно и страшно всякий раз, как огромная голова карлика наливалась кровью от ярости, непомерно большой для такого маленького человечка. А вот Мэтту удалось незаметно щелкнуть его «Полароидом»; мальчики сразу забежали на какое-то парадное, где с потолка свисали цветные хлорвиниловые полоски, — чтобы отгонять мух, — и посмотрели снимок: казалось, огромная голова карлика болтается над шуплым тельцем, словно у куклы «би-ба-бо».

— Фан-тастика! — В голосе Мэтта не было хвастовства, просто профессиональное удовлетворение. — До этого он у меня ни разу не получался как следует, такое уж мое везение: прожили мы здесь неделю, и он сбрендил, его свезли куда-то в психиатричку. И вот только сейчас опять стал циркулировать, это здорово, что ты успел на него погля-

деть.

Сперва в семье Клайва восхищались мадрасскими шортами Мэтта с его транзистором, охотно пользовались его элегантным маленьким проигрывателем, радовались, что Клайв нашел себе друга, но потом стали находить, что он слишком много болтает, слишком часто к ним приходит и слишком подолгу шатается по улицам. И Клайву было объявлено, что отныне он обязан участвовать хотя бы в некоторых семейных вылазках. То они ездили куда-то за двадцать миль, чтобы поесть ухи, то с полудня до самого вечера бродили по картинной галерее.

— В котором часу мы вернемся? — спрашивал Клайв.

— Да кто его знает, к вечеру, должно быть, — отвечали ему. — Чего ради нам связывать себя каким-то определенным часом? Мы же на отдыхе!

Всякий раз, как они возвращались

из очередной поездки, в конце улицы уже маячила обвешанная сбруей тоненькая фигурка, приветственно махавшая им рукой. Однажды, когда уже стемнело, они нашли его под уличным фонарем рядом с местным дурачком и его собакой; в свете фонаря лица обоих казались плоскими и были исчерчены тенями. Оторвавшись от разговора, Мэтт бросил на них деловитый взгляд — словно ждал человек поезда и заранее знал, что он прибудет вовремя. В другой раз они обнаружили дома необычное послание — на каменных плитках двора спичками было выложено: ЗАЙДУ ПОПОЗЖЕ МЭТТ.

— Что это за люди такие, не возьмут даже ребенка с собой на пляж поплавать, — удивилась как-то мать Клайва.

Но Клайв пропустил ее слова мимо ушей. Он ни разу не бывал в розовом домике с высокими горшками. Мэтт возникал неизвестно откуда, как бродячая кошка, и у него всегда водились деньги. Мальчики отыскали забегаловку, где продавали особенную жевательную резинку — «бульбульку»: когда ее жуешь, идут пузыри. А иногда они брали олады. Платил всегда Мэтт: ведь он работает над документальным фильмом и к тому еще пишет книгу.

— За книги малолетних, знаете, как здорово платят, — объяснял он семейству Клайва. — Если только автор и вправду малолетний.

Он рассчитывает еще загнать в журнал кое-какие из снимков — те, что сделаны втихую.

В одно прекрасное утро, особенно ясное и красивое, мать Клайва, словно выполняя неприятную обязанность, спросила, не хочет ли Мэтт съездить с ними в аэропорт — мальчики могли бы посмотреть, как приземляются реактивы, пока взрослые будут заказывать билеты.

— Возьмите себе лимонаду, если захочется, — предложил отец Клайва, давая этим понять, что заплатит сам, когда вернется. Они заказали лимонаду, съели вдвоем по порции мороженого, а потом Мэтт объявил, что не отказался бы от чашечки черного кофе, чтобы все это смыть.

— Я запросто выпиваю пять, а то и шесть кофе, моей печенке это не вредит, — объяснил Мэтт.

День был субботний, и когда они ехали домой по крутой улочке, деревню уже заплотняли туристы, наезжавшие сюда в конце недели. Сразу же после обеда оба мальчика побежали к условленному месту встречи.

— В субботу всегда бывает улов, — сказал Мэтт. — Все эти психи вылезают на улицу. Тут, братец, только не зевай. Сегодня я написал главу четырнадцатую своей книги, за обедом. Вся еда была на подносе у меня в комнате — понимаешь, они вернулись домой в четыре утра и к обеду не встали. Действие происходит в аэропорту — помнишь, когда взле-

тал реактив, грохот был такой, ты только видел, как у меня губы движутся, а разобрать ни словечка не мог. Помнишь? Ну так вот, человека убивают, когда он пьет кофе в буфете, — он кричит, а никто не слышит.

Они бродили по стоянке, любовно оглаживая капоты гоночных машин, и поглядывали то на пуделей, сцелившихся у самой площадки для игры в шары, то на людей, готовых вот-вот передернуться у входа в тоннель, где была мужская уборная.

— Да ну их, я уже столько наснимал всяких преступных типов, на всю жизнь хватит, — сказал Мэтт.

Когда мальчики проходили мимо пирожковой, Мэтт увидел там семейство Клайва, — по-видимому, оно лакомилось своими любимыми оладьями с ликером, — но Клайв поспешно дернул его и потащил дальше.

Увидев сидящего в спортивной машине человека в черной накидке и с длинными, словно у кота, усищами торчком, Мэтт прямо затрепетал:

— Боже, да я его чуть не месяц стараюсь подловить!

Он нырнул в людскую гущу, Клайв за ним.

— Он художник, — объяснил Мэтт, — живет над сапожной мастерской, — знаешь, дырка такая, ее почти и не видно. На свет божий вылезает только по субботам и воскресеньям. Не вредно бы сделать с него парочку хороших снимков. Похоже, он из тех, кто потом становится знаменитым. Пока он еще не прославился, но я могу и подождать.

И извел из усатого почти целую пленку.

Семья Клайва все еще сидела в пирожковой; отец поманил Клайва, но тот притворился, будто не видит. Потом все-таки зашел, пробрался между столиками.

А Мэтт уже бежал к ним во весь дух:

— Там — женщина — сейчас — шмякнулась — то ли в обмороке — то ли умерла — то ли еще что. Бежим скорей!

— А зачем? — спросила мать Клайва.

— Господи помилуй, — только и сказала Дженни.

Но Клайв бросился вслед за Мэттом. Они энергично работали локтями, проталкиваясь к спуску с площадки, где на расчистившемся от людей кусочке мостовой лежала толстая женщина. Платье ее задралось, из рта шла пена. Прохожие пытались ей помочь. Одни пробовали ее поднять, другие — те, кто считал, что двигать ее нельзя, — их оттаскивали. Кто-то снял с нее туфли. Еще кто-то сбегал за водой, но пить она не могла.

Мэтт доснял остаток той пленки, которую почти целиком извел на усатого художника, и успел заложить новую, а женщина все лежала; но вот послышался длинный, качающийся вой сирены — снизу, из порта, мчалась по горной дороге «ско-

рая помощи». Вехать на площадь машина не могла; санитары в форме пронесли носилки над головами людей, положили на них женщину, подняли ее. Лицо ее было синевато-багровым, ноги раскинуты. Мальчики вместе с другими составили почетный эскорт, сопровождавший ее к машине: Мэтт, держа аппарат на колесе, продвигался впрыскалку, будто отплясывал русскую — хотел непременно снять распростертое тело с нижней точки.

— Да, тебе будет что показать там у себя, в Африке! — объявил Мэтт.

В тот день он снимал «Миноксом» и пообещал, когда пленка будет проявлена, сделать отпечаток и для Клайва.

— Вот черт, придется ждать, пока предки свезут мои пленки в Ниццу — здесь проявить негде. А ездят они туда только по средам.

— Но к тому времени я уже уеду, — неожиданно оставил Клайв.

— Как уедешь? Обратно, в Африку? — Огромное расстояние вдруг пролегло между ними — вот сейчас, когда они стояли голова к голове в толкотне деревенской улочки. — Ты хочешь сказать, ты уже будешь в самой Африке?

Фотоаппарат Клайва был водворен в его шкаф вместе с другими европейскими сувенирами. Как-то Клайв достал его — хотел взять на спортивное состязание — и обнаружил в нем отснятую пленку. Ее проявили и оказалось, что это бродячие кошки. Был там и снимок американца Мэтта, то-ненького с непомерно большими коленками (из-за того, что оказались на переднем плане), глядевшего подозрительно и вместе с тем умно изпод копны нестриженных волос.

Вся семья обступила Клайва посмотреть.

— Смотри-ка, фоторепортер «Тайма» и «Лайфа» собственной персоной!

— Бедняга Мэтт — какое там у него второе имя?

— Непременно пошли ему этот снимок, — сказала Клайву мать. — Вы с ним договорились переписываться? Ты взял у него адрес?

Но адреса не было. Оказалось, что у мальчика Мэтта нет ни дома, ни улицы — как, скажем, у них.

— Америка, — ответил Клайв. — Его адрес просто — «Америка».

*Сокращенный перевод
с английского
С. Митиной*

Грачёвник

В то удивительное тридцатиградусное лето мы жили в оренбургском степном селе с красивым старым именем Спасское.

За два месяца не выпало ни одного дождя. Были дни, когда на небе только луна стояла облачком: ни дымки, ни росинки.

Коровы, уставшие от зноя, не хотели давать молока. И люди утомились, и земля потрескалась, стала легкой; от любого ветерка срывалась, взлетала рыжими столбами, а плодить не уморилась. Заливала бугры и ложбины зеленым, красным, голубым, белым.

В Спасском степь — не блюдцем. Одно поле вверх пошло, а другое вниз, плавно, словно птица, скользящая к земле на широко расставленных, послушных потоках воздуха крыльях. По горизонту — горы. Из-за одних солнце встает, за другие — заходит.

Есть в Спасском Барская гора. Родник. Десяток старых ветел.

Под Барской горой чудом уцелевший старинный барский дом из кедра. Треть его занимает директор школы Михаил Мефодьевич Чумаков, а две трети — школьный музей.

Как начинаются школьные каникулы — паломничество. По три-четыре экскурсии в день. В музее пушечки Пугачева, сабли героев гражданской, ордена героев Отечественной...

В десяти шагах от музея — тополиная роща. В длину шагов полтора, в ширину — ста не будет, но в ней тесно от деревьев, от чистотела, кустов ежевики и, конечно, крапивы.

В роще — демократия. Тут пока только волки и медведи не завелись, а для всех остальных — дом родной.

Муравьи, ежи, светляки, соловьи, а наверху — город грачей.

Когда молодой подросток, когда вываливались из гнезд недотепы, а мамы и папы кормили и кормили галдящее голодное свое потомство — даже ночью не умолкала здесь жизнь.

Только угомонятся, вдруг высокий выкрик — и как взрыв: свист крыльев, писк, трепыхание. И потом над всем этим базаром строгий, успокаивающий, ворчливый бас:

Оренбургская степь

— Каар!

Грачи виновато щебечут, а тут снова:

— Кааар!

И минута тишины.

Но вот птенцы подросли, научились летать, и в доме стало солидно. Все работают в полях. Возвращаются в гнезда после захода солнца. Летят тучей, весело. Молодые укладываются долго, все что-то вспоминают, переругиваются, пересмеиваются. А уж как уснут — тишина.

Луна выплывает, станет над рощей, светло, тревожно, полетать хочется, а те, кто мог бы полетать, — спят.

Все меньше и меньше шуму в Спасском. До зимы еще далеко, но, глядя на грачиную сеть, сердце нет-нет да и в комочек.

Ведь скоро вся эта орава прошумит крыльями в последний раз, и до весны.

Улетят грачи, а с ними еще одна прекрасная весна, еще одно стремительное лето, еще одна осень...

Мытник

Цветы заливают землю не вдруг. Сначала являются разведчики. Осторожно поднимают они головы из травы, выглядывая силы нынешнего цветочного царя.

Потом прибывают странники. Два-три стебелька жмутся друг подле друга, скромные, сирые. Пустили в избу и ладно, мы и у порошка переночуем.

Так было и с мытником, бордовым цветочком, похожим в первые дни цветения на красный клевер.

Его соглядатаи явились в мир, который принадлежал незабудкам и землянике. В те дни земля казалась простужкой. Незабудки, как девочки на деревенском празднике, земляника и того скромней. Рассыпалась резво по буграм и ложбинам — радуйтесь, люди! Коли не белым лепесточкам, так тому, что впереди — алым ягодам.

Тут-то, среди голубого да белого и загорелись первые цветы мытника. Огня от них, как от свечки среди бела дня, но на дворе уже стоял июль. Летнее солнце распалось во

весь жар. Ягоды земляники, не успев налиться, сморщивались, как угольки.

И однажды утром мы увидели: степь бордовая, как хороший, старой работы ковер. Солнце мытнику не помеха. Пришли дни его ликования.

Живокость

Почему живокость? Кость живая? А еще называют петушками. И шпорником. Цветы и вправду на шпоры похожи.

Как солнце на закат, запыхает шпорник фиолетовым огнем, не холодным, небесным, а теплым, земным.

Тут где-нибудь неподалеку и коровяк стоит. Крепкий, длинный, выше всех — этакая деревенщина. Цветов полна голова. И все золотые.

Цветов голубые реки

Я потратил на этот цветок несколько лучших утренних часов.

Имя ему — цикорий, а деревенские русские люди зовут его Петров кнут. Стебелек и впрямь стегают — не ломается.

В то самое утро, когда я ждал восхода солнца, меня удивила бедность земли.

Совсем недавно заливали ее реки цветов — и вдруг: пусто. Неужели к середине июля природа истощила свои запасы, а ведь впереди август, летний месяц.

Даже Петров кнут, еще вчера голубевший крошечными лужицами среди сомлевшей под солнцем зелени, исчез.

Я наклонился над одним из стебельков, надеясь найти в траве опавшие лепестки, но увидел другое. Лепестки были на своих местах. Свернулись в тугие трубочки, трубочки прижались друг к другу, и получились две плотно сжатые ладошки.

Петров кнут рос у нас под окном, и я поспешил к дому, сел на каменную подушку фундамента и стал ждать, когда цветок проснется.

Пробуждался он на удивление неторопливо. Долго, так долго, что глаза не замечали никакого движения. Сначала он разжимал свои ладошки, а потом уж разворачивал трубочки лепестков.

Прошел час, солнце поднялось высоко, а мой Петров кнут все еще потягивался, и жучки да мошки крутились вокруг, но не могли приступить к своей работе.

Я не вытерпел и побежал на луг. Луг — голубое озеро. Я потратил время на ленивца.

В тот день я набрел в степи на овражек, где по весне бежит ручей, а теперь бушевали заросли цикория. Было десять часов, время нежаркое, но цикорий голубел как-то в треть силы, словно сила была, да иссякла. Я испугался: неужели упустил голубое ликование? Или упустил.

или цветы чересчур берегут свое голубое.

На следующее утро, не позавтракав, побежал к моему овражку.

Уже издали было видно — цветет!

Между желтеющими полями рано созревшего хлеба струилась голубая река. Она выплескивалась из берегов, к ней спешили по ложбинкам тонкие ручейки, она оставляла за собой нежные озера и тупички заводей.

Я с разбегу залетел в голубую реку и увидел главное: два золотых пшеничных берега, над ними — голубое и между ними — голубое: река скатывалась с неба.

Перекасти-поле

Птицы от зимы летят и улетают. У них крылья. Перекасти-поле от зимы катятся, да весь их путь до первого овражка, до встречного куста.

В этих серых прыгающих шарах сидит колдовство. Чудится — мчатся они не под ударами ветра, а наоборот — это они нахлестывают невидимых лосвиствующих коней.

Покатились перекасти-поле, и тут как тут — тук да тук — дождик. Оловянный, долгий. Ночи приходят черные, ледяные, пустынные. Но перекасти-поле свое дело сделали: рассеяли по земле семена. Все это осенью.

Летом перекасти-поле — великан травяной степи.

Стебельки, веточки, листики сплелись у перекасти-поле в шар. Для серой мошкар, для жучков в железных панцирях, для пестрых букашек шар этот — и небо, и земля, и дом. Здесь накормят, напоят, укроют от зноя и холода, спасут от ливня и врагов.

Мальвы

Пришел-таки миг утомления: наша гора выгорела. Ринуться цвести в такую сухость и жару — сомлеть, не распустившись.

Пошел гулять чертополох, репейник. И вдруг посыпалось по земле белое: ромашки.

Пыль для них — не пыль, засуха — не засуха.

природа

Белое, ясное на смену голубому. И все еще держались мальвы.

Мы приносили их домой, и дома становилось тесно. И весело, как бывало на старых деревенских праздниках.

Глядя на нежную душой, беззаветно и бездумно цветущую мальву, думалось: не все еще пропало. Впереди август — летний месяц, быть новым цветам.

Крапива

Село Спасское утопает в крапиве. Да не в простой — в жгучей, остролистой. Острекочет — целую неделю почесываешься.

Крапиву несколько раз за весну вырубает мотыгами, но она все равно растет и, когда наступает сенокос, жатва, когда не до крапивы, — спокойно вымахивает выше крыши.

Тем, кто возле своего дома не ведет борьбу с крапивой, сельсовет грозит штрафами. И даже кого-то один раз оштрафовали на десять рублей, но крапивы от этого не убавилось.

Она — полезная.

Свиньи от нее так жиреют, что хозяйки гоняют своих парусуков из крапивных угодий.

Когда нечего рассказать, жители Спасского не о погоде заводят разговоры, а о своей крапиве. Например, такое: «Гуляли мы свадьбу. Сваха у меня дородная. А у дородных, как водится, сердце пошаливает. Выпили за молодых, вышли во двор. А крапива в тот год — стеной, выше дома. Сваха и говорит: «Сват, конопля-то у тебя какие!» Хватить рукой — и вдарилась. Не ожидала, крапива-то у нас, как собака! Знаменитая!»

Физкультурный букварь

С. Прокофьева, Г. Сангир
В. Гришин (методист)

Солнечная шутка

Мы на солнце полежали
И друг друга не узнали.
Кто же мы —
Ребятки
Или
Шоколадки?

В лодке

Коля, Маша, Таня и Ваня играли на пляже. Около самой воды шла полоса влажного песка. И ребята лепили песочный дворец.

Солнце стояло высоко. Анна Петровна лежала под полосатым зонтиком и читала книгу. Время от времени она поглядывала на ребят.

Дворец у ребят получился на славу. Чтобы он не рассыпался, был ровный и гладкий, стены его ребята прихлопывали ладошками. Коля подвел к дворцу шоссейную дорогу. Таня и Ваня рыли подземный ход.

Больше всех трудилась маленькая Маша. Панамка ей все время съезжала на нос. Она развела возле дворца настоящий цветник. На ее песочной клумбе росли ромашки и колокольчики.

— А кто же будет жить в этом дворце? — сказала Маша. — Я вылеплю сейчас песочного человечка.

Маша вылепила из мокрого песка человечка. Круглая головка, вместо рук — прутики.

— Тр-р-р-р! — послышался громкий рокот. Посередине реки быстро прошла голубая моторная лодка. За ней разбегались две белых пленных волны.

Большая волна с шипением набежала на берег. Залпла подземный ход, ведущий во дворец. И смыла песочного человечка. От него остался только маленький бугорок.

Маша посмотрела на него и заплакала.

— Не плачь, Маша, — сказал Коля.

Орёл Кузя

природа

Раньше Кирилл Сергеевич работал учителем биологии и жил в небольшом селе в десяти километрах от заповедника. Он любил лес, животных. И никто не удивился, когда в одно морозное утро Ермолов, сложив свои немногие пожитки, переехал в заповедник. Ему предложили место старшего егеря. И с тех пор несут к нему с разных концов то брошенного матерью больного олененка, то оставших щенков рыжей лисицы: «Кирилл Сергеевич выходит!..» И Кирилл Сергеевич наливает в бутылку теплое молоко, надевает соску и выпаивает. И что вы думаете: спас таким образом не одного зверя!

Как-то к Ермолову пришли школьники. В руках они держали птенца. Это был выпавший из гнезда детеныш орла-могильника. Кирилл Сер-

геевич принял птицу. Назвал Кузей. Скоро орленок привык к своему новому положению и охотно откликался, когда егерь звал его. Но вот Кузя стал отказываться от еды, почти не узнавал своего крестного. «Заболел», — решил егерь и побежал на бойню раздобыть кусочек свежего мяса...

На другой день, когда я проходил мимо дома Ермолова, Кузя гордо восседал на веранде, изредка вращая своей сильной головой: царь-птица! Вышел хозяин. Погладил птицу и что-то сказал ей ласковое на ухо.

Мне вспомнились вчерашние слова Кирилла Сергеевича: «Птицы все понимают. Жил у меня щегол. Ночью запел. Почему? Сон приснился»

А. Михайлов
Фото автора

Он сбежал к откосу и принес комок красной глины.

— Сейчас я вылеплю тебе другого человечка. Он будет крепкий и прочный.

И Коля вылепил человечка из глины. У него были толстые ножки и толстые ручки. Вид у него был очень солидный.

— Мы назовем его Глин-Глин, — сказала Маша и засмеялась.

Между тем Анна Петровна натянула резиновую шапочку и пошла к воде. Она не стала мелкими шажками осторожно входить в реку. Разбежалась, сразу бросилась в воду и поплыла.

Анна Петровна плыла быстро и красиво, сильным движением выбрасывая из воды то одну руку, то другую.

— Этот стиль называется кроль, — сказал Коля. — Бабушка мне уже объясняла. А это — баттерфляй. Вон видите, как она плывет.

— А теперь она плывет на спине, — закричала маленькая Маша. — Да как быстро!

— У бабушки первый разряд по плаванию, — сказал Коля с гордостью.

— Неужели я когда-нибудь так буду плавать? — нерешительно сказала Маша.

— Бабушка научит, — пообещал Коля.

Вдруг позади раздалось какое-то странное шипение. Ребята оглянулись и увидели доктора Градусника.

Лицо было сердитым. Брови нахмурены. Он даже подпрыгивал на своих коротких ножках. А столбик ртути у него на животе подскочил до самого подбородка. Доктор Градусник открыл рот, но изо рта у него пошел только пар. Настолько он был сердит и возмущен.

— Маша!.. Маша!.. На солнце!.. Без панамы!.. Это же так вредно! Даже опасно! — доктор Градусник с трудом находил слова.

— А я и не заметила, как она свалилась. — Маша с виноватым видом подняла и надела панаму.

Советы доктора Градусника: солнечный удар

Дорогие мамы, папы, бабушки и дедушки! Находиться ребенку под прямыми лучами солнца с непокрытой головой — опасно! Это может привести к солнечному удару. При этом лицо ребенка краснеет, дыхание учащается. Может даже наступить обморочное состояние.

Немедленно уведите ребенка в тень. Смочите лицо, голову и грудь холодной водой.

...Если на коже ребенка появился ожог, то советую сделать следующее. Обожженное место обливайте минут 20—30 холодной водой. Затем смажьте 5-процентным раствором марганцовки. Пузыри ни в коем случае не сржайте.

Солнце — друг ребенка! Но следите, чтобы ребенок не перегревался.

Послеобеденный сон

Летом лучше всего укладывать ребенка спать на свежем воздухе: на веранде, в саду, на балконе. Но с обязательным условием, чтобы на ребенка не падали солнечные лучи. Таким образом пребывание ребенка на свежем воздухе увеличится на полтора-два часа.

Если ребенку мешают уснуть комары, сделайте полог из марли.

Подарок

Мы сидели у порожка
Я, сестра, Щенок и Кошка.
Двадцать пять минут шестого —
В гости к нам зашла корова.
Не задела нас рогами
И присела рядом с нами.
Потеснились мы немножко:
Я, сестра, Щенок и Кошка.

Задала вопрос сестренка:

— Ты куда идешь, Буренка?

— Я сейчас пойду направо.
— Почему пойдешь направо?
— Потому пойду направо,
Там растут густые травы.

Помолчав, спросила Кошка:

— А потом куда пойдешь ты?

— А потом пойду налево.
— Почему пойдешь налево?
— Потому пойду налево,
Там цветет душистый клевер.

И сказал Щенок несмело:

— Что потом ты будешь делать?

— А потом отправлюсь к речке.
— Для чего пойдешь ты к речке?
— Для того пойду я к речке,
Там тенистые местечки.

Тут я тоже вставил слово:

— А потом куда, Корова?
— Я пойду искать доярок.
— Для чего искать доярок?
— Для того искать доярок,
Что готовлю им подарок.

Приходите вечером

Вчетвером за молоком.

Советы доктора Градусника

Что всего полезнее?

Молоко! Молоко! Молоко!

Что содержит в себе необходимые витамины?

Молоко! Молоко! Молоко!

На реке

Березовая роща светлела за рекой.

Ребята сбежали к реке вниз по откосу. Привязанная к колышку, на воде чуть покачивалась зеленая лодка.

Анна Петровна сказала:

— Ребята, я вас перевезу на лодке на другой берег. Но сначала я

должна рассказать вам, как надо вести себя в лодке.

— А что, надо вести себя очень вежливо? — спросила Маша.

— Вежливо надо вести себя всюду, — засмеялась Анна Петровна. — Но в лодке надо вести себя еще и очень осторожно. Входить в лодку надо с носа и обязательно по одному. Идти посередине лодки, немного согнувшись, придерживаясь за борта. И стараться не раскачивать лодку. А когда мы поплывем, ни в коем случае не вставать и не наклоняться всем на один борт. Иначе лодка может перевернуться.

Первой в лодку вошла Таня. Потом — Ваня. Они уселись на корме.

Потом в лодку вошел Коля и сел на скамейку. Он протянул руку и помог Маше войти в лодку и сестру рядом с ним.

— Здравствуй, лодочка! — прошептала Маша. А затем спросила:

— Правильно я вошла в лодку?

— Конечно, правильно, — улыбнулась Анна Петровна.

Она села в лодку и взяла весла. Заскрипели уключины. Лодка поплыла по воде.

Быстро приближался другой берег, березовая роща. Лодка ткнулась носом в песок. Ребята по одному вышли на берег.

— А я и сам умею грести, — сказал Ваня.

— И я умею, — сказала Таня.

— Как бы я хотел научиться, — воскликнул Коля Веснушкин.

— И я, — прошептала Маша.

В тот же момент на носу лодки появился Гантелькин.

— Уважаемая Анна Петровна, — сказал Гантелькин. — Как хорошо, что вы сейчас здесь. Ведь учить ребят гребле надо обязательно с помощью взрослого.

— Я с удовольствием вам помогу, дорогой Гантелькин, — отозвалась Анна Петровна.

Гантелькин учит гребле

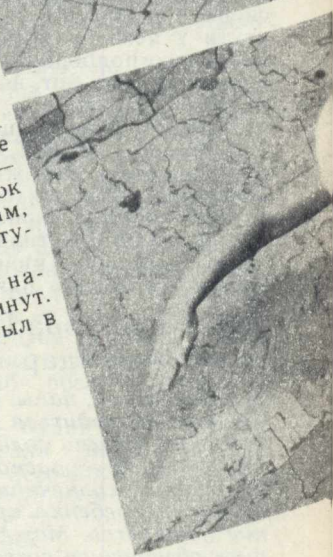
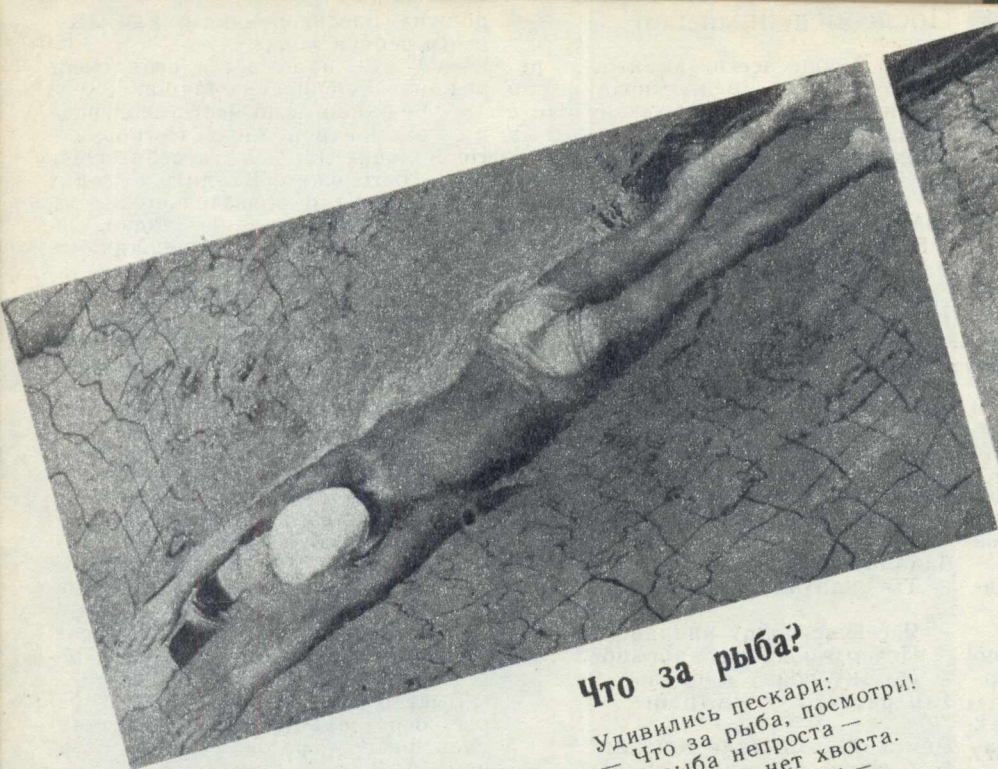
— Коля, сядь на скамейку рядом с бабушкой, возьми весло двумя руками. Другим веслом будет грести Анна Петровна. Коля, ну что ты вцепился в весло! Держи его легче, без напряжения, но так, чтобы оно не выскользнуло из рук. И следи, чтобы ладошки у тебя были сухие. Иначе ты быстро их натрешь.

Ноги согнуты в коленях, ступни крепко упи в перекаладину на дне лодки. Наклонись вперед, еще больше согни колени, весло невысоко пронеси над водой, руки выпрями до конца.

Весло должно входить в воду ребром, не поднимая брызг, на три четверти лопасти.

Теперь сильным, плавным движением подтяни к себе ручку, одновременно откинувшись назад всем корпусом, и проводи лопасть весла под водой.

— Хорошо, Коля, хорошо! Теперь вот что. Анна Петровна, пересядьте, пожалуйста, на корму. Коля, возьми

Что за рыба?

Удивились пескари:
— Что за рыба, посмотри!
Эта рыба не проста —
Совершенно нет хвоста.
У нее не плавники —
Две проворные руки.
Эта рыба — в шапочке,
Надела рыба тапочки.
Вот так рыба в речке нашей!
А зовут ее Наташей.

Советы доктора Градусника: купание

оба весла. Теперь ты будешь грести двумя руками. Следи только, чтобы обе руки двигались одинаково.

— Бр-р-р! Да ты окатил меня с ног до головы водой. Следи, чтобы весла правильно погружались в воду. Молодец! Лодка хорошо идет по прямой.

А сейчас я буду учить тебя поворачивать лодку направо, правое весло подними вверх и гребь только влево, левое весло подними вверх и гребь только правым.

Советы Гантелькина

Дорогие взрослые, ребенок быстро привыкает ко всему новому. Скоро он почувствует себя в лодке спокойно и уверенно. Катаясь в лодке, ребята часто перегибаются через борт, окунают руки в воду, срывают кувшинки, водяные лилии. Позволять им этого не надо. Это может привести к падению в воду.

Уважаемые взрослые, для первого купания выберите теплый день. Перед купанием ребенок должен соблюдать следующие правила: сходь в туалет, не входить в воду разгоряченным, предварительно смочить водой лицо и подмышками. Температура воды должна быть не менее 22 градусов. Когда ребенок плюс 25 градусов. Когда ребенок привыкнет к водным процедурам, он может купаться при температуре воды плюс 20 градусов. Ребенок пяти-шести лет может находиться в воде до 10 минут. Следите, чтобы он все время был в движении и не озяб.

ходимы, чтобы ребенок обучился плаванию, сначала отработайте с ним на берегу.

1. Ребенок заходит в воду примерно по пояс. Оттолкнувшись одновременно обеими ногами, грудью вытянуты вперед. Руки свободно вытянуты вперед. Скользя на поверхности, он снова становится на ноги. (Фото 1).

2. Скольжение на спине. Взрослый кладет руку на поясницу ребенка. Ребенок, оттолкнувшись двумя ногами, ложится на воду. Руки — вдоль пояса. (Фото 2).

3. Скольжение с выдохом в воду. Приучайте ребенка к выдоху в воду. Грудь ребенка без страха погружается в воду и делает уши руками или ватой). Во время скольжения с выдохом в воду голова ребенка находится между вытянутых вперед рук.

Отработка движения ног

1. «Крокодил». На глубине, примерно, 35—50 сантиметров ребенок передвигается переставляя руки по дну. Одновременно он бьет по воде прямыми от бедер ногами с вытянутыми носками: левой, правой, левой, правой. (Фото 3).

2. То же самое он проделывает, держась за надувной круг или плавающую игрушку. (Фото 4).

Отработка движения рук

1. Покажите ребенку в воде, как движутся руки во время плавания стилем кроль. Пусть ребенок поймет и запомнит эти движения.

Руки работают так. Слегка согнутая в локте, правая рука поднимается над водой и погружается в воду против плеча, впереди головы. Пальцы согнуты. Рука совершает гребок, пройдя под водой до бедра. Когда правая рука доходит до вертикального положения под водой, левая рука выносится из воды и совершает такое же гребковое движение.

2. Сначала ребенок должен отработать эти движения, стоя по грудь в воде. (Фото 5).

3. Затем отработать их при скольжении.

4. Взрослый поддерживает ребенка снизу. Ребенок разучивает движения рук и ног одновременно. Ноги должны работать быстрее, чем руки. Движения рук ритмичны, бесперывны. Одна рука как бы все время догоняет другую. (Фото 6).

Через некоторое время ребенка уже не понадобится поддерживать. Он поплывет самостоятельно.

Предварительно осмотрите место купания. Найдите такое место, где дно пологое, ровное, лучше всего песчаное без камней и коряг, неглубокое (по пояс ребенку). Берег и вода не загрязнены.

При купании обязательно должен присутствовать кто-нибудь из взрослых, умеющий плавать.

Гантелькин учит плаванию

Дорогие взрослые! Сначала научите ребенка не бояться воды: пусть он погружается с головой в воду, открывает глаза, делает выдохи в воду. Все упражнения, которые необ-

Дорога

Рассказ

Павел Пронин

И вот шли они к вокзалу, по пустынным сейчас и словно бы совсем незнакомым улицам, и, казалось, слышны на весь город их шаги. И легки были шаги, легок был очистившийся, отфильтрованный ночью от дневной бензиновой мути воздух, и сам Николай Сергеевич чувствовал себя легким, быстрым, совсем молодым. Он ощущал бодрость от этой значительной тишины спящего города, среди которой шли они. И самым значительным в этой тишине было то, что впервые вдвоем идут они, навьюченные рюкзаками и удочками. Ему хотелось сказать сыну, что мало кто видит город вот таким, предутренним. По-настоящему ночной город дано увидеть только рыбакам, охотникам, грибникам, которые в эти часы спешат к вокзалам и пробираются по темным улицам, как по тропам необитаемых островов. Сравнение ночного города с необитаемым островом показалось Николаю Сергеевичу совершенно детским, эдаким майнридовским или что-то в этом роде, и он подумал, что сын должен таким видеть сейчас окружающее. Он оглянулся и испытал разочарование, убедившись, что поступь мальчика не претендует на сходство с бесшумным шагом индейцев, а в выражении лица — совершенно ничего общего с настроенной зоркостью Соколиного Глаза. На Володькином лице — дре-

ма и недовольство человека, которого среди ночи влекут неведомо куда. Подавляя в себе разочарование, отец прибавил шагу.

— Давай, давай, сынок. Не отставай, — хотя опоздать на поезд они никак не могли — вышли из дому с большим запасом времени.

Когда сели в темную электричку, сын тут же уснул, почти невесомо прислонившись к его плечу. Сам Николай Сергеевич не спал, смотрел в окно, в законную стремительно летящую темь, и думал о том, что скоро они приедут и начнется дорога к озеру. Он с нетерпением предвкушал первый свой шаг и каждый следующий. Все, что было вокруг тропы и открывалось с каждым шагом, всегда бесконечно волновало его, радовало знакомой радостью или же радостью неожиданных перемен, чудесных, какие случаются, наверное, только в природе. И даже дома, в городе, если выдавался нервный, буксующий, бесполезный день, после которого невозможно уснуть, то радовала и лечила тропа: лежа с закрытыми глазами, он проходил эту дорогу к озеру, поправлял шалаш, собирал дрова, готовил ужин и, вспоминая эти спокойные, простые дела, незаметно засыпал легко и радостно.

Такая это была его тропа, что каждый раз, испытывая потребность рассказать о ней, он, как, вероятно,

многие люди, жалел, что не рожден художником или писателем. Он даже пробовал брать с собой фотоаппарат, но скоро понял, что фотографии его никого не волнуют. Все дело, видно, в том, что фотографии вообще невозможно передать свое ощущение мира, складывающееся из звуков, запахов, красок и еще многого другого, что носит человек внутри себя. Сейчас, когда поезд шел и шел, приближаясь к тропе, и медленно, тягуче светлело за окном, и рядом спал впервые едущий вместе с ним сын. Николай Сергеевич особенно отчетливо понял это. И еще подумал с досадой, что был в сущности великим эгоистом, раз не пришел ему до сих пор в голову показать все это Володьке. Наверное, задумайся он об этом раньше, он бы повез сына с собой, еще когда тот только начинал ходить, видеть, слышать — впитывать в себя ощущения жизни.

Приехали, когда почти рассвело, и было туманно, и глухо, и росно. Обычно в эти минуты, пока отставалась взбаламученная электричкой тишина, еще без птичьих голосов, но полная неслышного гула жизни — земляной, травной, древесной. Николай Сергеевич медлил, курил один на пустынной платформе. Сейчас же медлить не стал, лишь проверил, как сидит Володькин рюкзакишко, заставил его попрыгать:

— Плечи не тянет? Ноги как? Если что не так, сразу говори, ноги, брат, в нашем деле самое важное, ну все, двинули...

И они пошли. Прошли спящий в тумане поселок и вышли в поле. Там открылась им дорога, твердая, влажная и темная от росы, прямо уводящая в лес. Они вошли в лес, а под ногами зашуршали палые листья, и сияющий лес обступил их. Николай Сергеевич почти физически ощущал эту рассветную тишину живого и жилого леса, ощущал свежесть воздуха и тумана — всем своим существом ощущал он сейчас эту затаившуюся жизнь. Была особая острота сегодня в этом ощущении, и он ясно и определенно понимал почему, — он хотел увидеть и почувствовать окружающее так, как если бы впервые попал сюда, он смотрел на все глазами сына и радовался за него. Ему никак не удавалось разглядеть лица мальчика, лишь светлое пятно и темный силуэт, и звук шагов, и звук дыхания.

— Чувствуешь, лес какой! А тишина, слышишь, а?! — сказал он. — Слышишь?

— Да, папа, — ответил Володька, — слышу. А скоро мы придем? Далеко еще до озера?

— Вот тебе раз! Ты что же, устал уже?

— Ну что ты? Просто мне хотелось знать, сколько идти.

— Что же, тебе не нравится дорога, раз не терпится поскорее прийти? Может, нам лучше вернуться? Имей в виду — идти далеко. А?

— Ну вот еще! — обиделся сын. — Тоже скажешь — вернуться! Идти так идти. Когда-нибудь ведь придем, верно?

— Верно, — согласился Николай Сергеевич, думая с сожалением и даже какой-то обидой, что вот его лес, его дорога, все, что вокруг, не производит на Володьку совершенно никакого впечатления и он думает лишь о трудности дороги, о конечной цели.

А туман, как всегда незаметно, рассеялся. Невидимое за лесом взошло солнце, и засветились купола берез по левой стороне дороги, и озвучилось утро, и четкие пали тени, проявилась зелень листвы, чуть еще матовой от росы, и явственно в ней проглянула позолота. Николай Сергеевич втянул в себя воздух — осень, крепчайший настой сентября. От этого запаха кружится голова. А дальше уже будет не то, запахнет сырой прелью, тленом, сном, зимой.

— Неужели не чувствуешь, запах какой?! — сказал Николай Сергеевич. — А? Слышишь?

Сын старательно пошмыгал носом.

— Насморк у меня, что ли, — смущенно сказал он. — А что? Чем пахнет?

— Да нет у тебя никакого насморка. Ну, чувствуешь?

— Ага, — робко взглянув на него, сказал сын. — Кажется, чувствую.

«Ничего-то ты, кажется, не чувствуешь, — понял Николай Сергеевич, — а запах этот, пожалуй, бывает лишь раз в году, в одно утро — в это самое утро, в этом самом месте. Лес и все, что вокруг, наверное, целый год создают этот запах для этого утра. Ничего ты не чувствуешь».

Но вслух этих слов не сказал. Подходили к лучшему месту на пути к озеру.

Здесь Николай Сергеевич всегда шел настороженно и все равно знал заранее, что будет ошеломлен, и был готов к этому, и заранее радовался. Вот они свернули с дороги, перемахнули через кювет. Среди придорожного мелколесья и высокой сухой травы он легко распознал пока еще скрытую в рыжих папоротниках тропку. Казалось, она уходит в совсем еще сырые и тесные дебри, и птичьих голосов не стало слышно, и даже звук шагов вяз в мшистой ржавой подушке. И лишь глухо гремели ветви по брезенту куртки. Но вот оборвался еловый лес, рассеялся сырой мрак, и сверху, как свежим ветром, повеяло зеленым и золотым светом — дальше легла тропа по высокому и чистому просторному сосновому бору, и вот свернула: слева сосны, как струны, а справа глухо — кусты, и вдруг нет кустов, под ногами обрыв, а там — вода полная осеннего темного стекла, и отчаянная по осени зелень поймы, а дальше поля, большие и выпуклые, как океан, и дальний лес, как дым. Каждый раз на этом месте Николай

Сергеевич сбрасывал рюкзак, долго сидел, смотрел, и не было сил уйти отсюда.

Остановившись сейчас, он стал мешкотно закуривать — а спички никак не хотели зажигаться, отсырели что ли, — и украдкой косился на сына. И вот увидел, как Володькины глаза наполняются изумлением. «Ага, проняло тебя все же, — подумал Николай Сергеевич. — Не могло не пронять — ведь ты мой сын». Это было как мгновенное освобождение от невнятного чувства вины, которой не знаешь названия.

Николай Сергеевич высвободил плечи из лямок рюкзака и наконец раскурил сигарету. Отсюда тропа прослеживалась взглядом до самого дальнего леса: вниз к реке и немного вдоль берега и через шаткие в две доски лавы на ту сторону, — все, как на ладони, и все сейчас вполне принадлежит ему; все его, потому что, кажется, отдано, передано сыну. Только сейчас, впитывая в себя очищающий душу предзимний покой природы, отчетливо, с ясной тревогой он подумал о том, какой громадный и сложный мир надо ему донести до сына — сумеет передать, вложить в душу все, что сам он любит и чем живет, все, что нашел в этом мире прекрасного.

Сын сидел рядом и был тих, и был сейчас близок и понятен, как предстоящий путь к озеру.

«Вот это боксер!» А тренер скажет: «Эге, брат, да ты чемпионом будешь!!!» Но тренер не дал нам перчаток».

Нетрудно догадаться, чем закончилась эта история. Конечно же, скропелый «чемпион», пренебрегший тренерскими, в первом же учебном бою потерпел полное фиаско.

«И я опять на пол сел. А Вовка уже перчатки снимает и говорит:

— Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.

Я говорю:

— Ничего нет смешного. Я сейчас встану...

— Как хочешь,— говорит Вовка,— можешь и не вставать— это вовсе не важно».

Герой рассказа В. Медведева «Фосфорический мальчик» Генка Слонов, чемпион 5-го «А» по шахматам, считает, что единственно верный способ подготовиться к ответственному поединку с мальчишкой из параллельного класса — насытить свой организм фосфором, «потому что самое главное в мысли — фосфор!»

В 5-м «А» был брошен клич: «Все силы на фосфоризацию Слона!» Все имеющиеся в наличии средства были отданы благородной цели. Слонова кормили бутербродами с семгой и рыбными пирогами, ухой и рыбными консервами. 5-й «А» с пристрастием проверял, нафосфорился Слонов или еще нет. Ведь «если он уже действительно нафосфорился, то он должен светиться!» И только когда, наконец, круглое и сытое лицо Слонова действительно вроде бы засветилось, был назначен решающий матч.

Этот рассказ — из книги «Нашего полку прибыло». Здесь собраны также рассказы о спорте Льва Кассиля, Юрия Трофонова, Юрия Казакова, Эдуарда Шима и других известных писателей. Рассказы самой разной тональности. В этом же сборнике — невыдуманные документальные истории о спортивных состязаниях, о всех видах спорта и многих прославленных спортсменах. Авторы — сами спортсмены, спортивные комментаторы и журналисты: Юрий Власов, Николай Озеров и другие. «Спорт — не только большой труд, победа и радость победы. В спорте познают цену дружбы, благородства и мужества», — пишет Ю. Власов в предисловии к сборнику «Нашего полку прибыло».

О мужестве и благородстве — рассказы Б. Раевского «Плитка шоколада» и «Шрам на брови» из книги «Сколько стоит рекорд». Только разговор идет не с младшими, как в предыдущей книге, а с подростками. С одной стороны, Олегу Гореву — претенденту на звание чемпиона мира — выступать в соревнованиях нельзя. Категорически нельзя. После отравления он не в форме. Может осрамить и себя, и свои гордые ти-

тулы. С другой стороны, выступать Гореву необходимо: он единственный советский спортсмен, имеющий все шансы на золотую медаль. И он выходит на лед.

Гореву нелегко, но его самоотверженность, его мужество все оценят — это утешает и поддерживает. А Игорю Грязнову («Шрам на брови») не приходится и надеяться, что его поймут, ведь никто даже не узнает об истинной причине его проигрыша. «Приятно быть благородным на людях, когда все видят, какой ты замечательный. А вот так, в одиночку, все это куда сложнее».

В жизни каждого, а не только спортсмена, бывают минуты, когда судьбе угодно испытать силу человеческого характера. Но в спорте чаще возникает необходимость выбора, моментального принятия решения, ярче проявляется, а в значительной степени даже выковывается характер. К этому выводу приходят многие, кто занимается спортом или знает спортивный мир. Об этом свидетельствуют многочисленные факты спортивной борьбы.

«В 1956 году на последнем этапе Велогонки Мира, за 30 километров до финиша, упал Павел Востряков. Упал так, что на его теле не осталось живого места. Впервые за всю историю этих соревнований советская команда лидировала. Но соперники были близко. Слишком близко. Только своевременный финиш Вострякова мог принести команде победу. Это понимали все, и Востряков тоже. Он поднялся. Сел в седло... Каким образом прошел он эти 30 километров — окровавленный, со сломанным ребром — остается загадкой. Павел финишировал, когда истекла буквально последняя секунда. Но все же успел, пересек финишную черту и... потерял сознание. Три года спустя под Берлином на первом этапе Велогонки Мира разбился Капитонов. И тоже не сошел с трассы...

Я бы мог привести немало таких случаев. И не только с Капитоновым, но и с Анатолием Череповичем, Евгением Клевцовым, Юрием Мелеховым, Алексеем Петровым... Каждый из них был в своем роде рыцарем терпения. Умел «выкладываться» до последнего», — пишет мастер спорта А. Коршунов в очерке «Великий забияка» (сборник «Кавалеры ордена Ленина»).

Конечно, читая книги о спорте, не станешь ни здоровее, ни крепче физически. У книг своя благородная цель — вызвать интерес к спорту, дать массу любопытных сведений, познакомить с людьми, у которых есть чему поучиться. И если юные читатели от книг перейдут к практическому делу — сами увлекутся физкультурой и спортом, — цель будет достигнута.

Г. Румянцева,
старший библиотекарь
Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР

Сколько стоит рекорд

Книги для детей о спорте

Вы слышали когда-нибудь, что спорт — это игра в домино, коллекционирование марок, разведение домашних животных и... рукоделие? Не спешите удивляться и возмущаться. Более ста лет назад, когда слово «спорт» проникло в Россию, оно употреблялось именно в таком значении. Но вернемся к нашему времени.

Везде и всюду твердят, что физкультура и спорт полезны для здоровья. Мы привыкли, что в пример нам ставят А. Суворова, Л. Толстого, И. Павлова. Реже — Луи Пастера. А ведь когда в сорокашестилетнем возрасте ученого разбил паралич, только систематические занятия физкультурой помогли ему справиться с недугом. Более того, он без болезней прожил еще около 30 лет и самые значительные открытия сделал именно в эти годы.

Пример этот взят из книги «Физическая культура в семье» и достаточно красноречив, чтобы убедить взрослого, но вряд ли годен для школьника: для него наши заботы о здоровье — пустой звук. Другое дело, если ребята узнают, что знаменитый Валерий Брумель, когда его спросили, выделялся ли он чем-нибудь среди своих товарищей по школе, ответил: «Да, выделялся, был самым слабым в классе. На спортплощадке стыдился снять майку: ребра пересчитаешь. Посмеивались надо мной ребята. Рассердился я тогда на себя: хуже, что ли, других? Стал делать зарядку, пошел на стадион».

Брумель — герой реальный. А вот герой рассказа В. Голявкина «В любом деле нужно уметь работать» — литературный, но совсем такой, как те многочисленные мальчишки и девчонки, которым кажется, что стать чемпионом — раз плюнуть.

«У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошел записываться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того, как хотел Вовку стукнуть и промахнулся, И кулаком попал в стену. И кусок штукатурки отбил... Я думал, нам сразу наденут перчатки, и мы будем драться друг с другом. Наверняка я всем дам нокаут. И все скажут:

Об удивительных зверях

Всеволод Сысоев. Удивительные звери. Рисунки Геннадия Павлишина. Хабаровское книжное издательство, 1973.

Не так уж много в мире людей, которые сами наблюдают жизнь животных в естественной обстановке и сами рассказывают об этом в увлекательных книгах. К таким людям принадлежит дальневосточный писатель, путешественник и охотовед-биолог Всеволод Петрович Сысоев.

Он обошел все Приамурье и Приморье, пробираясь через тайгу и лазил по сопкам, отлично знает богатую флору и фауну этих мест. Книгу В. П. Сысоева «Удивительные звери» с удовольствием (и, добавим, немалой для себя пользой) прочитают все любители природы во всех уголках нашей страны. Выражаясь более точно, следует сказать не «прочитают», а «прочитали бы», если бы смогли ее достать, потому что издана она, к сожалению, только на Дальнем Востоке.

На последней странице книги В. П. Сысоева написано: «Для среднего и старшего школьного возраста». Это не совсем точная рекомендация. «Удивительные звери» отвечают интересам всех возрастов. Но прежде

чем чем говорить о книге, стоит несколько слов сказать о ее авторе.

Окончив охотоведческий факультет Московского зоотехнического института, В. П. Сысоев еще до Великой Отечественной войны уехал на Дальний Восток, где он с тех пор живет и работает. В. П. Сысоев участвовал в десяти больших экспедициях (кроме того, он каждый год бывает в тайге), был руководителем охотничьего хозяйства Хабаровского края, приложил много сил к восстановлению поголовья соболя и к акклиматизации на Дальнем Востоке американской норки и ондатры, активно выступал за сохранение амурского тигра и других редких и исчезающих видов животных. Огромный труд вложил В. П. Сысоев в расширение и обогащение Хабаровского краеведческого музея, директором которого он состоял в течение более десяти лет. И наконец, литературная работа: статьи, очерки, книги, научные и популярные. Одна из них — «Охота в Хабаровском крае» — неоднократно издавалась у нас, переведена на английский, французский и немецкий языки. Увлекательный роман о приключениях охотоведа «За черным соболем» (написан вместе с В. Клипелем) выходил в Москве и Хабаровске, дважды издавался в Чехословакии. Такие книги В. П. Сысоева, как «По медвежьим следам» и «На тигров», представляют собой ценные первоисточники, на которые ссылаются зоологи.

Но книга, о которой идет речь в нашей рецензии, особенная: она продолжает ту линию в литературе, классическим представителем которой является Э. Сетон-Томпсон. «Удивительные звери» — это сборник повестей, рассказов и очерков, во многих из которых главные герои — животные. Их жизнь, поведение, биологию автор показывает с точностью ученого и яркостью даровитого очеркиста.

Пожалуй, еще до того, как вы начнете читать, вы обратите внимание на оформление. Просто невозможно не заметить великолепных рисунков Геннадия Павлишина. Они создают настроение чего-то сказочного и манящего, ощущение таежных дебрей и лесных тайн. В то же время рисунки достаточно точны в чисто научном плане, и, рассматривая их, вы никогда не спутаете бурого медведя с медведем белогрудым, а изюбра — с пятнистым оленем.

Прочитав книгу, вы узнаете и о судьбе тигрицы Ригмы, и о ловле (руками!) дикого леопарда, и о приключениях соболя; познакомитесь с жизнью многих зверей в лесах Уссурийского края, с тяжелой, нередко опасной работой егерей и охотоведов, с тем, как советские люди оберегают и обогащают природу Дальнего Востока; вы получите представление и о знаменитых охотниках, и о целых династиях звероловов, таких, как Калугины и Трофимовы.

Книга В. П. Сысоева учит любви к природе, сообщает массу интересных сведений. Появление этой книги в то время, когда вопросы бережного отношения к природе поставлены в нашей стране во весь рост, весьма и весьма своевременно.

И. Шишкин

Заповеди метра Ганзелиуса

А. Шаров. Человек-Горошина и Простак. Сказочная повесть. Рисунки Н. Гольц. М., «Советская Россия», 1973.

...Тринадцатилетний мальчик, сирота, скитается в поисках работы и куска хлеба. А поскольку он неопытен, наивен, добр и доверчив, ему угрожают темные силы, воплощенные в образе колдуна Турропуто. Но благодаря тем же качествам — доброте и доверчивости — мальчик-Простак находит себе друзей, и среди них мудрого наставника, гнома величиной в горошину, по имени метр Ганзелиус. Все друзья мальчика тоже необычайно добры, деликатны, совестливы.

Нет нужды доказывать нравствен-

ную ценность этих человеческих качеств — она бесспорна. Даже если бы мальчику и его друзьям была отведена в сказке одна лишь страдательная роль, то и тогда герои были бы полны обаяния и привлекали симпатии читателей. Но автор заставил Простака действовать, наступать. Он возложил на его хрупкие плечи миссию борца и победителя злого колдуна и подчеркнул, что именно симпатичные душевные качества мальчика, из которых главное — доброта, и есть то оружие, перед которым пасует всякое зло.

Колдун в сказке напевает такую песню: «Турропуто все подвластно, для него все в мире ясно: добрый — глупый! Злому — счастье!»

«Добрый — глупый». Сознаемся: мы и в реальной жизни не раз слышали эту формулу. Эта житейская мудрость, которой не гнушаются, а иногда даже руководствуются. Но это — поддельная мудрость, как она справедливо названа в сказке. Настоящая же человеческая мудрость говорит: «Доброта никогда не ведет к глупости». Именно такой уверенностью проникнута сказка о Простаке.

Для мальчика не все в мире понятно. В лунном луче он сначала видит одни пылинки, а не лунных человечков, в капле росы — себя, а не принцессу, и тем сильно огорчает Учителя. И даже научившись этим и другим премудростям, мальчик все еще сомневается, хватит ли у него знаний для борьбы с колдуном, и робеет. Однако то, что колдуна нужно победить, это ему ясно.

Убедительная ли это расстановка сил: доброта в образе робкого «простака» и зло в образе «величайшего и самого злого» колдуна, способного отбрасывать время на сотни лет назад и все превращать в лед и камень? Ведь привычные атрибуты сказочного положительного героя — косая сажен в плечах, громовой голос, находчивость, отвага, воля... По-моему, выбор положительного героя сделан верно. Что с того, что у Простака несколько иные доблести, чем, скажем, у былинного богатыря или у гайдаровского Мальчиша? Так уж задумана эта сказка. Последовательно и до конца злобе противостоит доброта. Агрессивности — миролюбие. Вероломности — честность, порядочность. Значит, Простак и не может быть иным, чем он есть, он настоящий герой.

Сказка по природе своей тяготеет к динамичности, активности сюжета. А попробуй применить к делу такие «абстрактные» категории, как доброта или мудрость! Тут надобен талант.

К сожалению, авторы современных сказок обычно избирают путь наименьшего сопротивления, считая серьезные нравственные идеи... непосильными для юного читателя. И напрасно! Читатель этот так же

чутко к восприятию самых тонких, глубинных движений души героя, как и к восприятию более простых, динамичных и бесспорных явлений.

Что же до Простака, то он, конечно, находит в себе качества, необходимые для борьбы с Турропуто и победы над ним. Даже храбрость. Но главные свои достоинства он оставил при себе, не растерял, а это важнее всего. Правда, трусом-то он по-настоящему и не был. «Трус,— говорит Человек-Горошина,— не тот, кто боится и преодолевает страх, а тот, кто из страха становится лгуном и предателем». Мудрая заповедь.

Много подобных заповедей выказал маленький Учитель. Есть среди них и такая: «Берегись Одинаковых Человечков!» Главы о Городе Одинаковых Человечков — большая удача автора сказки.

— У нас все одинаково — и люди, и дома.

— И это прекрасно. Ведь если бы не все было одинаковым, то появились бы различия.

— И для разных человечков понадобились бы различные мундиры.

— А для разноцветных домов — разные краски.

— А для разных мыслей — разные головы».

В своей публицистической книге «Взрослые и страна детства» А. Шаров написал, что главы об Одинаковых Человечках продиктовала ему ненависть к гимназическому «строеному воспитанию», имеющему целью унифицировать людей, искоренить различия и индивидуальные склонности гимназистов. Иного чувства, чем ненависть, такое воспитание и не заслуживает.

Гнетущее засилье однообразия в умной и поучительной сказке о Простаке отступает при соприкосновении с многоцветным царством красоты и мудрости, любви и бескорыстия — так, как это обыкновенно бывает и в жизни.

А. Лукьянов

Недавно выпущено

Водейко Р. Домашнее задание старшеклассника. Советы специалиста. Минск, Издательство БГУ имени Ленина, 1974. 40 страниц.

Многие старшеклассники считают, что научная организация труда относится лишь к труду рабочего, ученого, а для школьника важно одно — побольше заниматься. Так ли это? Автор знакомит подростков с такой организацией учебного труда дома, которая позволит понимать и прочнее усваивать учебный материал.

Горький М. О молодежи. Сборник. Составитель и автор вступительной статьи В. Д. Пелет М., «Молодая гвардия», 1974. 352 страницы с иллюстрациями.

Подобный сборник не переиздавался у нас уже много лет. Кроме того, по сравнению с предшествующими изданиями он пополнен статьями, письмами, выступлениями М. Горького, которые стали известны лишь в последние годы. В сборнике три раздела: Под гнетом царизма и капитала. — Советской молодежи. — Начинающим авторам.

Дмитриев Ю. Необыкновенный охотник. Брем. М., «Молодая гвардия», 1974. 160 страниц с иллюстрациями.

Немецкий ученый и путешественник, автор замечательных книг о животных, Альфред Брем был не обычным охотником, хотя с детства занимался охотой и прекрасно умел делать чучела животных. Главным для него было изучение и охрана животных. Он обладал изумительным даром приручать их, а с теми, кто стремился спекулировать на животных, мучил их, вел постоянную борьбу. Об этой стороне его жизни и рассказано в книге.

Леонидова Б. «Пришел из школы...» О взаимоотношениях семьи и школы. М., «Знание», 1974. 96 страниц.

Ребенок не просто пришел из школы, он принес частицу ее домой. И от того, насколько правильно будут реагировать родители на его школьные заботы, во многом зависит успех воспитания в целом.

На основе опыта ряда семей и своего собственного автор исследует, как относятся родители к делам своего школьника — от первых огорчений первоклассника до сложных проблем старшеклассника.

Мельникова Э. Почему они совершают преступления? Преступность молодежи и подростков в капиталистическом обществе. М., «Молодая гвардия», 1974. 128 страниц.

Преступность молодежи и подростков в капиталистических странах за последние годы приобретает все более опасные формы, причем резко возрастает количество преступлений, совершаемых подростками в возрасте до пятнадцати лет. В чем причины этого страшного социального явления? Об этом рассказывает доктор юридических наук.

Мариковский П. Маленькие труженики пустыни. Алма-Ата, Издательство «Наука» Казахской ССР, 1974. 158 страниц с иллюстрациями.

Книга того же автора «Маленькие труженики леса», посвященная жизни лесных муравьев, получила недавно первую премию на конкурсе Всесоюзного общества «Знание».

В новой книге рассказано об уди-

вительных особенностях жизни муравьев, населяющих пустыню на юго-востоке Казахстана: их обитает там около шестидесяти видов.

Многие таинственные случаи поведения этих муравьев до сих пор не разгаданы учеными.

Поварнин С. Как читать книги. Издание 2-е. М., «Книга», 1974. 80 страниц.

Эта брошюра — одно из первых руководств по методике чтения — была впервые издана еще в 1924 году. Но во многом она не потеряла своей ценности и теперь и может быть полезна старшеклассникам да и некоторым взрослым.

Скаткин М. О школе будущего. М., «Знание», 1974. 64 страницы.

Можно ли предвидеть, каким будет учебно-воспитательный процесс в общеобразовательной школе через 20—30 лет?

Автор, член-корреспондент АПН СССР, рассказывает, как прогнозируется развитие школы в нашей стране. Подробно он останавливается на требованиях к школе будущего, вытекающих из общих тенденций общественного развития.

Шакиров А. Тайна древнего бальзама мумиё-асиль. Ташкент, издательство «Фан», 1973. 31 страница с иллюстрациями.

Мумиё — природное лечебное средство, добываемое в горах, известно в восточной медицине много веков. О его лечебной силе, о клиническом исследовании его действия при лечении переломов и ран рассказывает доктор медицинских наук, один из инициаторов применения мумиё в научной медицине.

Брошюра рассчитана на широкие круги читателей.

Шапошников Ю. Учись плавать. М., ДОСААФ, 1974. 32 страницы с иллюстрациями.

Десять заданий по начальному обучению плаванию, каждое из которых включает комплекс упражнений в воде и на суше, предлагается освоить детям под руководством взрослых. Автор рекомендует учить плавать с четырех — пяти лет, причем, не дожидаясь теплых дней, начинать подготовительные упражнения в ванне.

Шеметов А. Прорыв. Повесть об Александре Радищеве. М., Политиздат, 1974. 398 страниц с иллюстрациями.

Эта книга посвящена недолгому (всего несколько месяцев!), но очень трагическому периоду жизни первого русского революционера А. Н. Радищева: ожидание ареста за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», сам арест в 1790 году и смертный приговор, замененный затем ссылкой в Сибирь.

«Самореализация» личности?

За последнее время в педагогике США особую популярность приобрела концепция «самореализации» личности. Суть этой концепции в том, чтобы обеспечить условия для максимальной реализации потенциальных сил, заложенных в ребенке от рождения. Современные американские педагоги, психологи, социологи исходят из того, что человек рождается с уже готовым, сложившимся аппаратом внутреннего «я», включающим вместе с биологическими потребностями такие личные качества, как способности и талант. Воспитание, по их мнению, является процессом, обусловленным врожденной природой человека.

Самореализация предполагает выявление и развитие скрытых способностей и потенциальных возможностей.

При таком понимании задач обучения педагогическая техника учителя направляется на изучение внутренней природы ребенка, на выявление того, что уже заложено в нем.

Обучение при этом рассматривается как сугубо индивидуальный процесс, содержание учебного материала определяется учеником. Последовательность «самореализации» возводит в абсолют интересы ребенка, его желания. Они выступают против заранее составленных программ, против изложения материала в логической последовательности и даже против предметов. Взамен предлагается работа по темам, интересующим тех или иных учащихся. Учителю рекомендуется помочь каждому ребенку наметить свою индивидуальную цель, которая должна быть «точной и реалистической и находиться в пределах способностей ребенка».

Совершенно очевидно, что концепция «самореализации» ограничивает возможности человека врожденными данными, отрицает роль педагога, воспитателя, дает учащимся отрывочные знания вместо систематического изучения цикла предметов. Если следовать этой концепции, дети лишаются возможности получить полноценное образование.

«Народное образование», № 4, 1974

Превосходство женщины

Так называется недавно опубликованная книга современного антрополога Э. Монтегю. Ученый утверждает, что женщина превосходит мужчину по своей биологической природе. В книге приводятся любопытные факты. Например, женщины живут дольше, болеют меньше мужчин.

Моральный уровень мужчин, по утверждению Монтегю, также значительно ниже, чем у женщин: 98,5 процента всех преступлений, караемых тюремным заключением, приходится на мужчин.

Мало этого — женщины не только порядочнее, но и умнее мужчин: у них крупнее мозг и больше мозговых извилин. Обследование в США показало, что коэффициент интеллектуальности в среднем у женщин выше.

Вот и разберись, что же такое женщины — слабый пол или лучшая половина?

«Химия и жизнь», № 3, 1974

Как воспитать щенка

В семье появился щенок. Он приносит много радости, особенно детям. Но совершенно необходимо воспитание щенка, его обучение. Невоспитанная собака доставляет хозяину массу неприятностей: вырывается, убегает, гоняется за домашними животными, лает без причины.

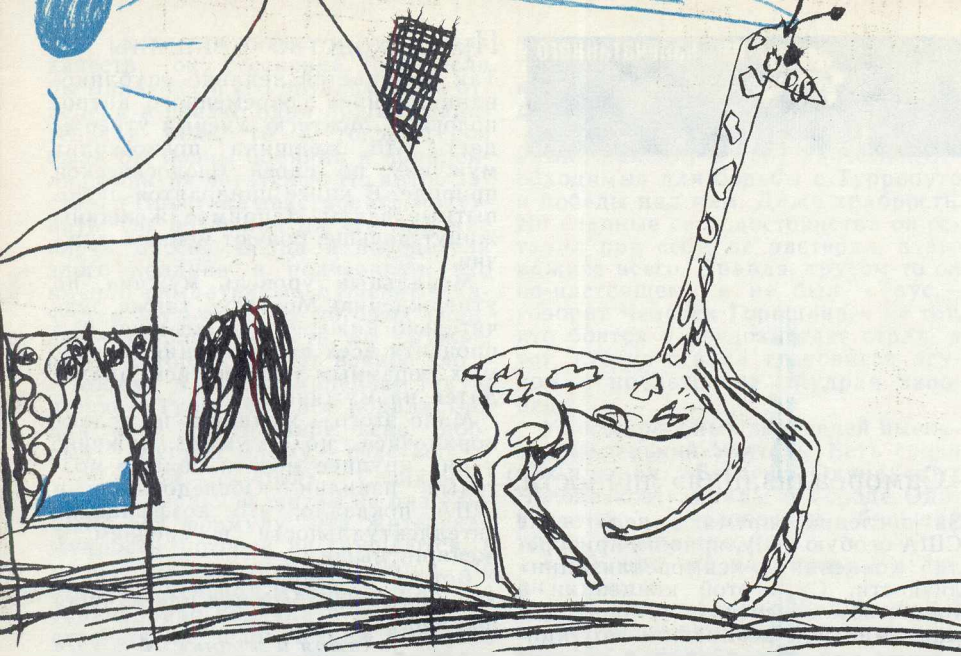
Воспитание щенка начинается с изучения его характера. Важно, чтобы воспитывал щенка один человек. Обучение щенка нужно начинать с двух-трехмесячного возраста. Последовательность обучения: приучение к месту и чистоплотности; выполнение команд «нельзя», «взять», «ко мне», «рядом», «сидеть», «лежать» и т. д. Команды произносятся с соответствующей интонацией, выполнение их обязательно для щенка. Для этого команду надо повторять 2—4 раза в день, повторяя ее на следующий день, прежде чем перейти к дальнейшему обучению. К чистоплотности щенка приучить очень легко: надо только вовремя выносить его во двор и сажать в ящик с песком или опилками, он вскоре будет проситься сам.

У щенка должна быть резиновая игрушка, тогда меньше пострадает обувь от его зубов. К тому же ее можно использовать для обучения командам «ко мне», «дать», «взять». Нельзя отнимать игрушку и злить щенка. Необходимо поощрять его за выполненную работу лаской и любимыми угощениями.

Одна из наиболее трудных команд — «рядом». Здесь возможно применение специального ошейника и хлыстика.

Собака не должна быть злобной, но излишняя доверчивость тоже вредна. Необходимо научить щенка отзываться только на зов хозяина.

«Охота и охотничье хозяйство», № 4, 1974

На бумаге — город

Однажды в Ярославле около стен Спасского монастыря я увидел малышей из детсада с очень молодой руководительницей. Заметив, что дети слушают ее раскрыв рты, подошел поближе. Запомнил захватывающий рассказ о подвалах, подземных ходах под монастырем, о сражениях, которые вели храбрые ярославцы с татарами и другими захватчиками, рассказ подробный, потому что даже показывалось, как стреляли, откуда, каким оружием. Я обратил внимание, что руководительница не задумываясь, употребляла слова, которые, как я считал, могут показаться детям совершенно непонятными: карниз, своды, арки... На мой вопрос, который я задал, когда вместе с детьми возвращался домой, мне ответили, что они не первый раз здесь гуляют и не первый раз слышат рассказ, им все показывали — арки, сводчатые потолки, карнизы, наличники, и они уже рисовали кремлевские стены, и башни, и собор. Можете посмотреть и убедиться...

Да, это были замечательные рисунки — для меня же в некотором роде наглядный урок, убеждающий, что памятники архитектуры могут оказывать очень сильное эмоциональное воздействие на детей дошкольного возраста. Фантазия, разбуженная рассказами руководительницы, подсказывала детям неожиданные ракурсы, смелое цветовое решение. Я понял, что теперь знаю о Спасском монастыре значительно больше, чем раньше, могу посмотреть на него другими глазами.

И еще одно: детям шести-семи лет не только доступны понятия о простейших архитектурных элементах, они свободно владеют ими. Свободно не в том смысле, что умеют нарисовать здание с колоннами, разукрашенными наличниками или башню с бойницами совсем так, как

нарисовал бы взрослый. Они нарисуют по-своему, неправильно, но в их архитектурных фантазиях есть смысл, свое понятие, в которое надо уметь вникнуть.

Вы, наверное, не раз замечали перед замечательными созданиями архитекторов прошлых веков подростков или молодых людей, вооруженных этюдниками, карандашами, красками, работающих старательно и самозабвенно. Как правило, это будущие художники — студенты художественных училищ. Любителя, рисующего просто так, для удовольствия, всегда можно узнать. И альбомчик у него маленький, и рисует он застенчиво, как-то весь съежившись, а если кто заглянет через плечо, быстро захлопнет альбомчик и удалится. Как ни странно, таких любителей я встречал немного. А вот желающих сфотографировать памятники старины или сфотографироваться на фоне их — всегда много и среди школьников, и среди взрослых. Я ничего не имею против фотографии. Через месяцы и годы она дает возможность увидеть то,

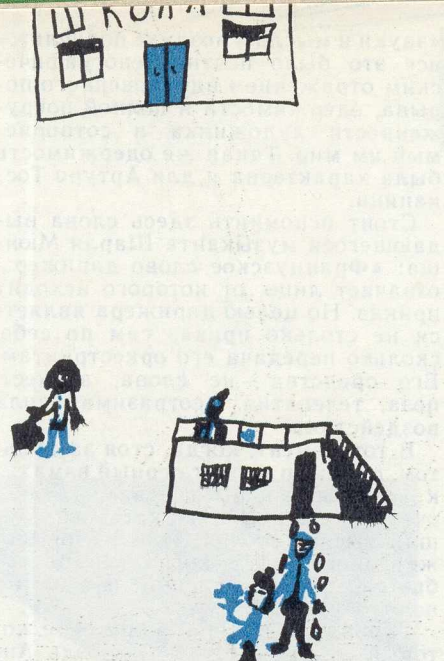
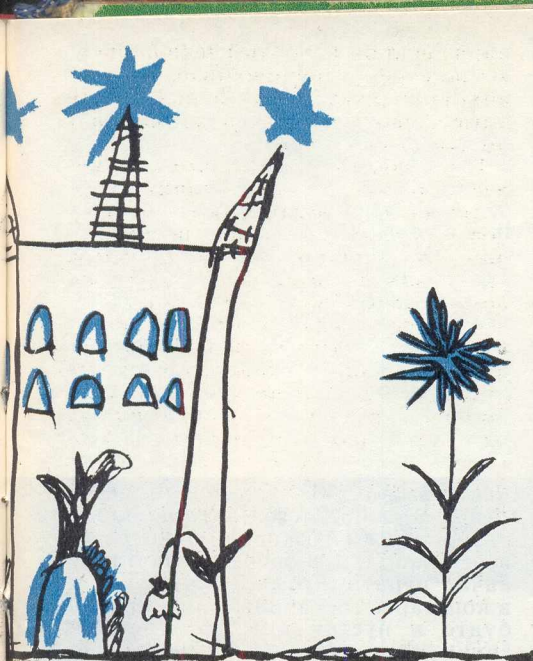
что стерлось из памяти, а может быть, и не было замечено сначала.

И все же хотелось обратить внимание и педагогов и родителей, совершающих прогулки и поездки с детьми к памятникам архитектуры (а поездки эти входят в наш быт все прочнее и прочнее), на необходимость, важность не фотографирования, а именно рисования памятников. Пусть это рисование длится не долго — двадцать минут, полчаса, час с перерывами, пусть оно будет неумелым, неловким, пусть ваш сын, или дочь, или ученик захлопнут альбомчик и скажут: «У меня ничего не получилось», — знайте, уже свершилось нечто значительное.

В течение двадцати минут они вглядывались в линии, очертания, формы, замечали переходы одной линии в другую, удивлялись, что вот нет никакой симметрии (это характерно для памятников XIV—XV веков), а в целом возникает впечатление гармонии, восторгались, потому что начинали чувствовать музыку форм, начинали проникаться сущностью самой красоты.

Да, именно рисование дает возможность внимательного всматривания, рассматривания, а это именно тот процесс, тот акт, без которого невозможно постижение прекрасного.

Во время такого любительского рисования возникает интерес к архитектуре, возникает желание узнать, как называется та или иная часть здания, что такое портик, фронтон, капитель, пилястры, чем отличается классический стиль от стиля барокко или стиля «модерн», возникает желание по внешнему виду здания определить, в каком веке оно построено. Это те знания, которые необходимы не только для будущего художника или архитектора, они необходимы каждому

культурному человеку независимо от его профессии.

Я не говорю здесь о том, как должно быть поставлено рисование архитектурных памятников на уроках в школе, как много оно дает при изучении законов перспективы, законов композиции. Это очевидно, это записано во всех программах. Мне хотелось бы обратить внимание на то, как важно разбудить в ребенке любовь к родному городу. Очень часто мы не подозреваем об этой любви, не даем ей проявиться. У одной руководительницы кружка рисования была ученица, от которой ей хотелось освободиться: представлялось, что у девочки, не было не только никаких способностей, но даже и никакого интереса к занятиям. Но вот была задана тема «Наш город ночью». И что же — оказалось, что именно рисунок Светы (так звали «неспособную» девочку) был самым интересным. Окуда взялась эта смелость цветовых и композиционных решений, эта свобода обращения с красками! Во время следующих занятий рисование городских улиц и перспектив старинных домов всегда волновало Свету, она стала одной из лучших учениц.

Мне могут возразить, что склонности у детей разные — одни любят рисовать животных, другие — цветы, пейзажи, придумывают военные и бытовые сюжеты. Да, это так. Но все же изображение памятников архитектуры и картин современного города — это один из самых важных видов творческой работы. Возможность приобщения детей к истории родного города, родного края, любовь к нему, которая пробуждается благодаря рисованию, придают этому занятию особое значение, особый интерес.

А. Михайлов,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

рисуют дети

«звук и мысль в воздухе повисли», — все это было почти стенографическим отражением вдохновенного порыва, одержимости и полной погруженности художника в сотворяемый им мир. Такая же одержимость была характерна и для Артуро Тосканини.

Стоит вспомнить здесь слова выдающегося музыканта Шарля Мюнша: «Французское слово дирижер... означает лицо, от которого исходит приказ. Но целью дирижера является не столько приказ сам по себе, сколько передача его оркестрантам. Его средства — не слова, а жест, поза, телепатия, неотразимая сила воздействия».

В тот момент, когда, стоя за пультом, дирижер делает первый взмах..., к нему обращены все взоры; он — очаг, к теплу и свету которого пришли тысячи людей. И жить он может лишь тогда, когда сердце его бьется, душа трепещет и чувства поют».

Скрипач, игравший в оркестре, который вы слушаете, — Самюэль Антек, долгие годы работавший с Тосканини, вспоминал: «Самым удивительным на необыкновенно красивом лице были глаза, в которых таилось странное, загадочное выражение. Тосканини, хотя и очень близорукий, никогда не надевал очки, стоя за пультом. Если ему приходилось заглянуть в партитуру, он подносил ее вплотную к лицу, будто обоняя, или низко склонялся к нотам. Но хотя его зрение, судя по всему, было очень слабым, он с легкостью замечал малейшее движение смычком у контрабасиста на расстоянии тридцати футов или движение скрипача в последних рядах. Само выражение его лица близко напоминало выражение слепого: во взгляде было что-то отсутствующее, глаза устремлены куда-то в пространство. Сжатые зубы, напряженность мускулов лица и шеи, пунцовый цвет кожи и выступившие капли пота да широко открытые, куда-то уставившиеся глаза свидетельствовали о полной, страстной увлеченности».

Какова же в таком случае была ответная реакция музыкантов? Художественный результат вы слышите в записи. А кроме этого?

Говорит фаготист Гуго Бургхаузер из венского филармонического оркестра.

«Представьте себе, что дирижер делает ошибку, когда дирижирует, скажем, вариациями, и перескакивает со второй — на четвертую, что может, естественно, случиться. И когда он подает знак для четвертой вариации, то возможно, что из ста музыкантов примерно десять — двадцать начнут вместе с ним. Однажды в Будапеште Тосканини дирижировал «Картинками с выставки» Мусоргского — Равеля. Случилось так, что он начал вместо «Тюильри» — «Быдло». Я сказал «начал», подразумевая — подал знак

для «Быдло». И произошло нечто феноменальное, чего никто из нас и, наверное, сам Тосканини никогда не испытывали: ни один музыкант не начал играть. Это было жутко, как в кошмаре: Тосканини дирижировал будто в пустом пространстве — ни звука не раздалось! Какую-то долю секунды он был ошеломлен, лицо его окаменело: что такое — никто не играет? Но уже в следующую долю секунды он сообразил, что вместо «Тюильри» дал вступление к «Быдло», резко отличающееся по динамическому характеру. Еле заметным кивком он дал верный знак для начала вариации «Тюильри», и оркестр дружно, словно ничего не случилось, стал играть. Позднее Тосканини сказал: «Это наивысший комплимент, каким может вознаградить меня оркестр: я делаю ошибку, и оркестр сразу понимает, что я ошибся». Почему? Потому что его жест — сообщающий и дирижирующий — столь безошибочен, что вы не можете принять его за нечто иное, и вы говорите: «Сожалеем, он ошибся; я не играю». Но когда сто человек сразу устанавливают такой непосредственный духовный контакт — этого не произошло ни с одним дирижером за все полвека моей работы».

Мы ощущаем удивительную универсальность охвата, глубину проникновения в характер музыки, пока спирали нашей пластинки ведут нас от Мусоргского к Чайковскому, к елочным игрушкам и серебристому дождю «Шелкунчика».

Есть у радиоработников во всем мире, у режиссеров, операторов профессиональное словечко — «смотки». Так называется вся та магнитофонная пленка, которая уже не нужна. Недавно мне пришлось услышать такие смотки на грампластинке, где были помещены куски из рабочих репетиций Тосканини. Теперь стало возможным услышать и спокойные мгновения долгого труда, и секунды знаменитой тосканиниевской «ярости»: «И вы играете в этом оркестре? В деревенской харчевне ваше место! Вы не слушаете, что играют остальные. Ваш нос в нотах и — шрумп, шрумп! Ничего не слы-

«Пусть я ошибусь...»

Из серии «Выдающиеся дирижеры». Артуро Тосканини. Мусоргский, «Картинки с выставки»; Чайковский, «Шелкунчик», фрагменты из балета.

На приобретенной вами пластинке стоит: Тосканини... Имя это в музыкальном искусстве нашего столетия находится в самом, самом первом ряду. Прежде всего — в силу своей трудно постижимой универсальности.

Этому итальянскому музыканту, родившемуся в Парме в 1867 году и прожившему около девяноста лет, был подвластен, по-видимому, весь непрерывно расширяющийся океан инструментальной и оперной музыки. От Моцарта до Дебюсси, от высокочтимого им Верди, с которым, по словам дирижера, он имел честь «трижды говорить», — до Мусоргского и Чайковского, к которым он испытывал сильнейшую привязанность «издалека».

Лишь только вы опустите мембрану проигрывателя и труба зазовет первые такты «Прогулки» из «Картинок» Мусоргского, вас сразу же охватит впечатление редкостного оркестрового полнозвучия и полногласия. Вам легко вообразить, будто Тосканини ведет вас не по партитуре «Картинок», переложенных для оркестра Морисом Равелем, а по высоким залам петербургской Академии художеств, где ровно сто лет назад были выставлены работы художника и архитектора Гартмана, вдохновившие Мусоргского...

Пожалуй, в дирижерском мире дар перевоплощения еще более редок, нежели на сцене театра. Ибо музыка — заповеднейшая область человеческого духа. Но Тосканини был наделен этим даром. Можно было бы так за тактом проследить, сколь верно он почувствовал древнерусскую роспись каждой из прогулок. Вот торжественная сила «Богатырских врат». Вот со свистом и грохотом мчится Баба Яга по темному сказочному лесу. И кажется, будто воображаемый нами жест дирижера зловещ, как взмах помела.

Когда Мусоргский во время работы над «Картинками» говорил, что в нем самом «Гартман кипит, как кипел «Борис», что рядом с ним

шите! Вы заглушаете соло гобоя! Один бедный гобой — один! — а вы — шрумп! шрумп! Где ваши уши? Посмотрите на меня! Контрабасы! Тутти, тутти! Позор!»

И все же он, следивший за соблюдением мельчайших темповых переменов или едва заметных неискрушенному уху нюансов, все-таки меньше всего был рабом великих партитур. Для этого он сам был, по-видимому, слишком грандиозной фигурой. Как-то однажды Тосканини не посчитался с шумановскими пометками, изменил темп. В ответ на упреки одного из дирижеров Тосканини сказал ему: «Лучше пусть я ошибусь, будучи по сути ближе к Шуману, чем буду прав, ближе к вам!»

И вот тосканиниевская запись Чайковского. Вы слышите, по-видимому, уже «Вальс цветов» из «Щелкунчика». Самый конец пластинки. Покружитесь мысленно в пленительной, столь хорошо вам знакомой мелодии. Вот и заключительные такты. Но погодите... Тосканини повторил 350-й и 351-й такты и сверх того еще добавил к оригиналу Чайковского два заключительных аккорда... Будто он хотел чуть-чуть продлить наслаждение сверкающим торжеством знаменитого «Вальса».

Итак «лучше пусть я ошибусь»? Послушайте пластинку...

А. Гальперин

Очень разные

Иногда после работы я захожу в магазин и, стоя в сторонке, наблюдаю за продажей грампластинок. Естественно, меня в основном интересуют пластинки для детей. Я смотрю, кто покупает пластинки и какие. Полного социологического портрета покупателя детской грампластинки у меня, разумеется, быть не может, но это и неважно. Важно то, что я вижу: детские грампластинки покупают люди самых различных возрастов и профессий. И это понятно: наряду с детскими радио- и телепередачами, детская грампластинка собирает все большую аудиторию в наших домах и школах.

Недавно детская редакция Всесоюзной студии грамзаписи фирмы «Мелодия» завершила очень большую и ответственную работу. Это — «Повести Белкина» А. С. Пушкина. Выпущен комплект из пяти пластинок. Все пять повестей: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка» — специально инсценированы для грампластинок и записаны у нас в студии. В этом спектакле или, вернее, спектаклях, заняты Михаил Царев, Василий Орлов, Армен Джигарханян и другие видные актеры. Авторы инсценировок и режиссеры — Виктор Моноков и Валерий Михайловский. Звукорежиссер Людмила Белова, редактор Майя Бутырская.

Вероятно, многие школы заинтересуются этим изданием. Да и дома неплохо иметь инсценированные «Повести Белкина». Тем более, что покупать их можно и комплектом, и отдельными пластинками.

Рядом с солидным комплектом на прилавке стоит скромная «Серая Шейка». Трогательная история, которую много-много лет назад поведал нам Дмитрий Мамин-Сибиряк, взволнует еще не одно подрастающее поколение. Новый звуковой вариант этой сказки, неоднократно издававшейся и много раз звучавшей в детских радиопередачах, надемся, все же привлечет нашего слушателя.

Поэтесса Новелла Матвеева написала слова и мелодии песен к новой инсценировке:

«Мне бы не сидеть,
Мне бы улететь
К югу,
Где привольно и тепло.
Только невозможно,
К сожаленью, улететь,
Если переломано крыло».

А вот песенка из нашей пластинки «Большая мечта маленького Ослика»:

«Мечтает слон и бегемот,
И муравей, и кашалот,
Мечтают все на свете:
И взрослые, и дети».

Да, и у осликов бывают мечты, причем очень даже большие! Например, наш Ослик мечтал стать бабочкой. Правда, нельзя сказать, что мечта его полностью осуществилась, хотя писательница Татьяна Макарова и композитор Игорь Якушенко очень старались ему помочь. Но на минутку стать бабочкой, то есть представить себе, что ты — бабочка, даже ослик может. Думается, что эта «приключенческая» история будет интересна даже таким солидным людям, как первоклассники.

А вот на ярком конверте другой пластинки еще один ослик. Правда, во-первых, он уже не ослик, а Осел, во-вторых, он не один, а со своей неразлучной компанией — Псом, Котом и Петухом, и, в-третьих, он уже очень хорошо знаком и детям и взрослым. «По следам бременских музыкантов» — так называется наша следующая новинка. Первая пластинка из этой серии — «Бременские музыканты» — в свое время произвела фурор. Песни из этой пластинки можно было услышать всюду. И вот на прилавках магазинов появилась вторая серия истории про глупого короля, прекрасную принцессу и веселых бродячих артистов.

Вторая пластинка несколько отличается от первой. Наши друзья бродячие артисты повзрослели и еще более... осовременились. Теперь они даже самую простую песенку — «Баю-баюшки-баю» — поют «на иностранный манер». И это не случайно. Ведь «По следам бременских музыкантов» можно назвать своеобразной пародией на простодушное увлечение некоторых подростков сверхсовременными шлягерами, прическами, одеждами.

В новой пластинке роли Трубадура, Сыщика и Атаманши исполняет Муслим Магомаев, а глупого короля и одного из разбойников — композитор Геннадий Гладков, написавший музыку к обеим пластинкам. Рядом с осликами разместились еще одни неразлучные друзья — Ежик и Медвежонок. На пластинку они пришли из книжки Сергея Козлова «Осенние сказки». Пластинка так и называется.

Осень всегда навевает грусть: прошло щедрое лето с его жарким солнцем и прекрасными плодами. Воздух стал прозрачнее, лес начал оголяться. Зато земля необыкновенно красива в своем мягком наряде из желтых листьев. Обитатели леса тоже погрузнели. Прошла пора их веселых игр. Теперь в лесу стало тише. И Ежик и Медвежонок тихими голосами рассказывают друг другу сказки о том, «Как поймать облако» и «Как Ослику приснился страшный сон».

«Осенние сказки», слегка минорные и одновременно бодрящие, как осенний воздух, прочли для ребят актер Московского театра имени Евг. Вахтангова Олег Форостенко и актер МХАТа Всеволод Абдулов. Голос Всеволода Абдулова довольно часто звучит и в детских радиопередачах, и на наших пластинках. Диапазон этого актера очень широк. Он с успехом справляется с самыми различными ролями — от Щенка, который был... мамой (в пластинке «Как Щенок был мамой») и Таза (в пластинке «Зоопарк в квартире») до сложной психологической роли в пластинке «Механик Салерно» по одноименному рассказу Бориса Житкова.

Рассказы замечательного писателя Бориса Житкова обладают притягательной силой для юных читателей. Море в творчестве Бориса Житкова занимает особое место. Один из самых драматичных рассказов его о море мы записали на пластинку.

...На океанском лайнере вспыхивает пожар. Горит в трюме. Пассажиры пока ничего не знают. Они радуются хорошей погоде и развлекаются в салоне. Ближайший порт — в семи днях хода, а до катастрофы осталось три дня. Что происходит на пароходе в течение этих трех страшных дней — об этом рассказ Б. Житкова и теперь наша пластинка.

...Собранность и железная воля, мгновенное принятие решений, ответственность за судьбу пассажиров, команды и корабля, которую он не перекладывает ни на чьи плечи, — таков капитан (его играет Михаил Ульянов). Страх перед случившимся, раскаяние, муки совести испытывает механик Салерно — ведь это по его вине вспыхнул пожар (его роль исполняет Евгений Евстигнеев). И, наконец, легкомысленный, совсем еще молодой третий штурман Гропани. Ему одному из первых капитан открывает страшную тайну и приказывает развлекать пассажиров: петь, плясать, баллагурить, ходить на голове — делать что угодно! — лишь бы пассажиры ни о чем не догадались. Паника страшнее огня. И Всеволод Абдулов — Гропани прекрасно справляется с заданием. Он весел как никогда, его песни и смех слышны всюду, его шуткам нет конца. И только когда на минуту он остается один, мысли о том, сколько еще часов им удастся продержаться, овладевают им. Впрочем, задумываться некогда, нужно развлекать пассажиров. Это теперь его вахта...

Детские грампластины... Они очень разные: от веселой пластинки «Песенки улыбаются» Владимира Шаинского до «Повестей Белкина». От «больших проблем» маленьких осликов до серьезного разговора с юношеством о жизненном выборе. Однако их всех объединяет одно: детские грампластины никогда не бывают чисто развлекательными. Не прямо, порой почти незаметно они воспитывают ребят, обогащают их душевный мир.

Яркие красочные конверты детских грампластинок украшают полки магазинов. Мы надеемся, что сами пластинки украшают жизнь наших детей.

Евгения Лозинская,
редактор
Всесоюзной студии грамзаписи
«Мелодия»

Сказка про кукушку, про часы и про часовщика

Давным-давно где-то очень далеко вырос густой дремучий лес. В лесу было множество птиц, но больше всего там было кукушек. А неподалеку от леса жил часовщик, который умел делать превосходные и притом самые разные часы.

Правду сказать, он ничего, кроме часов, не видел и не слышал.

Не слышал, как шумели деревья в лесу, как куковали кукушки. Он целыми днями во время работы любовался своими часами, часовыми стрелками и пружинками, прислушивался к тому, как отмеряется время: тик-так, тик-так, тик-так...

Так он жил и ничем, кроме своей работы, не интересовался. Поэтому он прекрасно знал повадки всех своих часов, но совсем не знал повадок своих соседей кукушек и даже не знал, как выглядят кукушки.

И вот однажды через открытое окно в комнату, в которой было множество часов, влетела кукушка. Часовщик вежливо поклонился ей и сказал:

— Здравствуй, ласточка.

— А я не ласточка, я — куку... — прокуковала кукушка.

— Куку, что! — удивился часовщик.

— Я — кукушка, — закуковала она в ответ и принялась рассматривать часовые стрелки.

— Сейчас четыре часа, — подсказал часовщик. Он решил, что кукушка прилетела к нему, чтобы узнать время.

— Куку-куку, — закуковала она.

— Не куку-куку, — поправил ее часовщик. — Надо так: «Куку-ку-ку-куку-куку». Четыре часа, че-

тыре раза, понимаешь?

Но кукушка заявила, что ее совсем не интересует, который теперь час, четвертый или пятый, и принялась летать по комнате, заглядывая во все уголки. Она разглядывала все с любопытством, осматривала все часы и спереди и сзади.

Часовщик никак не мог понять, что ей, собственно, надо. Она куковала, куковала и, по-видимому, что-то искала.

И вдруг она неожиданно усеялась на голову часовщика, села прямо на его красивую шерстяную, похожую на гнездо, шапочку, которую он постоянно носил, чтобы не зябла его лысина. И сразу она снесла яйцо, а потом улетела.

— Кукушка! — крикнул часовщик, хватаясь за голову. — Поймай, ты потеряла яйцо!

— Куку-куку! Куку! — прокуковала откуда-то уже из леса кукушка. — Я не потеряла его, а подкинула, потому что кукушки всегда подкидывают кому-нибудь свои яйца.

Вот и остался часовщик с яйцом. Разумеется, он обращался с этим яйцом очень бережно, как и полагается. Что ему оставалось делать? Он вынул яйцо из шапки и очень-очень осторожно положил в маленький шкафчик, который он сделал для стальных часов. Дверцы шкафчика он закрыл, чтобы яйцо могло лежать там без всякой помехи.

А так как повадки яиц часовщику не были знакомы, то он очень удивился, когда однажды, ровно в час дня, в шкафчике стальных часов что-то заскреб-

лось, дверцы отворились и с громким кукованием оттуда вылетела маленькая птичка.

— Куку-куку-куку, — прокуковала она двенадцать раз. — Я вылупилась из яйца, хочу жить в твоих часах и буду куковать столько раз, сколько ты мне прикажешь.

— Если так, — сказал часовщик, — тогда, пожалуйста, запомни, что в час дня нельзя куковать двенадцать раз, достаточно одного раза. А двенадцать раз будешь куковать в двенадцать часов. Итак, в час дня — один раз, в два часа — два раза, а сколько раз в три часа, это уже ты сообразишь сама и часы тебе подскажут...

Так сказал часовщик — и так вот появились самые первые на свете часы с кукушкой.

— Куку... — повторила кукушечка. — Куку-куку... И в первый же день она все отлично запомнила.

А через триста шестьдесят четыре дня, когда маленькая кукушечка стала большой, взрослой кукушкой, она, прокуковав свое «куку-куку», снесла целую дюжину яиц, из которых вылупились новые кукушата. Для них тоже надо было приготовить места в других часах.

С каждым годом кукушек становилось все больше и больше. Часовщику ничего другого не оставалось, как только мастерить часы с кукушками. Такие часы ему самому нравились. И никаких других он больше уже не делал.

Перевод с польского В. Ратнер

Новогодний конкурс (в № 1 «Семьи и школы») привлёк много участников. В соревнование вступали и ребята, и мамы, и папы, а то и семьи целиком. На имя жюри поступило около семи тысяч писем. И из тех, кто дал верные ответы на все 4 задания предстояло выделить призеров. Кстати, вот эти правильные решения.

Шашки. Белые выигрывают так:
№ 1. 1.f6—e7! 2.d6—c7 и т. д. X.
№ 2. 1.c5—b6! 2.h2—g3. g3—f4X.
№ 3. 1.b6—c7! 2.a5—b6! 3.g5—h6
4. h6:e1. 5.e1—h4X.
№ 4. 1.e3—d4! 2.h2—g3. e5—d6
4.g3—f4X.

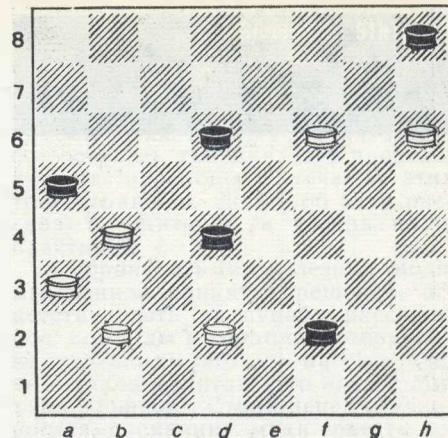
Шахматы. Чтобы обеспечить мат в два хода, нужно пойти:

№ 1. 1.LF6!
№ 2. 1.Ca8!
№ 3. 1.Fh8! (но не 1. Cf5+?, так как при ответе Kрf4 мата не дать).
№ 4. 1.Lc3!

Задания были нетрудными и большинство участников отлично справились с ними. Туго пришлось бы жюри, не будь на этот случай условиями конкурса предусмотрена жеребьевка для определения, кого награждать. Ее произвели... И вот те, кому улыбнулось счастье:

шашкисты: А. Малышев (деревня Бобрики, Гомельской области), Л. Шевчук (Одесская область), В. Скоморохов (г. Шумиха), В. Виноградов (пос. Припять Киевской области), Н. Телегина (г. Горький), В. Чистяков (пос. Крабозаводск Сахалинской области), В. Белокопытов (г. Ташкент), В. Витковская (пос. Кош-Тегирмен Киргизской ССР);

шахматисты: Б. Бурлаков (г. Рига), А. Корнилов (г. Шарья), С. Выхова (г. Ермак), А. Стукалова (г. Макеевка), Т. Хумагаалиев (Гурьевская область), Н. Седунова (Ле-

нинград), О. Эйрман (г. Горький), В. Кетова (село Ношуль Коми АССР), А. Табешадзе (Грузинская ССР).

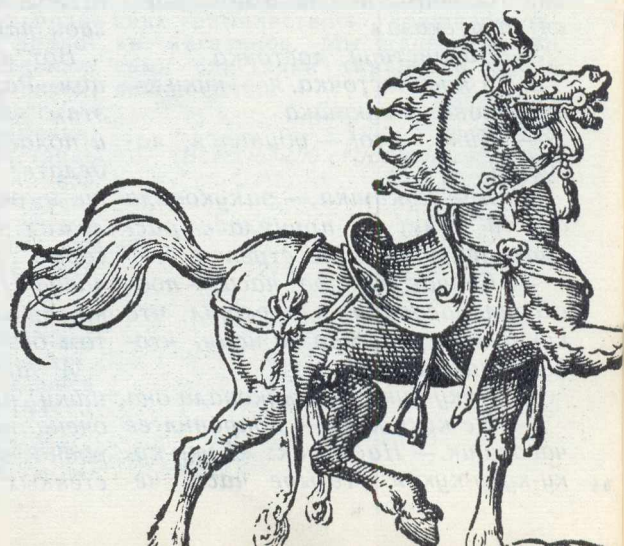
Как видите, ввиду избытка претендентов, число призов увеличено. Кроме того, награжден зарубежный участник — Ф. Лютер (ГДР).

Редакция поздравляет призеров и благодарит всех остальных читателей, принявших активное участие в конкурсе!

В письмах высказано много пожеланий, чтобы подобные конкурсы проводились и впредь. И мы рады предупредить: готовьтесь, дорогие любители шахмат и шашек, готовьтесь к новому соревнованию, которое будет объявлено нашим журналом!

Попробуйте решить

Шахматная задача и шашечная концовка, приведенные ниже, присланы школьниками. Автор первой (надо дать мат в три хода) — Юрий Башлыков из г. Белово, автор второй (найти за белых путь к победе) — Владимир Чунчаев из г. Набережные Челны. «Если моя концовка доставит кому-то радость, мне будет очень приятно», — пишет Володя. Обе задачи несложные, но занятые. Решите их!

Скакуны

На площадке длиной в 30 метров ставятся флажки через каждые 10 метров — это промежуточные финиши. Ребята образуют команды из трех человек. Двое становятся по бокам и берутся за руки, третий поднимает левую ногу и кладет ее на руки товарищей, а сам скачет на правой ноге дистанцию в 10 метров. Дойдя до первого промежуточного финиша, играющие меняются ролями: тот, кто был в центре, становится сбоку, а один из «присяжных» становится на его место. На следующем промежуточном финише — снова смена. Побеждает тройка, которая быстрее проскачет дистанцию.

Удочка

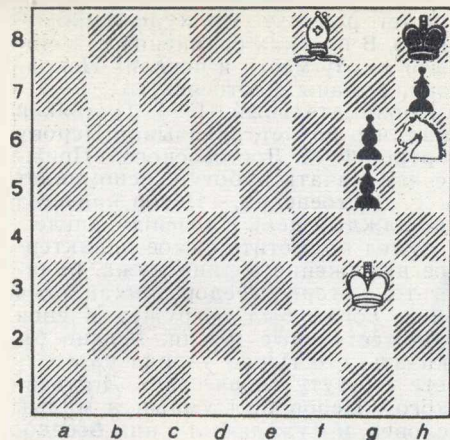
К бечевке длиной в 2—3 метра подвязывают мешочек с песком или опилками. В центре — водящий, а играющие располагаются по кругу. Круг можно нарисовать: диаметр его 4—6 метров. Водящий раскручивает «удочку» и тот, кого он подсекает, становится на его место.

Расположившиеся по кругу играющие должны подпрыгивать, пропуская мешочек под ногами. В отдельных случаях можно отступить назад, но не более одного раза перед каждым водящим. Кто во второй раз отскочит назад, чтобы не быть задетым, становится водящим.

Пасбол

Будущие мастера игры в баскетбол, волейбол, ручной мяч и регби могут уже сегодня состязаться в игре «пасбол». Если у ребят два мяча, можно организовать две команды, но в каждой должно быть четное число играющих. Ребята становятся парами и по сигналу выбранного ими судьи начинают бег до флажка и обратно. Дистанция до флажка — 10 метров. Таким образом, каждая пара участников бежит 20 метров. По правилам надо добежать до флажка и вернуться на линию старта. При этом больше двух шагов с мячом в руках игроку делать не разрешается. Мяч надо перепасовать своему партнеру. Побеждает та команда, которая, соблюдая правила, быстрее проведет мяч в такой перепасовке.

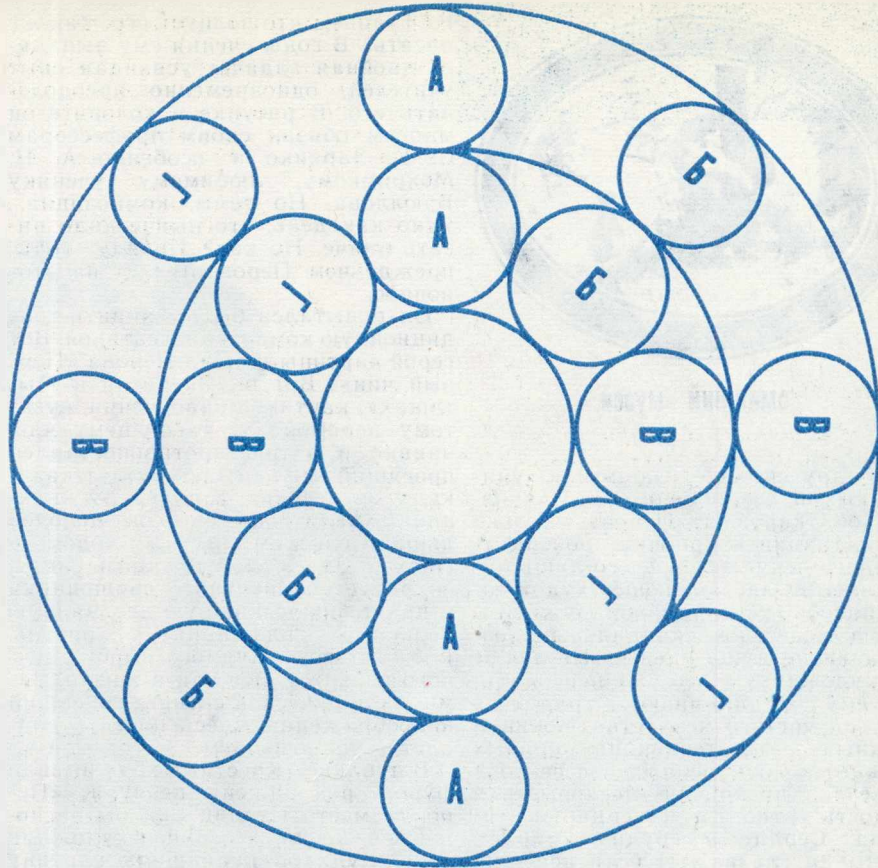
С. Глязер,
мастер спорта

Турнир заочно

«Разряда по шахматам у меня нет. Но я хотел бы сыграть в турнире по переписке. Как это сделать?» — спрашивает В. Васильев (г. Кескелен). Подобный вопрос задается во многих письмах читателей. Ответаем.

Турниры по переписке для новичков, а также для шахматистов третьего и других разрядов, организует Лиепайский шахматный клуб. Желающим выступить в таких турнирах следует написать по адресу — Латвийская ССР, г. Лиепая, абонентный ящик 35. А с победителями клуб предусматривает очную встречу в Лиепаве.

Головоломка

Расставьте числа от 1 до 16 в шестнадцати кружках так, чтобы сумма каждых четырех чисел, расположенных по одной прямой (4 А, 4 Б, 4 В, 4 Г) была равна 34. Всего четыре суммы.

Сумма чисел во внешних и внутренних кругах, сложенных по четыре, (А, Б, В, Г) тоже должна быть равна 34. Еще четыре суммы.

Теперь разделите круг двумя прямыми линиями на четыре равных части так, чтобы сумма опять-таки сложенных по четыре чисел (А, А, Б, Б — В, В, Г, Г — Б, Б, А, А — Г, Г, В, В) тоже была равна 34. Еще четыре суммы.

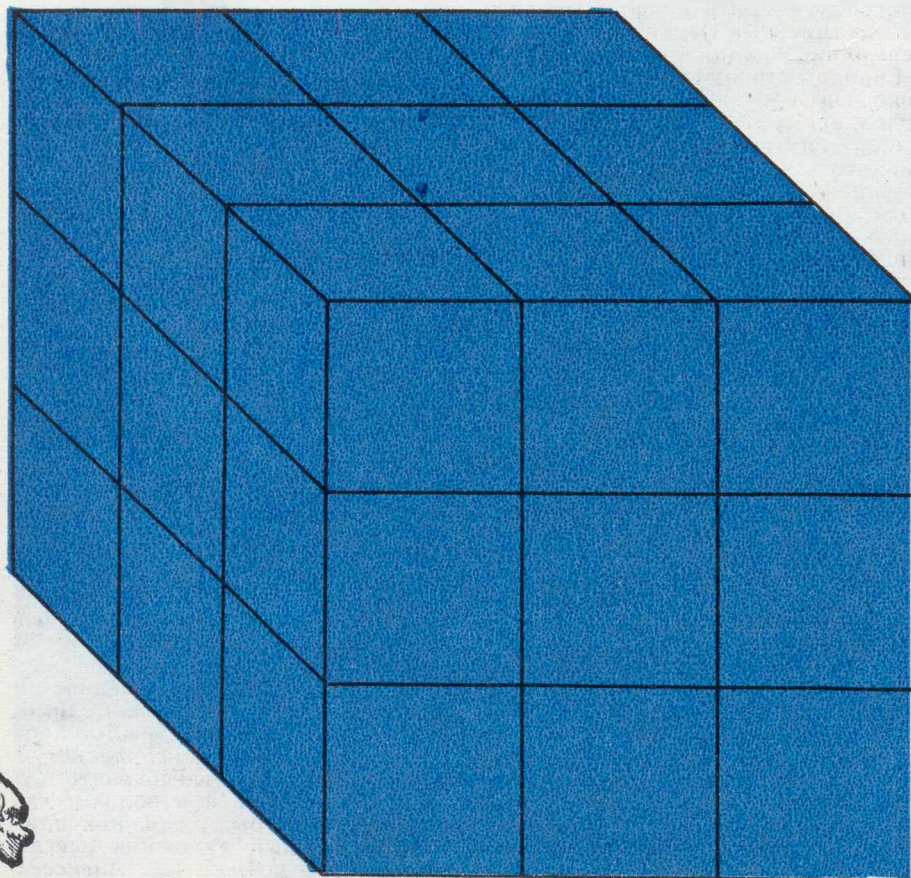
Итого — 12 сумм по 34.

Сколько каких кубиков

Куб, окрашенный в красный цвет, разрезан продольными и поперечными линиями (как показано на рисунке). Получилось 27 кубиков.

Всмотритесь в рисунок в течение полуминуты, а затем, отложив его, постарайтесь ответить на следующие вопросы:

1. Сколько кубиков окажутся совершенно неокрашенными?
2. У скольких кубиков окажется окрашенной только одна сторона?
3. Какое число кубиков будут окрашены с двух сторон?
4. Сколько кубиков будут окрашены с трех сторон?

домашний музей

Для друзей он — «защитник униженных и оскорбленных». Для недругов картины Перова — только иллюстрации к хронике происшествий, его искусство — всего лишь направление, заставляющее художника, подобно сыщикам, обнаруживать перед обществом скандальные, возмущающие душу сцены... Не лучше ли художнику, — это уже персонально ему предписывают, — трудиться во имя чистого искусства, покинув ложный путь тенденций, пряных сюжетов, вымученных эффектов? Конечно, прекрасна бескорыстная радость артиста от созерцания пейзажа. Сердце в груди замирает, слезы на глазах... И если все-таки он лишает себя этой радости и погружается в пучину горя людского и страдания, должен же хоть кто-то понимать, что это не прихоть его, а долг.

Всю свою непродолжительную жизнь Василий Григорьевич Перов (1834—1882) был честен до предела и верен принятому на себя долгу. Он был побочным сыном тобольского прокурора барона Г. К. Криденера. Крещен как Василий Григорьевич Васильев (по крестному отцу). Перов — это прозвище: мальчиком он блистал в каллиграфии, обучаясь у дьячка. Позднее он сделает это прозвище своей фамилией, — нарочито, с вызовом, помня обиду, омрачившую начало его сознательной жизни: «незаконно-рожденный»! В пятнадцать лет, бросив Арзамасскую художественную школу, он в деревеньке будет писать картину «Распятие», — совсем неумело, но с какой-то недетской, обжигающей страстью, для большей натуральности ремнями привязав натурщика к самодельному кресту. Так начнется художественная деятельность Перова, и выстраданное не сочувствие, нет... — скорее соучастие в страданиях людей навсегда остается самым волнующим мотивом его живописной манеры.

А пока, в 1853 году, Перов снова поступает учиться — в Московское училище живописи и ваяния. Он очень беден, шубу носит через день, меняясь с И. М. Прянишниковым. У него начинается чахотка,

Но главное, что волнует его: как же писать? В годы учения ему выпадает двойная задача: усваивая опыт учителей, одновременно преодолевать его. В рисунке и колорите он многим обязан своим профессорам С. К. Зарянко и особенно А. Н. Мокрицкому, любимому ученику Брюллова. Но темы, композиция... Ясно как день, что нынче надо писать иначе. Но как? Пройдут годы, прежде чем Перов ответит на этот вопрос.

Он попытался было оживить традиционную композицию сатирой. Вот герой картины-шаржа Перова «Первый чин». Вот в «Чаепитии в Мытищах», картине-наравоучении, пузатому иеромонаху, хлещущему чай, чаивно и в лоб противопоставлен просящий милостыню солдат-калека, георгиевский кавалер... Художника хвалят, но сам он доволен лишь «Сельским крестным ходом на Пасхе». Здесь, смеясь сквозь слезы, он рисует пьяньего священника и причт, полусгнившую деревянную церковь, плащаницу, хоругвь. Все — на фоне скудного, сырого, ночного пейзажа. Все как в жизни. Замысел лирической сатиры, горевший в воображении, здесь почти совпадает с воплощением.

В публике «Крестный ход» вызвал фурор, раздражена цензура. «Перову вместо Италии как бы не попасть в Соловки», — пишет художник В. Г. Худяков купившему картину П. М. Третьякову. Но все обходится благополучно, и в начале 1863 года уже знаменитый Перов за границей: Германия, Франция, Италия...

Европа затронула Перова не глубоко. Он там тосковал, пробыл недолго; кроме незначительных этюдов вывез из путешествия лишь убеждение, что «...написать картину совершенно невозможно, не зная ни народа, ни его образа жизни, ни характера, не зная типов народных». Простая истина, но нужно было к ней прийти. Все свои помыслы и силы он посвятил России.

Во всеоружии зрелого умения, пренебрегая развивающейся болезнью и усталостью, Перов в 1865—70 годах создает лучшие свои картины: «Проводы покойника» — по словам Стасова, «грозную суровую трагедию», «Тройку», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Утопленницу», «Последний кабак у заставы». Он становится главой демократического направления в русской живописи, и молодежь учится у него бережному, любовному отношению ко всему национальному и добросовестной скрупулезности в передаче народных сцен. «В Московской школе живописи все жило Перовым», — свидетельствует М. В. Несетеров, — дышало им, носило отпечаток его мыслей, слов, деяний». Первенство его среди художников было бесспорным. У кого еще — спрашивали критики — с такой силой сплавлены обличение и нежность, горечь и любовь? Кто глубже его по-

нимает родину? Из художников — никто. В поисках сравнений вспоминали «музу мести и печали» Некрасова, романы Достоевского...

Проницательный П. М. Третьяков знал, что делает, заказывая Перову портрет Ф. М. Достоевского. «Прежде чем начать работу, — вспоминает А. Г. Достоевская, — Перов навещал нас каждый день в течение недели... и сумел подметить самое характерное выражение в лице мужа, именно то, которое Федор Михайлович имел, когда был погружен в свои художественные мысли. Можно бы сказать, что Перов уловил на портрете «минуту творчества» Достоевского... Перов был умный и милый человек, и муж любил с ним беседовать... Так, во время сеансов-бесед создавался лучший портрет Ф. М. Достоевского. Однако и сам Перов в этом портрете выразил себя наиболее полно. Видно, сколько пристальности и понимания, какое напряженное воли потребовалось мастеру, чтобы решить портрет именно так, в зеленовато-коричневом колорите, словно бы созвучном внутреннему миру писателя. Перов еще раз поразил современников. Сегодня портрет поражает и нас.

И рядом с портретом Ф. М. Достоевского особенно неожиданным кажется созданный тоже в начале семидесятых годов своеобразный триптих Перова: «Птицелов», «Охотники на привале» и воспроизведенный здесь «Рыболов». Чудак-рыболов у своих удочек на берегу пруда. И все. Правда, угадывается: он беден и одинок, этот старик. Перов остается психологом, мы не сомневаемся: характер рыболова — незлобивый, биография — незадачливая. Не думая ни о чем, самозабвенно глядит он на мутную воду через нелепые очки. Но чем объясняется внезапный поворот Перова к такой умиротворенности и какому-то чуть рассеянному юмору?

В общем, все обстоит очень просто. Перову — мастеру по-настоящему великому, было присуще стремление мир отражать максимально полно, он был открыт всем, без исключения, впечатлениям бытия. Современники вспоминают, как добр, отзывчив и благожелателен был Перов в обыденной жизни. Какой неподдельной теплотой и любовным проникновением в судьбы людские дышали его устные рассказы. И вот стала neodолжимой потребность и в живописи сказать, что в мире горестей и страдания люди остаются людьми, жизнь продолжается и — посмотрите! — как он привлекателен и мил, человек, освобожденный от уродств и несправедливостей общественного устройства, наедине со своей родиной и природой. Видимо, именно этой потребностью и был продиктован добродушный перовский триптих. Потребностью показать, что к какой бы суровой и обличительной миссии ни был художник призван, подлинный художник всегда по природе — добр. В. Алексеев

Цена номера 25 копеек

70909

1-64

«Семья и школа», № 7, 1974, 1-64